

Александр
Флешин

МЕЖДУ
ТЕМ

Книга первая
Стихи 1957–2005

Александр
Флешин
МЕЖДУ
ТЕМ
Книга
первая

Александр Флешин

Между тем

Книга первая

Стихи 1957–2005

Александр
Флешин

Между тем

Книга первая
Стихи 1957–2005

Москва, 2022

УДК 821.161.1-1
ББК 83,3(2Рос=Рус)6-5
Ф71

Составитель *Э.Г. Флешина*

Флешин, А.Е.

Ф71 Между тем: В двух книгах. Книга первая. — М.: Виртуальная галерея, 2022. — 464 с., ил.

ISBN 978-5-98181-155-5

Александр Ефимович Флешин (1928–2005) – участник московской культурной, в основном, неофициальной сцены, библиофил, коллекционер и поэт.

В 1974 году Александр Флешин был осужден по политической статье и пробыл в ссылке вне Москвы, дома и семьи до 1978 года.

Настоящее издание в основном завершает публикацию его незаурядного литературного наследия, начатую маленькой прижизненной книжкой (1995) и продолженную однотомником 2010 года и двухтомником 2020-го.

УДК 821.161.1-1
ББК 83,3(2Рос=Рус)6-5

В оформлении тома использованы рисунки Владимира Яковлева и рисунок Михаила Гробмана (с. 202).

На обложке: Александр Флешин. 1970. Фотография Ю. Володина

ISBN 978-5-98181-155-5

© Э.Г. Флешина, 2022
© А.М. Дмитриев, оформление, 2022

Александр Ефимович Флешин¹

(16 ноября 1928 – 2 сентября 2005)

Александр Ефимович Флешин родился, жил и работал в Москве.

Учился с перерывами в четырёх институтах, закончил один – Институт культуры.

С 1967 года был членом секции стихотворного перевода Комитета литераторов при издательстве «Советский писатель».

В ноябре 1974 года был арестован КГБ, репрессирован, в Москву вернулся весной 1978. Продолжал заниматься переводами стихов, писал свои.

С 1979 года с весны до осени жил в деревне Погорелка Горьковской (Нижегородской) области в приобретённой избе, а с 2002 – в городке Ветлуга недалеко от Погорелки.

Дважды был реабилитирован. Первый раз в 1995, когда перестал быть сыном «врага народа». Второй – в 2007, после кончины.

Ушёл из жизни 2 сентября 2005 года в городе Ветлуга и там же похоронен.

Предыдущие издания собственных стихов:

Полет и Кара. М.: Луч, 1995.

Полёт Икара. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

Ветлужские стихи. Ветлуга: ЦРБ, 2018.

Стихотворения. Избранное. В 2 кн. М.: Возвращение, 2020.

¹ Подробнее см.: А. Флешин. Стихотворения. Кн. 1. Попытка биографии. М.: Возвращение, 2020. С. 5–16; на сайте <https://imwerden.de/publ-9595.html> (кн. 1).

От составителя

Основу настоящего издания составили неопубликованные стихотворения, обнаруженные при разборе архива поэта во время вынужденной самоизоляции уже после выхода в 2020 году двухтомника в издательстве «Возвращение». Тексты публикуются по авторским рукописным и машинописным источникам.

Новое издание также состоит из двух книг.

В четырех разделах *Книги первой* в хронологическом порядке публикуются стихи, созданные автором в период с 1957 по 2005 год.

В первый раздел включены стихи, написанные с 1957 по август 1974 года.

Источником являются машинописные и рукописные экземпляры с авторской правкой.

Во второй раздел вошли стихи, написанные с ноября 1974 по декабрь 1977 года: в Лефортовском следственном изоляторе КГБ, в лагере в Коми АССР, на «химии» в городе Микунь.

Источником являются рукописные тексты в школьных тетрадях, написанные карандашом в Лефортово, затем в письмах из лагеря и из города Микунь, написанные карандашом или шариковой ручкой. В дальнейшем большинство стихов были распечатаны на пишущей машинке.

В третий раздел вошли стихи, написанные с сентября 1978 по 2000 год.

В четвертый раздел вошли стихи 2001 – 2005 годов. Публикуются по авторской машинописи.

Источником третьего и четвертого разделов являются стихи, распечатанные под диктовку автора на листах формата А4.

В *Книгу вторую* вошли своеобразные циклы *Дистрофики* (так автор называл стихи из двух стрóf) и *Мелочь* (короткие стихи, фразы, афоризмы), детские стихи, переводы детских стихов, проза. Завершает двухтомник раздел *Приложения*, состоящий из:

— фрагментов из *Амбарной книги* (весной 1978 года Александр Флешин вернулся в Москву из города Микунь Коми АССР, где он заканчивал свой срок на «химии». С осени 1979 по 2003 год он записывал в *амбарную книгу* – названную им так толстую тетрадь в твёрдом переплёте формата А4 – некоторые свои стихи, могилеты, «мысли для мыслей», афоризмы, цитаты из прочитанных книг и свои комментарии к ним);

— фрагментов переписки Э. и А. Флешиных с Л. Иоффе (Москва – Иерусалим, 1977 – 1986 годы; из архива Л. И. и Э. Ф.);

— стихов А. Маковского и Л. Васильевой из писем, отправленных А. Ф. в Коми в лагерь (из архива семьи);

— некоторых прижизненных публикаций в прессе;

— воспоминаний о поэте и друзьях семьи Флешиных.

В стихах автор использовал букву ё.

Пунктуация авторская, в основном нормативная.

В переписке Иоффе и Флешиных, в стихах Маковского и Васильевой орфография и пунктуация сохранены авторские.

В книгу не вошли многочисленные авторизованные переводы стихов, опубликованные с 1965 года в отдельных книгах и в периодической печати.

Александр Флешин знал английский и китайский языки. Переводил стихи современных поэтов с азербайджанского, башкирского, грузинского, латвийского, коми, таджикского, татарского, туркменского, узбекского и других языков (по подстрочникам).

В оформлении книги использованы работы художников, которые посещали дом А. и Э. Флешиных¹: И. Ворошилова, М. Гробмана, Ю. Дунаева, А. Зверева, В. Лопухина, А. Путова, С. Симакова, А. А. Штейнберга, В. Яковлева, а также фотографиями из семейного архива.

За помощь в работе над книгой благодарю И. А. Ахметьева, А. А. Беловицкую, М. А. Фролова.

Элла Флешина

¹ См.: А. Флешин. Стихотворения. Кн. 2. Неслучайные встречи. М.: Возвращение, 2020. С. 615 – 646; на сайте <https://imwerden.de/publ-9596.html> (кн. 2).

1957–август 1974

Москва, Таруса

Александр Флешин. Гороховский переулок. 1971. Фотография Ю. Володина

РОЗА

Её воспевали в стихах и в прозе,
Кого не пленяла её краса!
Мне тоже сейчас захотелось о розе
Стихи вдохновенные написать.

Я розу свою увидел случайно
В большом гастрономе, куда зашёл,
Чтоб взять колбасы и чего-нибудь к чаю –
Чего я и сам не знал хорошо.

Решив, что варенья купить бы надо,
Я быстро в фруктовый прошёл отдел.
Скользнув по прилавку рассеянным взглядом,
На банки консервные поглядел.

Меня захватила волна гипноза:
Стоял я без мыслей, без чувств, без слов,
Уставясь на банку с наклейкою «Роза» –
Варенье из розовых лепестков!

Позор, до чего докатились люди:
Им мало поджаренных соловьёв!
Теперь они розой закусывать будут,
За завтраком будут жевать её!

Какого лекарства, какую дозу
Найти, чтоб исчезла тупая спесь?
Пожалуйста, люди, не кушайте розу!
И ландыши тоже не надо есть!

1957. Москва

Что-то некогда означавшее,
в ночь ушедшее без следа,
отмелькавшее, отзвучавшее
возвращается, иногда.
Проберётся тропой заросшею,
в сердце втиснется не спросясь,
и легко оживит хорошее,
тяжело взбаламутит грязь;
проведёт по забытым комнатам,
заведёт в позабытый сад,
в уголок удалится скромно там
на минуточку... на полчаса.
Помолчит, улыбаясь в дательном.
Спросит: – Помнишь? А ну, пропой, –
и в глаза, поглядев внимательно,
той же самой уйдёт тропой.
Может быть, в тех краях заброшенных
побывавший в последний раз,
ты смахнёшь со щеки горошины
и посмотришь, который час.

1957. Москва

Солнце, облачные горы раздвинь,
Подожги скорее застывшую синь,
Пробуди меня от вязкого сна,
Расскажи, как землю кружит весна,

Полосни меня лучом по глазам,
Исцели меня, как нож, как бальзам.
На закате – растворяйся в груди,
На рассвете – из неё выходи...

Чтоб всегда – то надо мной, то во мне,
Чтобы жить мне саламандрой в огне.
Чтобы всё, что было примесью – в шлак!
Чтоб отныне навсегда – только так!

1961. Москва

Э.

Сегодня вновь обрёл я душу,
расставшись с зыбью водной глади.
Я выкупил у чёрта душу,
что у него была в закладе.
Я в дураках его оставил,
хоть он уверен был в победе,
и даже сам апостол Павел
созвал на радостях соседей.
И Бог благословил мой жребий,
на райские взирая кущи,
и в призрачно-прозрачном небе
был семицветный флаг распущен.
И лишь в хозяйстве Люцифера
царят уныние и злоба.
Решают в высших адских сферах
смотреть за мной отныне в оба.
Не примирившись с пораженьем,
обиду затаив до смерти,
на странное преображенье
глядят растерянные черти.
А я иду, как по канату
среди этого переполоха
и улыбаюсь виновато.

.....

Но чувствую себя неплохо.

Декабрь 1962. Москва

Мы не ищем ни чинов, ни наград,
Мы не топчем по пути слабачков.
Не решаем слишком сложных шарад,
Не играем тёмной ночью в «очко».

Мы с ухмылочкой сидим в камышах,
Ну, а в поле пусть воюет другой.
Все мы знаем: в общем, жизнь хороша,
Ну, а в частности, в ней пахнет пургой.

Можно, в частности, простуду схватить,
Заблудившись, не туда забрести,
Можно, встретиться с драконом в пути
И сказать ему трусливо: «Прости!»

В стороне от всех дорог и тревог
Так приветливо шуршат камыши...
Пусть бродяга Робин Гуд дует в рог,
Мудро шепчут камыши: «Не спеши...»

1962. Москва

ЛЕТНЯЯ ЭЛЛЕГИЯ

Э.

Хорошо идти и не спешить.
Хорошо, что нечего терять.
Можно ль время мерять на гроши
И бояться их истратить зря?!

Да и день сегодня не таков,
Чтоб покинуть лабиринт аллей.
Белый пух, слетая с облаков,
Оседает в кронах тополей.

В воздухе порхает птичий крик,
Грустный ветер теребит листву
И звучит из дальних окон Григ,
Сольвейг смотрит в окна на Москву.

И сирени задремавший куст
В прошлое спешит вас окунуть.
Не в такой ли день когда-то Пруст
Вышел в свой ведущий в вечность путь?

Август 1963. Усть-Нарва

В лавке антиквара-армянина
На изгибе улочки кривой
Я увидел лампу Алладина,
Ту, что столь прославлена молвой.

Плесень выступала из-под пыли
На потёртых временем боках.
В воздухе над ней виденья плыли,
Растворяясь в дымных облаках.

Там – плоды диковинного сада,
Там – султанский сказочный гарем.
Вот мечети и дворцы Багдада...
Я глядел, томился и горел...

На меня обрушилась мгновенно
Роскоши восточной красота,
Что неистребима и нетленна,
И в бесстыдстве дьявольском чиста.

Я глядел, и сердце колотилось,
Как в темнице скованный орёл.
Чья тут воля? Как это случилось,
Что сюда сегодня я забрёл?

Если бы пришёл сюда я раньше
На пять лет – да, что уж там! – на год!
И страшась соблазна, словно фальши,
Я ушёл, кривя гримасой рот.

Осаждённый теньями Содома,
Я почти всю ночь провёл в бреду.
На заре я выскользнул из дома,
Надевая платье на ходу.

Я вбежал во мрак лавчонки душевной,
От волнения голос мой ослаб...
Но сказал хозяин равнодушно,
Что купил её старик-араб.

1963. Москва

Э.

На опустевших мостовых
Унылый дождь асфальт долбит,
Ведёт по улицам Москвы
Туристку-осень дождик-гид.

А ветер к логову зари
Спешит, опухший от воды,
И оставляют фонари
На лужах жёлтые следы...

Когда-нибудь в такую ночь
В окошко ветер стукнет мне:
Ну, как, готов? – Что ж, я не прочь, –
Скажу в ответ, как бы во сне.

Промчится молния в ночи
И прогремит веков обвал,
И сообщат тебе врачи,
Что я своё оттосковал.

1963. Москва

ЧЕРВЬ СОМНЕНЬЯ

Червь сомненья кушать хочет,
Червь сомненья души точит,
Он вгрызается, как в грушу
В облюбованную душу.

Он жуёт неторопливо,
Углубясь в неё, как в сливу,
И, попробуйте, не сгиньте
В этом чёрном лабиринте!

Вам отныне нет спасенья.
Разрушая ловко семьи,
И друзей бросая в драку,
Он ведёт к тоске и мраку,

Он, ничтожный и бессильный,
Нас толкает в склеп могильный.
Потеряв любовь и веру,
Перейдя страданий меру,

Вы увидите, как страшен
Погубивший душу вашу
Вестник тленья и гниенья
«Безобидный» червь сомненья.

11 сентября 1964. Москва

Из цикла «ВЕСНА 1964»

Э.

Хочешь, я подарю тебе ветер?
Мягкий ветер, ласкающий ветви,
Прогоняющий с солнца морщины,
Леденцами сосулук звенящий,

Вызывающий смех без причины,
В сердце радость и грусть приносящий?
Он подхватит тебя и закружит,
Хлынет в тело весенним потоком
И затопит все кочки и лужи
Смоляным закипающим соком.
Не беда, что у ног он не ляжет
Обленившимся ласковым шпигцем,
И с тобой не простившийся даже
За лучом или тенью помчится.
Он подобен тем гордым пернатым,
Для которых нет жизни в неволе:
Ведь они от рожденья крылаты,
Улетят и ищи ветра в поле!
Вот он – парус небесный надувший,
Что-то шепчущий в самые уши,
Не заботясь о нашем ответе...

Хочешь, я подарю тебе ветер?

11 марта 1964. Москва

ОБРЕЧЁННЫЙ

Жёлтый лист на зелёном дереве,
Точно юноша, смертью меченый,
Мало жизни ему отмерили,
Да и ту вконец искалечили.

Улыбается мир ровесникам,
Ярким соком весны окрашенным,
А его уже спета песенка –
Он застыл на пороге страшного.

Я гляжу на сухую медь его
В хороводе здоровой зелени,
Не видать ему солнца летнего,
Не дрожать от дождя осеннего.

Мы в судьбу не напрасно верили,
Нам на жизнь обижаться нечего.
Жёлтый лист на зелёном дереве,
Точно юноша, смертью меченый...

7 ноября 1964. Москва

Золу этих лет сквозь стихи просеяв,
Фонарь погасив и забросив бочку,
Иду в глухомань, где поднесь *Расея*
Одета в берёзовую сорочку.
Где щёлк соловьиный пронесит ветер
Над пьяной дрёмой речных туманов,
Где солнечный ключ на парном рассвете
Цветы отпирает. Где утром рано
Роса вызревает на мягких травах,
И в каждой росинке пылает солнце,

Где люди просты и в мечтах и в нравах,
И каждому светит его оконце.
Где можно лежать на траве примятой
И солнце держать на своей ладони,
Где воздух пропитан пыльцой и мятой,
А небо в глазах человечьих тонет...
Иду по тропинке, забытой всеми,
Кусты раздвигаю, топчу крапиву,
А вместе с нею топчу и время,
Что нас топтало нетерпеливо...

1964. Москва

Э.

Ты меня не ругай сурово,
Не руби под собою сук,
Я ещё не сказал то слово,
Что войдёт, как полночный стук,
И в твою, и в чужие души,
Все другие слова изгнав,
Алтари всех богов разрушив,
Объявив, что пришла весна.
Ты меня не баюкай и лестью,
По головке меня не гладь,
Брось ты эту повадку лисью,
Я и так понесу ту кладь.
Я оставить её не в силах,
Без неё я рассыплюсь в прах,
Сколько б ты мне грехов простила,
Если бы поняла, как я прав!
Впрочем, всё это так, пустое,
Просто бредни и болтовня.
По секрету скажу: не стоит
Откровений ждать от меня.

Бог смешон: он ошибся снова,
В брак – ещё одна Божья тварь...
Никогда не скажу я слова,
Без которого жизнь мертва.

1964. Москва

Скоро всё кончится –
Радости, горести.
А пока хочется
Ясности, зоркости.

К дьяволу! По боку
Монумент каменный.
Молятся облаку
Языки пламени.

Пусть кадит идолам
Сонная улица.
Это раб выдумал:
Стерпится – слюбится.

Это змей выдумал,
Люди, мол, винтики.
Это где ж видано,
В колпаках – критики?!

Скоро всё кончится –
Время – враг зрелости.
А пока хочется
Сеющей смелости.

Май 1965. Москва

От души до души – не тайга, – камыши.
Отчего же так трудно бывает порой
Пробираться в густой камышовой тиши,
Избегая засад и меняя пароль?

То идёшь напрямик, то ползком, то в обход,
Чтоб поймать на лету ускользящий взгляд,
Чтоб проникнуть в упорно скрываемый вход,
С человека сорвав маскарадный наряд.

Или бережно руку ему положить
На плечо, не колеблясь. И встать рядом с ним
Против тяжкой беды, против злобы и лжи,
Или просто сказать человеку: – Усни!

Не завидная честь – быть слепым и глухим,
И замкнувшись, обиды копить, как гроши.
Есть ведь музыка, краски, улыбки, стихи...
От души до души – не тайга, – камыши.

1965. Москва

НЕСУЩАЯ НАГРУЗКУ

Э.

Мы морщили напрасно наши лбы,
Не находя решения задачи;
Вопрос проклятый: «Быть или не быть»
Вставал, усмешку неумело пряча.

Вставал вопрос, слетев с листов афиш,
И радовал, и требовал ответа.
Мы были «за», одно смущало лишь:
Афиши были – не было билетов.

А как хотелось нам с тобой пойти
На это выступление поэтов!
Но были перекрыты все пути,
Уже казалось: песня наша спета!

И, наконец, последний день настал,
День, на который вечер был назначен...
Но мы же в детстве пели не спроста,
Что надо верить до конца в удачу.

Кассирша-фея, как в чудесном сне,
С изяществом жемчужины балета
Вдруг два билета протянула мне
И – как нагрузку! – два других билета.

Конечно, от балласта толку нет,
Поправку в наши планы жизнь вносила,
Но был я рад, что получил билет,
И был я горд за стих, набравший силу.

Пусть ритм стиха и жизни нашей ритм
Сольются в торжествующую музыку,
Пусть факелом негаснувшим горит
Поэзия, несущая нагрузку!

1965. Москва

ЗЁРНА

Брать быка за рога –
 то удел мясников и тореро.
А искусство поэта –
 коррида особого рода.
Здесь другие законы,
 иная оценка и мера.
Клад в пещере хранится,
 где дремлют драконы у входа.
Здесь тебе не помогут
 совет хитреца Одиссея
И поддержка Геракла,
 могучего супергероя.
Надо зёрна такие взрастить,
 чтобы ими засеять
Этот мёртвый асфальт,
 сжавший землю бесплодной корою.
И когда оживят пепелище
 зелёные всходы
И поднимется выше домов
 золотая пшеница,
Пред тобою покорно склонятся
 драконы у входа
В ту пещеру, где издавна
 клад заповедный хранится.

18 ноября 1966. Москва

ШУТКА

Бог был неисправимым дилетантом:
Играющий могуществом своим,
Он брал не прилежаньем, а талантом,
И мир творил, как мы стихи творим.

Работал он без графика и плана,
Игрой воображенья увлечён,
Опомнился и видит: обезьяна
Уже уселась на его плечо.

Не дожидаясь ярости мгновенной,
Она набралась обезьянних сил
И стала умолять творца вселенной,
Чтоб он её душою наградил.

Бог хмыкнул, кашлянул смущённо в руку
И рёк: – Умолкни! Слушай, что скажу,
Не ведаю я, что это за штука,
Но, ежели ты просишь – награжу.

Мизинцем Бог поскрёб на солнце пятна
И с ласковой усмешкой произнёс:
– Товар не принимается обратно!
С тем и ступай! Спаси тебя Христос!

Любой товар, увы! – не без изъяна,
Всё дело в том, чтоб не был он большой...
Потомков одарила обезьяна
Чудовищно чувствительной душой.

Декабрь 1966. Москва

Время, ты в бесплотности своей
Самая весомая из истин,
Ты в глубины неземных морей
Окунаешь солнечные кисти!

Неприметно за мазком мазок
Ты на холст накладываешь краски,
Мир просторен, светел и высок,
Словно отраженье доброй сказки.

Молод он? Состарился ль давно?
Время, не тебя ль назвал он Богом?
Нам проникнуть в тайну не дано,
Нам и без того дано так много!

Память ... Словно в море острова,
И над каждым островом по флагу...
Чувства вырождаются в слова,
Тени слов ложатся на бумагу...

1966. Москва

ПРОСТО ТАК

Просто так, без видимой причины,
Все вокруг меня преобразилось,
Словно вещи сбросили личины
И на них сияние пролилось.

Потолок поднялся и пропали
Древние морщины стен угрюмых;
Радужные искры заиграли
В полумраке запылённых рюмок.

Просто так, без видимой причины
Вдруг звезда над шкафом заблестала,
Просто так, без всякой чертовщины,
Сразу как-то всё на место встало.

И, наверно, чудо возрожденья
Отразилось у меня во взгляде:
Козлик, на стене застывший тенью¹,
Улыбнулся мне, чего бы ради?!

¹ Чеканка, подаренная М. Кипшидзе.

Снова жадно вслушиваюсь в слово,
Жду вестей, смеюсь неудержимо.

.....

Завтра утром я найду подкову,
Или просто повстречаю джинна.

7 января 1967. Москва

ПОИСК

Ищут художники,
Ищут геологи,
Ищут поэты
И археологи.

Физики ищут,
Забравшись на Полюс,
Свежую пищу
Для тощих гипотез.

Из бочек схоластики
Вышибив днища,
Истину ясную
Гностики ищут.

До одурения,
До изнурения
Поиск идёт
В десяти измерениях.

Я, между прочим,
Тоже ищу
Ту,
 легендарную в общем
Пращу.

8 января 1967. Москва

В ПОЛЁТЕ (МОСКВА – СУХУМИ)

Взлетели. Сижу, как боярин в Думе.
Молчу. Ни о чём не думаю.
Москва позади, впереди Сухуми.
Лайнер – машина умная.
Земли не видать, ну а небо рядом,
открытое взгляду, голое.
Снаружи порядок. Внутри порядок.
Дорога совсем не долгая.
Дорога! Какая уж тут дорога?
Поди разберись в её облике!
Может нам погостить немного
на необитаемом облаке?
Живя на земле, в облаках витаем,
А тут – поскорей спуститься бы.
Но мир наших снов и тот обитаем
не только синими птицами.
Где же ты море? Мы даже не знаем,
отлив ли сейчас, прилив ли.
Летим в пустоте. Глубоко под нами
к земле облака прилипли.

Весна 1967. Москва

Во мне горит неяркий огонёк,
то не свеча, не плошка, не лучина.
Душа? Да нет, скорей первопричина
всего, что я искал, желал и мог.

Пусть катится с Голгофы снежный ком
(я слышу голос: – Видано ль такое?!),
пусть ветры над упрямым огоньком
беснуются, не находя покоя.

Ему не страшен грозный взмах руки,
над ним не властны силы роковые
и трудно вспомнить мне, когда впервые
он отразился в зеркале строки.

Но был толчок и головокруженье,
и протянулась в будущее нить.
Угаснет огонёк, но отраженье
нетленной тенью будет в мире жить.

Бессмертие? Заезженный конёк!
Соломинка для слабых и убогих.
В забвение уходят все дороги
и мотыльки летят на огонёк.

11 июня 1967. Москва

Мне не узнать уж, видно, никогда
Куда спешит усталая вода,
Зачем воркует и о чём поёт
Она, чьи ипостаси – пар и лёд.
Бежит вода через пороги дней
И всё живое припадает к ней.
Какая сила гонит вдаль поток,
Чтоб кто-то мог испить воды глоток,
Чтоб рыбы плыли мимо облаков
И осыпались лепестки веков?

Мне не понять, но шепчутся пруды
О том, что сам я – капля той воды.

27 июня 1967. Нижнее Пишапи

ОДНАЖДЫ ЛЕТОМ

Пропылилась безбожно дорога бездомная,
Воздух пылью пропитан вполне.
То ли впрямь безысходность сегодня бездонная,
То ли это привиделось мне?

Гуси гагают, вытянув шеи скрипучие,
Оглушительной злобы полны,
Даже солнце готово ужалить при случае
И шипами кусты снабжены.

Словно вдруг вся природа вокруг ощетинилась,
До травинки во рву напряглась.
Может всё же мне всё это просто привиделось?
Гуси смолкли и пыль улеглась.

И деревья, кивая ветвями приветливо,
Отгоняют назойливый зной.
Полон день безмятежного, тёплого, светлого
Ожидания встречи со мной.

Август 1967. Нижнее Пшани

ПИСЬМЕННЫЙ СТОЛ

Сияя полировкой безупречной,
Он водворился в комнату мою.
И я, нетерпеливый и беспечный,
Его поставил бездны на краю.

Он в пол упёрся крепкими ногами,
Чтоб отразить угрозы потолка.
Он, видно, знал, что окружён врагами,
И что победа будет нелегка.

Он был чужим в дремотном царстве этом
Среди вещей, сдружившихся давно,
Но засветилось дружеским приветом
Всевидящее мудрое окно.

Оно, уют мещанский презирая,
Вещам предпочитало облака.
Не признавало комнатного рая,
Но и не порывало с ним пока.

И стол с окном беседовал, как с равным.
Не зря судьба так близко их свела.
Стол понимал, что будет самым главным,
И станет ему комната мала.

Не знаю я, да может и не надо,
Каким путём он в дом ко мне пришёл,
Какая непутёвая дриада,
Покинув ствол, переселилась в стол.

6 февраля 1968. Москва

ЗИМА

Ветра лёгкий плащ
 в лучах искрится
Белым пламенем
 земля горит.
Словно хищная
 большая птица
Над безмолвием
 зима парит.
Ловит хлопья
 голубого света
Немигающий
 холодный взгляд.
И неведомо зиме,
 что где-то
Журавли на облако
 глядят.

Февраль 1969. Москва

НЕ СПЕШИТЕ ДАВАТЬ ИМЕНА!

*Властно кладя на человека тот или иной отпечаток,
имя тяготеет и над его судьбою! Кто знает, напри-
мер, счастливого Бориса? Имя это – символ несчастий,
тяжёлой жизни и зачастую сумасшествия.*

*С. Р. Минцлов. Странное...
О влиянии имени на судьбу человека*

Так значит в этот миг клеймо ложится
На наши розовеющие лбы
И с этих пор над головой кружится
Косая тень безжалостной судьбы.

И путь твой на доске прочерчен мелом –
Куда ни повернёшь, кругом стена.
Не даром же считалось главным делом
Давать вещам и тварям имена.

И если нарекли тебя Борисом,
Не жди от жизни праздничных даров,
Все йоги изучи, питайся рисом –
не будешь ты ни весел, ни здоров.

Передо мной проходят вереницей
Владельцы подозрительных имён.
Они пускались в путь за Синей птицей
И в пыль летели клочья их знамён.

Кто в богадельню попадал, старея,
Кто в Соловки, кто в Белые Столбы
И этот, что прикинулся Андреем¹,
Ушёл ли он от собственной судьбы?!

Я не горжусь успехами своими
Но, хоть ничтожно мал мой чин и сан,
Благодарю родителей за имя,
За то, что я с рожденья Александр!

20 июня 1969. Москва

Всё проще, всё банальней и мудрей.
Вычерпывая жадно неизбежность
Мы в недовольстве растворяя нежность,
Торопимся сгореть дотла скорей.

Торопимся, на атомы дробя
Свою земную сладостную муку.

¹ Андрей – Андрей Белый, псевдоним Бориса Бугаева.

Суём в огонь бунтующую руку,
Чтоб испытать его или себя...

И гордости людской нелепый плод
Расчётливое, хищное смирение
Даёт фальшивый вексель на спасенье,
Смочив карболкой пересоший рот.

Сентябрь 1969. Москва

Юре Володину

Мир – зеркало, в которое века
Глядится человек, не понимая,
Того, что Землю взглядом обнимая,
Он на себя глядит издалика.

А, впрочем, может всё наоборот,
И человек лишь зеркало Вселенной,
Непостижимой, вечной, неразменной,
В которую заказан людям вход.

А если занесло тебя сюда,
Довольствуйся любой половиной.
Под радугой из трели соловьиной
Пройди легко и не оставь следа.

1969. Москва

ШАХМАТНАЯ ФАНТАЗИЯ

Не ходит конь по одноцветным клеткам,
Не плавает ладья наискосок.
Мир видится, порой, зеркальным слепком
Доски, но он – архипелаг досок.

Из века в век свихнувшийся гроссмейстер
Ведёт одновременную игру
С самим собой, поскольку больше не с кем,
Поскольку равных нет по мастерству.

А нас искусно в ожиданье хода
Морочит разлинованный квадрат,
Хоть клетки размывает непогода
И жертвы остаются без награда.

1969. Москва

Корабль непоправимо болен,
И насмерть врос в морское дно.
Он стал сообществом пробоин
И грудой лома заодно.

Сквозь те пробоины сочится
Воспоминаний мерный дым
И как голодная волчица
Вода склоняется над ним.

Его удел теперь – забвеньё.
Он даже с ветром разлучён,
Чьё вдаль торопит дуновеньё
Какой-нибудь нелепый чёлн.

Размежеванья дня и ночи
Ему уже не различить,
А море одного лишь хочет:
Его от жизни излечить.

Январь 1970. Москва

Над протяжённостью бесполох притяжений
Сцепления оцепенелых звёзд –
Коралловый непроходимый мост
С провалами из головокружений.

Чертополохом время заросло
И на три мира расчленяется пространство.
Объявлен истиной закон непостоянства
Всем истинным законникам на зло.

Но прорываясь сквозь ресничный лепет
И лепет истомившихся ветвей,
Стирает пыль и трепет робкий ропот
Души не существующей твоей.

Январь 1970. Москва

МОСКВА – ТБИЛИСИ

Я в Тбилиси привёз
Белый снег на крыле самолёта.
Он окутал дома и деревья
Густой пеленой.
Будет радость ребятам,
А дворникам будет работа.
Лёгкий снег из Москвы
И в Тбилиси парит надо мной.

Я люблю этот сад,
Распахнувшийся другу навстречу,
Протянувший жемчужину неба
Влюблённому в дар,
И людей беспокойных
С гортанной пронзительной речью,
И бесчисленных тостов и песен
Не гаснувший жар.

Быстро дни промелькнут,
И настанет минута прощанья.
Город тихо шепнёт:
«Приезжай, я тебя подожду...»
Мягкий воздух на плечи
Опустится солнечной тканью.
Вот и всё. Мы простились.
Но сверху он весь на виду.

О его доброте
Буду думать во время полёта.
И чтоб меньше по этой
Чудесной земле тосковать,
Я Тбилисское солнце в Москву
На крыле самолёта
Привезу, и оно
Надо мной будет вечно сиять.

Весна 1970. Тбилиси

Прости меня весна,
За всё, за всё прости
И не суди меня
Сегодня слишком строго,
За то, что я зерна
Не удержал в горсти
И в зыбкий омут звёзд
Не бросился с порога.

Прости меня весна,
За то, что я увяз
В болотной суете
Навязчивого быта,

За то, что не сумел
(Уже в который раз!)
Взглянуть в твоё лицо
Бесстрашно и открыто.

Поймёшь ли ты сейчас
В безумии своём
Не знающем преград,
Непостижимо мудром,
Как мы самих себя
Порой сдаём в наём,
Не видя ночью звёзд,
Зари не видя утром.

Я виноват, весна,
Верши свой правый суд,
Рази меня со всей
Неотвратимой силой
И вдребезги разбей,
Как дьявольский сосуд
То сердце, что расчёт
С любовью совместило.

20 июня 1970. Москва

ПЕСЕНКА

Мелькают лопасти, скользя,
Скрипят людишки-винтики.
Ведь государству жить нельзя
Без внутренней политики.

Мудрейшим, праведным мужам
Вся жизнь передоверена.
А эта, что осталась нам
Разумна и умеренна.

Всё наверху за нас решат,
И что к чему скумекают.
Часы спешат, всегда спешат,
Хотя спешить им некуда.

Живём во временном Раю,
Как свыше установлено.
А если я чего пою,
Так это так, хреновина!

8 декабря 1970. Москва

ВЕСНЕ НА ПАМЯТЬ

Как прощались
С крышами снега,
Возвращались
С юга облака.

Дни настали –
Ветер сам не свой.
Зарастали
Птичьи сны листвой.

Звонко пели
Ель, берёза, клён.
Звон капли –
Колокольный звон!

В море где-то
Резал волны чёлн...
Ну, а мне-то
Было петь о чём?

1970. Москва

ГОРОД

В этом городе не было улиц –
Одни тупики.

Пауки непомерно раздулись
На нитях строки.

В этом городе каждое дерево
Было вьюнком.
Здесь из черного делали белое
Гномы с венком.

Ни холера его не брала, говорят,
Ни чума.
Ряд за рядом, а то и не в ряд
Громоздились дома.

Устоит и в воде, и в огне
И вращёт в небосклон
Этот город, уснувший на дне
Океана времён.

19 июня 1970

Как далека теперь пора,
Когда с восхода до заката
На утешения щедра
И переливами богата
Звучала в просеках лесных
И в далях реяла безбрежных
Импровизация весны
На тему Веры и Надежды.

Земля линяет за окном
Под колокольный звон капели,

Она хлопчет об одном,
Чтоб мы не плакали, а пели.
И вновь заполнит наши сны
И зазвучит в душе как прежде
Импровизация весны
На тему Веры и Надежды.

Апрель 1971. Москва

Истекают сроки. Вечность на исходе.
Время леденеет на ветру.
В мире законном что-то происходит
Это понимаешь поутру.

Где-то бедокурят снежные обвалы,
Океан глотаёт облака
И поля туманом полнятся кровавым
Из окна не видимым пока.

В мире всё сместилось, как-то незаметно.
То ли кто-то воздух подменил,
То ли, заблудившись, пьяная комета
Врезалась в резервуар чернил.

Так или иначе происходит что-то.
И на трон возводится вина.
Метроном ошибок, сбившийся со счёта,
Вышибает стёкла из окна.

Апрель 1971. Москва

СТИХИ О «СЧАСТЬЕ»

Только волны и мотыльки...
Остальное давно не в счёт.
Дни и ночи на вкус горьки.
Время в жилах тугих течёт.

Время мёд претворяет в яд,
обращая зерно в труху,
в жизни Рай предваряет Ад.
Время, словно лёд на меху.

Слово «счастье» придумал тот,
для кого и века легки.
Свет и тьма охраняют вход.
...Только волны и мотыльки.

Сентябрь 1971. Москва

СМЕРТЬ

1

Крутой,
непостижимый поворот.
Беззубый рот
распахнутых ворот
и мрак,
а может слишком яркий свет.
И ничего
за этим больше нет.

2

У смерти лёгкий шаг.
Не скрипнет половица,

не захрустит песок,
не шелохнётся лист,
когда она идёт,
бросая тень на лица
и в известь на ходу
обмакивая кисть.

3

Безумец лишь её
приход встречает смехом
и лишь мудрец без слёз
ей тело отдаёт,
но музыка за ней
летит чудесным эхом
и лепестки цветов
целуют след её.

Октябрь 1971. Москва

Январь попахивал весной
И нарушением приличий.
А над опушкой лесной
Взлетал тревожный щебет птичий.

Авторитет календаря
Он явно подрывал в основе,
Надежды жидкие даря
И таянью не прекослова.

Я лично обойдусь без вьюг
И окрыляющей метели,
Другим доверя снежный вьюк
И бесприютный холод в теле.

Но снежное сиянье дня
И хрупкость полночи морозной
Порой уносят и меня
В мир невесомости надзвёздной.

Домов и дней унылый ряд
Бредёт по наледи устало,
Нет, в этот нищенский наряд
Зиме рядиться не пристало!

Мне суть явлений не ясна.
Кому на радость шутки эти?
Зачем насмешница-весна
В январь забрасывает сети?!

1971. Москва

А. Галичу

Мир грозились спасти не мы ли?
Что же с нами потом случилось?
Слишком многое мы забыли,
Слишком многому научились.

Время судьбы людские лепит,
Но и мы за себя в ответе.
Наш бессвязный нелепый лепет
Замирает при ярком свете.

Думать трудно, но думать надо.
Разглядеть себя не пора ли?
Над нехитрой моралью стада
Есть высоты иной морали.

Есть открытые солнцу дали,
Есть герои и скоморохи.
Мы забыли за что нам дали
Чечевичной похлёбки крохи.

22 января 1972. Москва

РАЗДУМЬЕ

Основа жизни есть движенье.
Но как его определить?
Вот, скажем, головокруженье...
Или натянутая нить...

А мысли грозная лавина,
А чувства огненный поток?
И даже мёртвая картина,
Раскрывшаяся, как цветок...

Между движеньем и покоем
Не различить порой межи.
Но как же уяснить такое
Сплетенье истины и лжи?!

Одно лишь нам внушает пресса,
Неся во мрак слепящий свет:
Движение – залог прогресса
И потому покоя нет!

Январь 1972. Москва

НА ОТДЫХЕ

Э.

Литва голубоглазая!
Ты и на этот раз
Дары многообразные
Приберегла для нас.

Живём в озёрном, ягодном,
Безкопотном краю,
По ульям и по яблоням
Сверяя жизнь свою.

Взяв удочки и донки, я
На зорьке уж в пути.
Паучьи снасти тонкие
Стараюсь обойти.

Рвёт копошеньё тварное
Туманы по лугам.
Трясина льнёт коварная
К болотным сапогам.

Очнувшеюся озимью
Лучи идут на взлёт.
Затравленное озеро
Крючки мои грызёт.

Июнь 1972. Смалвос

Грядущего бесплодный прах
Мной ощущается как вежа.
Пусть в роднике проснётся эхо,
Захоронённое в горах.

И тени грустных мудрецов
Пускай в татарник превратятся,
А сны поэтов растворятся
В морской волне, замкнув кольцо.

Природа в щедрости своей
Дарует нам тогда прощенье.
И гимном перевоплощенья
Укор наш отзовётся в ней.

1972. Москва

Дороги? Да, были дороги,
Сгустившейся музыки свет...
Законы падения строги.
Мертвящую сытость убогих
Клеймить фаворитам не след.

Ступени, пороги и двери.
По чину ливрейный почёт.
Потери,

потери,

потери

В любви и надежде, и вере,
И время сквозь пальцы течёт.

Покрытые ржавчиной лица
Хранит морозильника лёд,
И молодость в сумерках длится,
А хищная Синяя птица
Гнездо над окном твоим вьёт.

1972. Москва

ОТСВЕТ

В августовской мути нелетней,
Где увяз возок бога Феба,
Радуги мазок семицветный
Оживил застывшее небо.

Солнца предзакатного отсвет
Затерялся в тучах ползучих,
Не найдя в своём первородстве
Силы для свершений могучих.

Тронул холод сонные травы,
Замесил осеннюю накипь;

Вклиниваясь в планы и нравы,
Заменял дорожные знаки.

Будущего голос призывный
Всё ещё далёк и невнятен.
Вкраплены в метели и ливни
Отголоски солнечных пятен.

1972. Москва

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Э.

Тают за окном снега.
Снова к нам спешит весна.
Ты мне так же дорога,
Как и десять лет назад;

Так же твой сияет взгляд,
Тот же в нём искрится свет,
Словно бы и нет утрат,
И тревог в помине нет.

Пусть идут за годами года –
Солнце будет светить нам всегда,
И поднимутся счастья цветы,
Где пройдем по земле я и ты.

За окном поёт капель,
Воздух сладковат слегка.
Закружил весенний хмель
В талом небе облака.

Выйдем, а деревья вслед
Шепчут нам со всех сторон:
Не было ушедших лет, –
Просто вам приснился сон. –

1972. Москва

В мире смеха очень много.
Притаился он повсюду.
Я пройду по всем дорогам,
Самый чистый смех добуду.

Поиграю с малышами,
Винограда трону грозди,
И Медведица Большая
Мне подарит смех свой звёздный.

По душе мне поиск трудный,
Расстоянье – не помеха,
и в тайге, в пустыне, в тундре
Соберу крупичицы смеха.

Не добаться мне, конечно,
До скоплений самых крупных.
Смех сияет белоснежный
На вершинах недоступных.

Но, когда весна проснётся,
Светлый, радостный и чистый
Он и сам ко мне пробьётся
С расторопностью ручьиистой.

Январь 1973. Москва

Не то, чтоб камера,
и не совсем палата.
Двухместный номер
Стянут санузлом.
Не то, чтоб денег
Было маловато,
А просто мелан-
холии излом.

Удары ресто-
ранного оркестра
Угрюмо раз-
бивают мыслеблок.
Не то, чтоб злость,
А просто ин-
тересно,
Куда их души
Дьявол поволок.
Не то, чтоб годы
Грузные насели
Нет, этот местный
Номер
не пройдёт!
Но неохота
Мне слезать
С постели.
И только после-
завтра
Самолёт.

4 марта 1973. Тбилиси

Бросаюсь в бурную лавину
И вновь стою на берегу.
Всё делаю наполовину –
Иначе, видно, не могу.

Какое-то на мне заклятье
Лежит, стоит, верней, торчмя
Во мне. И не стремлюсь понять я,
Умеренность свою кляня.

Откуда взлётов половинность
И торможение – куда,
И прав ли старый, мудрый Вильнюс
Твердя, что это ерунда.

31 августа 1973. Москва

В МЕТРО

Крутятся колёса-жернова,
Совершая времени помол.
Обрастает гулом голова,
И дрожит вагонный гладкий пол.

И, как на экране, за окном
Возникает анфилада зал
Ожерельем в блеске ледяном,
Где дворцом прикинулся вокзал.

Но, просвет завидя вдалеке,
Сдвинув миражи с привычных мест,
Вылетает поезд налегке
Из туннеля в синеву небес.

Может, старожил наворожил,
Только сбросив тени под откос,
Как пушинку, солнце закружил
Хоровод измайловских берёз.

Сентябрь 1973. Москва

Я срываюсь, сгибаюсь
И опять улыбаюсь;
Выплывая из мрака
В море света купаюсь.

Забываю обиды,
Отметаю тревоги,
Чтоб лететь без орбиты,
Чтоб идти без дороги.

Потому, что живу я,
Над бедой торжествуя,
Не отсюда досюда,
А от чуда до чуда.

1973. Москва

НОВОГОДНЕЕ

Рождественский, не новогодний
В душе безмолвствует покой.
Что, если именно сегодня
Дыханье зазвучит строкой?!

И новой жертвы неизбежность
Не видится в кольце огней,
Где радость повстречала нежность,
Сливаясь на мгновенье с ней.

Шумят безоблачно ребята,
Хотя для них незрима нить.
А ёлка на кресте распята,
Чтоб их весельем напоить.

30–31 декабря 1973. Москва

ПУТИ-ДОРОГИ

От звезды до звезды далека дорога.
Я бы всё же пошёл, если не спеша.
Только жару в звезде несуразно много;
Не лежит у меня к этому душа.

В жизни много путей, что ведут к успеху.
Я бы счастье своё отыскал давно,
Да сперва говорил: «Ничего, не к спеху!»
А потом позабыл, для чего оно.

Кувыркнулся в реке месяц однорогий.
В мире столько чудес – не пересчитать!
Для того ведь и есть, в сущности, дороги,
Чтобы ты их в пути мог пересекать.

20 марта 1974. Москва

Нет истины надёжнее цветов.
Мгновения и вечности слиянье
Нам видится в распахнутом сиянье
Застывших изумлённо лепестков.

И я, как десять тысяч лет назад,
Гляжу на это ласковое чудо,
Впорхнувшее неведомо откуда
В покинутый Адамом старый сад.

Какой ответ в себе таят цветы
На ваши бесприютные вопросы?
Окутывает дым от папиросы
Целебное соцветье красоты.

Июнь 1974. Таруса

МАЗОК

Э.

Ни в чём цветы
Не терпят суеты.
Их даже ветерок ручной
Тревожит.
Похожа ты
И в этом на цветы,
Чего пчеле
И не понять,
Быть может.

Август 1974. Таруса

Э.

Когда деревья бьёт озноб
И град пустые листья топчет,
И оскудения микроб
Живую ткань природы точит,

Когда из трещин всех веков
Сочится ненасытный холод
Сквозь молодых и стариков,
Не разбирая, стар иль молод,

Не забывай, что в тот же час,
До отречения постылый,
Тепло отыскивает нас
И свет накапливает силы.

Август 1974. Таруса

Ноябрь 1974 – декабрь 1977

Лефортово, Вежайка, Микунь

Александр Флешин на «химии». Микунь, Коми АССР. 1978

Э.

В белом небе чёрные молнии
Высохшие ветви раскинули,
Время ожиданием наполнили,
Знаки на пути передвинули.

Как-то всё не так получается,
Словно наизнанку и начерно;
Не продлившись песня кончается,
Громом на лету перехвачена.

А глаза откроешь и сизнова
Небо и земля – настоящие.
Воркованье голубя сизого
Протянулось нитью искрящейся.

День, косматой тенью отмеченный,
Никогда мне больше не встретится!
Ночь уже нависла над вечером,
И окошко в облаке светится.

18 ноября 1974. Лефортово

В каждой росинке вечности след
И не стереться вовек ему,
Небо земле посылает свет,
Поглощает земную тьму.

Тянется к небу земной росток,
Вскормленный соками двух миров.
Север и запад, юг и восток
Ждут от небес дорогих даров.

С небом земля навсегда срослась.
Их разделить никому не дано.
Падают звезды и в слизь и в грязь
Светом небес устилая дно.

Ноябрь 1974. Лефортово

СКАЗКА

Повернись ко мне передом.
Дай взгляну на тебя впритык.
Я вхожу в эту роль с трудом,
Потому что к другой привык.

Дай коснусь я твоей слезы
И в улыбку твою войду.
Под карающий свист лозы
Я по швам распорю беду!

И сошью тебе три судьбы,
Выбирай – но одну бери.
Брось ромашку, рассыпь бобы,
И меня потом не кори!

В небе оторопь рваных туч,
По полям колесит весна.
На, держи звонкоструйный ключ
От пригретого жизнью сна.

Ноябрь 1974. Лефортово

ЭЛЕГИЯ

Всё минет и канет,
Слиняет и небо синее.
Дыхание камня
В душе застывает инеем.

Улыбки и взгляды,
Зарю и равнину белую
Безумный порядок
Сметает с листвой прелюю.

И память ветшает
Забытым в чулане рубищем
С другими вещами,
Которых не видно в будущем.

Усталость и плесень
В труху обращают месиво.
Лишь марево песен
На выгоне жизнь развесила.

А корень женьшеня,
На грядке с морковью шепчется:
Петлёю на шее¹
Любая болезнь излечится. –

Всё минет и канет,
В труху обратится месиво.
Дыхание камня
Душой обернётся песенной.

Декабрь 1974. Лефортово

ДНИ

Э.

Дни бегут по листам тетради,
Низко стелется тусклый свет.
И на снежной равнинной глади
Проступает петлистый след.

Их уносит потоком встречным
В иллюзорную даль быля,
Где мгновенное вместе с встречным
Плотно сложено в штабеля.

¹ Вариант: Последним лишением.

Обрываются их приметы,
Искажаются их черты.
Безвозвратные воды Леты
Безответным заткнули рты.

День грядущий – всего лишь дата,
День минувший – всего лишь тень.
Я за тенью бреду куда-то,
Чтобы в давний вернуться день.

Но зачем и чего бы ради
Воскрешать в этом дне меня?!
Окрыляют листы тетради
Мимолётные блики дня.

18 марта 1975. Лефортово

ХОРОШО!

Хорошо не думать ни о чём.
Хорошо иметь замок с ключом.
Мысли на замок запрёшь, а ключ
Обменяешь на заблудший луч.
И на нём блаженно воспаришь
В мягко округлившуюся тишь.
Вытолкнул открывшийся засов
Бестолочь протёртых голосов,
И опять густая тишина
Признаков движенья лишена.
Никакой досадной суеты,
Да и сам ты – будто бы не ты,
Потребляя ласковую тишь,
Куколкою в коконе лежишь.
На какой-то безразмерный срок

Не видать ни тропок, ни дорог,
Лишь одна сплошная целина,
Та, что, наконец, оценена.
Полусон, безжизненный покой,
Весь до дна безумно не такой.
Как же цепко он меня схватил,
Этот мир без ветра и светил!
Хорошо не думать ни о чём,
Жизнь и смерть замкнув одним ключом.

21 марта 1975. Лефортово

ПОСРЕДИ РОССИИ, НАД ОКОЙ

Городок Таруса не велик.
Здесь Ока встречается с Таруской.
Он былинной песнею возник
Над родной равниной святорусской.

Пронеслись косматые века,
Тишины широкой не тревожа,
Берегла заботливо река
То, что нам и ей всего дороже.

Здесь леса подходят к берегам
И глядят, задумчивы и строги,
В глубину знакомой всем ветрам
Голубой сияющей дороги.

Как добра бывает красота,
Навсегда любимая, земная!
Как чиста бывает простота,
Что живёт, цены себе не зная!

Оттого в душе такой покой,
Что стоит в кольце пшеницы русой
Посреди России, над Окой
Городок, назвавшийся Тарусой.

23 марта 1975. Лефортово

ПЕСЕНКА О КОЛЕСЕ

Не известно, кто, когда и где
Выдумал впервые колесо.
Но хватались за него везде
И кричали: – Вай, как хорошо!
Завертелась жизнь колесом,
Повернулась к людям лицом.
Появилась добрая арба,
А за нею и гончарный круг;
Стало больше толку от раба,
Стало больше радости вокруг.
Завертелась жизнь колесом,
Повернулась к людям лицом.
Хлеб теперь мололи жернова,
Колесил по свету весь народ.
Округлилась очень голова,
Округлился скоро и живот.
Завертелась жизнь колесом,
Повернулась к людям лицом.
Прекращая дикий произвол,
Начали законы прессовать.
Для чего людей сажать на кол,
Если можно их колесовать?!
Эх! Завертелась жизнь колесом,
Повернулась к людям лицом.
Разве так уж важно, кто принёс
В этот мир мечту о колесе?
Важно, что кругом полно колёс,
Только нам видны они не все.
Ох! Завертелась жизнь колесом,
Колесу мы дань принесём.

25 марта 1975. Лефортово

Э.

Так жизнь проходит по чужим дорогам,
По бездорожью, по дремучим кочкам.
Нарядный плащ, на месяце двурогом
Повисший – только ночи оболочка.

Так жар уходит и приходит холод
Посланцем создаваемых столетий.
Дробит модернизированный молот
Упругую цепочку междометий.

Так луч линяет и туман густеет
И наступает полдень безразличья.
И непогодь постель устало стелет,
И небо разгружает стая птичья.

Так смех мельчает и печаль тучнеет,
Вливаясь в лабиринт поточных линий.
И с каждым днём пристрелка всё точнее
У жалящих безжалостно Эриний.

8 апреля 1975. Лефортово

Э.

В бездомный мир заброшен
Один и налегке,
Меж будущим и прошлым
Болтаюсь в гамаке.

Не лезу я на стену,
Чтоб кары не навлечь
И нервную систему
От пытки уберечь.

Конвейерная лента
Влечёт меня вперёд,

На острие момента
Накапливая лёд.

Моё существованье,
Зажатое в тиски,
Людьми немого званья
Разъято на куски.

Такой уж в лотерее
Достался мне билет,
Галерная ливрея
На гребне тёмных лет;

Судебная поправка
К процессу молотьбы,
Обугленная травка
На просеке судьбы!

14 апреля 1975. Лефортово

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Всё подсчитано: плоды и приплод.
Всё отмеряно: труды и досуг.
Осушением душевных болот
Замыкается истории круг.

По экватору ползут ледники,
В телевизоре роится кошмар:
Перевозят на Луну родники
И закусывает крабом кальмар.

Так и вертится оно день за днём,
Лишь лысеет понемногу Земля.
А синицу опалило огнём
И поймать не удалось журавля.

Обольстить меня пытается сад:
Так прелестен подвенечный наряд!
Но гляжу я с любопытством назад,
А вперёд пускай другие глядят!

21 апреля 1975. Лефортово

КОНЧАЕТСЯ ВЕСНА

Э.

Вот и кончается весна,
Сходя на удобрение.
Она во всём была честна
С бессмертной точки зрения.

Другая – каменный бушлат
На плечи мне набросила.
А что сторонкою прошла –
То это козни осени.

Щебечет май, сияет май,
Ложится тропкой под ноги.
Казённый край – суровый край,
Здесь безответны подвиги.

Весна хиреет на корню
От скудного питания.
Пути к душевному огню
Разобраны заранее.

Я компостирую билет
В эподу одичания,
Где жизни неприметный след
Лишь к смерти примечание.

10 мая 1975. Лефортово

СОЛНЕЧНАЯ ФАНТАЗИЯ

Солнце – реалист или романтик?
Нет сегодня актуальней темы.
Яркий луч завязывают в бантик
Постояльцы солнечной системы.

Но хотя фантазии при свете
На глазах роятся и плодятся,
Миражи по пятибалльной смете
Для преображенья не годятся.

Всё-таки оно реалистично
Это приручённое светило.
Беспощаден свет его обычно,
Только бы взглядеться сил хватило!

На людей не глянет солнце хмуро.
Не иссякнет в нём источник смеха.
И, как заверяет нас культура,
Средний род светилу не помеха.

Солнце очень сложная проблема
Идеологического плана,
Но по мнению Станислава Лема
(также Леца, Каца, Полифема)
Нам решать её пока что рано.

22 мая 1975. Лефортово

ДУШЕВНЫЙ СТИХ

Когда диктует бредни тишина,
Прорвавши круговую оборону,
Обзорного простора лишена,
Душа орла меняет на ворону.

Однако, и ворона хочет есть,
А падаль дорожает повсеместно
И каждая дымящаяся весть
И несъедобна и непровозвестна.

Питаться чёрствой правдой злой удел,
В сравненьи с ней божественны акриды,
Что, нагревая атмосферу тел,
На высветленье душ имеют виды.

Вот космонавты – гордость и корысть
Выводят их на мнимые орбиты.
Им зубы заговаривает высь,
Чьи карты козырным безумьем биты.

А тут царит, бесплотностью страшна,
Полутона меняющая ловко,
Слепая, нутряная тишина,
Бездонного полёта оркестровка.

24 мая 1975. Лефортово. Барокамера № 72

СОЛНЦЕ

Проклюнулось. (Ночная скорлупа
Рассыпалась, растаяла в тумане.)
И, пробуя надёжна ли тропа,
Переступило край небесной грани,

И устремляясь выше и вперёд
Пошло легко накапливая силы;
Голубизна, крепчая в свой черёд,
Его в зенит победно возносила.

Цветы застыли, лепестки раскрыв;
С рососою перешёптывались травы.

По всей земле, рванувшейся в прорыв,
Лучи писали новой книги главы.

25 мая 1975. Лефортово

СЮР

Э.

Зеркальный полусвет на склоне дней
С ветвей свисает маревом безумья,
Преображая отблески людей,
Плывущих в синеве раздумья
Наискосок, от пункта А до Б,
Пересекая сонные идеи.
Но ставя крест на призрачной борьбе,
Их души пожирают орхидеи.
Какие-то миры отброшенные прочь,
Объявленные бесым наваждением,
Пытаются им дружески помочь,
Смешавшись на мгновенье с тенью.
И каждый день творится страшный суд.
Плач палача откармливает море.
О, не разбейте с будущим сосуд,
Архангелы земных фантазмагорий!

28 мая 1975. Лефортово

АВТОМОБИЛИ

Уносит ветер голубые мили,
Но в душный перегар звезду маня,
По городу снуют автомобили –
Потомки одиссея коня.
Их табуны вблизи бензоколонок
Пасутся у границы скоростей,

Где кормятся щедротами талонов
И затаённой силой запчастей.
Куда они влекут желанья наши?
Кому нас продают за полцены?
Ведь город, что цветами их украшен,
Нам не вернёт похищенные сны.
Невроз движенья, скоростей брожение,
Вращение разнузданных колёс.
Бесшумное, бездумное скольженье
свихнувшейся идеи под откос.

14 июня 1975. Лефортово

ВСТРЕЧА

Всё расхищено, предано, продано.

А. Ахматова

Взгляд потаённый, жалости жало,
Непререкаемый свет...
Что нам потери?! Время сбежало
За наваждением вслед.

Что нам фортуны злые капризы,
Смех козырного туза?!
Что нам дипломы, ризы и визы,
Если пустуют глаза?!

Горькая встреча. Сладость разлуки.
Вещие знаки вдали...
Пусть же курлычут вестники муки,
Ивиковы журавли!

Зоркая память круг очертила,
Веру с Любовью свела.
Взгляд потаённый. Слабость и сила.
Преодоленья скала.

18 июня 1975. Лефортово

ЗЕРКАЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ

Зеркальной тишины магическая блажь,
Напластований мнимых анфилада,
Глухая, бесполезная прохлада,
Двухмерностью чеканеный мираж.

Искусственных миров искусен камуфляж,
Тонка безукоризненность окраски.
И всё же тут на всё надеты маски,
И бестелесность этой сказки страж.

Всё, что царило здесь мгновенья иль века,
Не оставляло ни следа, ни знака.
Какое равнодушие! Однако,
Сколь глубока зеркальная река!

19 июня 1975. Лефортово

ИЗОШУТКА

Человек, по мысли гения,
перспективная порода.
Всё идёт на удобрение
человеческого рода.
Личность очень гармоничная
Впереди хвоста маячит.
Но и там природа личная
чрезвычайно много значит.
Человек такая бестия,
что изменится не скоро.
Очень любит он известия
и в избе не терпит сора.
Но наследственность покорная
вносит ясность в это дело.
И, к тому же сила чёрная
Поперёк земли засела!

Ходит он порой на лекции,
голосует (не пасует!).
Время с помощью селекции
человечину прессует.
Стал и винтиком и шпалою
номинальный царь природы.
На духовность небывалую
удивляются народы.
Но, всегда готовый к подвигу,
он себя ещё покажет!
Он задавит гидру подлюю,
Если Радио прикажет!

22 июня 1975. Лефортово

БЕЗ ЗНАКА КАЧЕСТВА

Какая-то фальшивая дорога
легла под ноги, шепчет: – Поспеш! –
Клыкастая, глумливая тревога
опустошает залежи души.

И с каждой тенью смех звучит всё реже,
и с каждой песней всё черней тоска;
и лишь вопросы всё одни и те же,
да пустота по-прежнему близка.

Там, позади темнеют груды пепла,
а впереди висит густой туман.
Вот отчего тревога так окрепла,
листая жизни горестный роман.

Какая-то нездешняя усталость
легла на плечи, шепчет: – Не спеш! –
На этом свете только и осталось,
разменивать надежду на гроши.

23 июня 1975. Лефортово

МОНОЛОГ АВАНТЮРИСТА

Р. Киплингу

...что ж, надо голову поднять
И выбрать нужный флаг.
Всё просто. Главное понять,
Кто друг тебе, кто враг.

Кого любить, кого давить,
За что идти на бой;
Чей взгляд с усмешкою ловить,
Следящий за тобой.

Удастся ли удар вернуть
И ноги унести?
Уж ты, Господь, за этот путь
Грехи мне отпусти!

Ты знаешь сам, я не хотел
Влезать в чужую брань.
Но на пути завал из тел
И кровь кричит: – Тарань!

Мне ярость жизни дорога.
Закон один в лесу.
Во имя друга и врага
Я сам себя спасу.

24 июня 1975. Лефортово

МОНОЛОГ ЧААДАЕВА

Кого излечивала клизма
казённого патриотизма?!
И орденов иконостас
чью честь запятнанную спас?

Гражданственность несовместима
с клопотвореньем тёплых мест.
Но граждане проходят мимо
того, кто тяжкий тащит крест!

Кто правду говорит сурово,
презрев чиновничий уют,
чьё несговорчивое слово
за шип змеиный выдают;

кто сапоги у Николая
лизать не станет никогда;
чья голова гудит от лая
и преждевременно седа.

Ветхозаветные пророки,
бичуя общества пороки,
явили славный нам пример,
сведён вопрос к системе мер...

25 июня 1975. Лефортово

Забыть себя... и всё начать с нуля...
А что на это скажет мне Земля?

А как мне с телом обнищавшим быть?
Такой ли уж пустяк – себя забыть?!

Нет, нет! Я остаюсь самим собой,
Обогащённый каторжной судьбой.

25 июня 1975. Лефортово

КАТЕХИЗИС

Борису Пастернаку

Что такое цветы?

Это звёзды, пробившие полночь
и упавшие в землю,
давно поджидавшую их.

Если ты удивлён,

если этого ты не припомнишь,
значит мир не достоин
космических предков своих.

Что такое любовь?

Это хрупкое семя бессмертья,
примирившее разум
с бессмысленностью бытия;
это то, вокруг чего
бесприютные носятся черти;
это то, вокруг чего
обвивалась в Эдеме змея.

Что такое талант?

это знак неподкупного права
на безумства, ошибки,
на высший карающий суд.
Это чувств затаённых
ещё не застывшая лава,
заключённая в тонкий,
бестрепетно чистый сосуд.

26 июня 1975. Лефортово

ЭПОС

Времени раблезианское обилие...
Лепоты гомеровский разлив!
Мудрости обезображенная лилия
Корчится в тени поникших ив.

Ну, какого чёрта угораздило
Нас вломиться в этот лживый век!
Выбрали кусок земли для праздника,
Где так вольно дышит человек!

Слишком поздно мир переименовывать:
Родина не шапка, и не зонтик.
Только тяжело всё то утрачивать,
Что отодвигает горизонт.

27 июня 1975. Лефортово

РЕТРОСПЕКТИВНОЕ

«Свободы гении и славы палачи!»
О, благородное негодование
младенцев поэтического звания,
что были бескорыстно горячи!

Теперь-то лучше видно что к чему.
Архипатриархальная свирепость!
Злодеи! В Петропавловскую крепость
Сажать свободомыслия чуму!

Некрасова презреньем обижать,
На Щедрина глядеть с неммым укором!
И Герцена-то выслать, о котором
нам саги дозволяется слагать!

Нет, не хватало явно палачам
элементарнейшего гуманизма!
Стонала безутешная отчизна
в кошмарном полумраке по ночам.

Цензурой обескровлена печать
и мятежи караются сурово,

и свора черносотенная снова
мешает революцию начать!

Сидит на шее у народа знать,
но близится кровавая расправа!
Придёт пора, народ получит право
и бунтовать, и палачей менять!

И критикан глядел, потупя взор,
на паутину в дебрях мрачных сводов –
«Жандарм Европы» плюс «Тюрьма народов»...
О, родина, почём такой позор?!

Ах, господи! Освенцим вам знаком?
Читали вы «Колымские рассказы»?
Святой порыв... пылающие фразы...
В двадцатом веке грозен снежный ком.

30 июня 1975. Лефортово

Десятый месяц не видать ни зги,
Ворочаются в черепе мозги,
Тоска не разжимает кулаков
И тать грозитя: вот мол я каков!

Десятый месяц душит бедопад,
А я гляжу с надеждою назад;
Колоду лет, рассыпанных вдали,
Тасую, словно в ней дары земли.

Моё богатство не со мной – во мне,
В воде не тонет, не горит в огне,
Не расклевала душу злая мгла,
Вросли навечно в плечи два крыла.

Я улетаю в дальние края,
Где жизнь ещё не кончилась моя,
Где сказка длится в улочках кривых,
Улыбкой свежей украшая их;

Где сосны входят в судьбы и дома
И дремлет неприкаянность сама.
Я этот мир сумею сохранить,
Не оборвётся солнечная нить,

Сияющая с тех певучих пор
В сплетеньи дней всему наперекор,
Связавшая невидимым узлом
Полёт с паденьем и добро со злом.

Июнь 1975. Лефортово

СИТУАЦИЯ!

Шар земной перегружается,
Что нервирует ракеты.
Безрассудно размножается
Население планеты!
Для науки интересное
И диктующее моды,
Происходит повсеместное
Истребление природы.
Придавили достижения
Безответственную веру;
Триумфальное движение
Отравило атмосферу!
Где, пророча эру мирную,
И хваля добрососедство,
Шарлатаны рекламируют
Патентованные средства.

Там ракеты смотрят пристально
На людское поголовье
И втолковывают исподволь,
Что война – залог здоровья!

2 июля 1975. Лефортово

МИФО-ЛОГИЧЕСКОЕ

Я плохо помню детство Полифема.
Шаманит время, память размывая!
И кое-где осталась только схема
и неприметна глазу ткань живая.

Я облаков не помню очертанья,
принёсших утешение Орфею.
А ведь, преодолев его рыданья,
я в Эвридике узнаю Психею!

Мне изменяет память поминутно
с каким-нибудь мифическим героем
и стало быть непостижимо трудно,
хотя мы новый мир из мифа строим.

5 июля 1975. Лефортово

ГОРИЗОНТАЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Я отлучён от гор и от лесов,
От родников и птичьих голосов,
От споров и извилистых бесед
(О Деле мне толкует мой сосед,
Но что за дело мне до этих дел,
Когда теперь безделье мой удел,
А впереди весёлые дела

И взгляд мой раскалился до бела!)
Освобождённый от семейных уз,
Я стал добычей одряхлевших муз,
Успешно применяющих гипноз,
Поскольку я лишён и славных лоз.
Непостижимы прихоти богов,
Меня лишивших ласковых лугов
И даже тучных сумрачных небес.
На что им нужен мой волшебный лес
Мои туманы и моя река,
И затканые снами облака?!
Нет, я не ими с миром разлучён
И в тьму освобожденья заключён!

5 июля 1975. Лефортово

РЕМЕСЛО

Слова весьма упрямый материал.
Огранка строф милейшая работа!
Бывает, видишь – слово потерял,
а заменить прохожим – неохота!

Обшариваешь умственно словарь,
Перетираешь звукосочетанья.
Зело борзо, как говорили встарь,
язычество обкладываешь данью.

Ведь есть оно! Ты чувствуешь ноздрей,
печёнкой, барабанной перепонкой!
Оно в родстве с приливом и зарей,
но связано какой-то нитью тонкой

с твоей судьбой. Поди-ка ухвати!
Оно бликует, ускользает, тает...

Земные и небесные пути
его остывший след пересекает.

И вдруг удар. Захлопнулся капкан,
закончена чудесная охота.
Звезду свою прибрать бы мне к рукам,
чтобы её не досчитался кто-то.

6 июля 1975. Лефортово

МОНОЛОГ ШИЗОФРЕНИКА ИЗ ТРАГЕДИИ «ДУН ФАН ХУН»

Этот век будет проклят людьми,
Если только людская порода
Не исчезнет совсем, а похоже
Что возможен такой камуфлет,
Потому, что звезда истребленья
Над землёй истощённой взошла.
Человек на глазах у Вселенной
Вырождается в нечто без формы
И без цвета, один только запах
Удаётся ему сохранить.
Но ведь этого все-таки мало,
Для того, чтобы быть человеком
И святые дары уберечь!
Этот век будет чёрной дырой
Поглотившей величие духа
И другие полезные свойства,
Намечавшие зверству предел.
Очевидно волна эпидемий,
Захлестнувшая нашу планету
И невиданный рост поголовья
(как ни странно, бывает и так!)

В сочетании с псевдопрогрессом
Изменили состав человека,
Чтобы предков его бессловесных
Не смущал неприличный контраст.
Испугавшись холодных вершин,
Человек возвращается в стадо,
Отрекаясь от права на мудрость,
Оплевав первородство своё,
Он к тому же дальтонику стал,
Явно путая чёрное с белым,
(А о красном имеют понятие
В наше время одни лишь быки!)
Это царство больших величин
Утверждает примат равноправья,
Что на деле всегда означает,
Как известно, отсутствие прав.
А покорность судьбе и толпе,
Запряжённой в большую телегу,
Добродетелью стала гражданской
Почитаться в наш блеющий век.
Нет, лишь тут, в сумасшедших домах
Сохраняется доброе семя,
В стороне от разъезжих дорог,
Ограниченных замкнутым кругом.
Только здесь на вершинах седых
Понимают в какую трясику
Лжепророки стада завели,
Распинаясь о благе народном.
О, Эразм! Продолжай «Похвалу»
И пускай достославная глупость
Сбросит свой устаревший наряд.
Ей к лицу будет модное платье
Из немнущейся атомной ткани,
Что сегодня идёт нарасхват.

Ну, а сам ты найдёшь среди нас
и апостолов благоразумья,
И мыслителей, знающих цену
Современной усохшей душе;
Мы одни осознали эпоху,
Изменившую климат Земли,
Наплодившую карликов злобных
Всех мастей от Адольфа до Мао.
Этот век будет проклят людьми,
Если в мире кентавров и мино-
тавров группы людей уцелеют,
В сумасшедших домах схоронясь.
Если выживет (это возможно,
Несмотря на проекты безлюдья)
Человек в этой свалке нелепой,
Что кретины прогрессом зовут.
Лично я, хоть Земля мне мила,
В мире звёзд пребываю обычно
И признаться, уже с полумрака
Понимаю намёки светил.

6 июля 1975. Лефортово

Я будущего контуры крою
Из нежной ткани ландышей и маков.
Поскольку материал неодинаков,
Мне трудно разгадать судьбу мою.

Я в будущее ответы несу
Костров сигнальных на листках бумаги.
Хоть в них, порой, дотла сгорели флаги,
Но вера обращала прах в росу.

И музыка ведёт меня в края,
Где никогда цветы не увядают,
Где мотыльки на васильках гадают,
Взойдёт ли над землёй звезда моя.

12 июля 1975. Лефортово

РОДЕЗИЯ

Архипелаг колючих островов,
Край, где безумной волею дракона
Объедки ненасытного закона
Обращены лакеями в рабов.

Сюда туристов гиды не везут,
(Хотя и тут огромны достижения;
Они лишь не находят отраженья
В рекламных зеркалах, что славят труд!)

Насилия чудовищный гнойник,
Прикрытый суесловием блудливым,
Открылся нам, когда в его извивы
Пытливый взгляд историка проник.

Всему свой срок, всему своя пора.
Грядущий день всё по местам расставит.
И даже глупость, что планетой правит,
Не освятит сиянье топора.

13 июля 1975. Лефортово

СЮР РЕАЛИЗМ

Э.

Курантов бой
о колокольный звон
 споткнулся
И, волной
 подхвачен,
Прикрыл собой
 все неудачи
И смазал стон.
А голубь спрятал под крыло
 случайный луч.
И стая туч
 на город налетела
И расклевала
 мне на зло
Улыбки, смех
 и души тех,
Кто так приснился смело.

13 июля 1975. Лефортово

ПЕСЕНКА О КИТАЙЦАХ

Я Мао из рогатки застрелю
(Не тратить же на старого ракеты!)
А прочим ультиматум предъявлю
И отберу навечно партбилеты.

Их поголовье резко сокращу,
Покуда воробьёв не доконали,
А стену им колючкой обкручу,
Чтоб расползаться не могли каналы.

Коситься не позволю нипочём
На нашу плодородную землю,
Хотя, конечно, я бы предпочёл
На всякий случай смыться за границу.

Китайцы очень правильный народ.
Они, сомнений мелочных не зная,
Идут, куда их партия ведёт,
А партия у них совсем дурная!

Когда засунут Мао в Мавзолей,
Он будет у китайцев главным богом.
Его угрохать надо поскорей,
Хоть пишет он стихи высоким слогом.

15 июля 1975. Лефортово

ГАРМОНИЯ

1

Охапку цветов
Мне бросило солнце в окно.
Пробили бетон
Лесов и лугов голоса.
И понял я вдруг,
Что солнце со мной заодно,
Что верят в меня,
Как прежде луга и леса.
Как прежде, роса
О вечности мига поёт.
Янтарь на сосне
Душевное копит тепло.
А ласточка взмыть
Зовёт за собою в полёт

И лещ на меня
Сквозь грязное смотрит стекло.
Закрою глаза
И рушится склеп для живых.
И краски цветут,
И музыка души творит;
А жизнь из темниц
Выводит любимцев своих
Туда, где цветком
Становится метеорит.

2

Младенческий лепет акаций,
Стыдливая ласка сирени...
Где прошлого тени теснятся,
Бессильны грядущего тени.

Среди одиноких скамеек
Фонарь, словно заспанный сторож...
Гуляя по звёздным аллеям,
Ты с видимой вечностью споришь.

Дорожки пустынного сада
Ведут к перекрёстку сомнений.
Подлунной печали рассада
Волнует и жжёт всё сильнее.

Зарницами тех озарений,
С которыми трудно расстаться, –
Стыдливая ласка сирени,
Младенческий лепет акаций...

3

Когда, остановившись у предела,
Душа, едва дыша, на мир глядела,

Он выглядел, как снимок отраженья
Безвременно застывшего движенья.
И это непреложно означало
Отсутствие разумного начала
В проказах неизвестного злодея
По кличке «Абсолютная идея».
Когда, сообразуясь деловито
С повадками Великого Спирита,
Мы тонкие настраиваем струны
В лад с фугами и брэйками фортуны,
Происходили вечно неувязки
В стыковке мракобесия и сказки.
Однако одуванчик утверждает,
Что лишь борьба гармонию рождает.
Как славно поработала эпоха
Во имя торжества чертополоха!

17–18 июля 1975. Лефортово

Не удержать лучей в горсти,
Когда пути не решены.
Возможно ль ясность обрести
В норе случайной тишины?!

С орбиты жёсткой налегке
Сорвавшись дню наперекор,
Вернуть натянутой строке
Незарифмованный укор?

Сметает свет и ночи след,
И типовой проект судьбы.
Набиты пеплом смутных лет
Вождей раздутые зобы.

20 июля 1975. Лефортово

ЗАРОК ДОБРА МОЛОДЦА

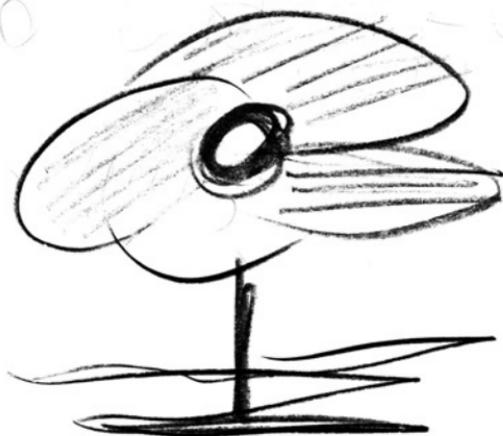
Усмирив молитвой нрав решительный,
Жгу страстей губительных гробы.
Днесь взалкал я жизни утешительной,
Голубиной, праведной судьбы.

Суеты мирской великоблудие
Застилает мне Фаворский свет,
Но духовной зоркости орудие
Уничтожит непотребства след.

Наступает праздник очищения,
Воспаренья в мир небытия.
И душа, потупясь от смущения,
Озирает горние края.

Похлебавши в жизни горя вольного,
Поменяю посох на костыль.
Вот казнь лишь ворога разбойного
И уйду в Афонский монастырь.

20 июля 1975. Лефортово

СВЕТ

Э.

Всё отобрать, загнать в барак,
Лишив достоинства и званья!
И нечисть отмеряет мрак
Раздельного существованья.

А свет не покидает нас.
Его страданье не задушит.
Он и в аду бы не угас
И там ведя борьбу за души!

И неподвластен этот свет
Хмельным законам разложенья.
На ропот он кладёт запрет,
Умножив силу притяженья.

21 июля 1975. Лефортово

ПЕРЕВОД С КИТАЙСКОГО НА ГИТАРНЫЙ

Режим со знаком качества
Профанам не подсуден.
Чего на бирке значит,ся,
То потреблять и будем.

У нас ведь не положено
Глядеть на вещи косо.
Строптивость вся стреножена
За наименьшем спроса.

Лютует власть народная,
Усталости не зная,

Для жизни непригодная,
Зато своя, родная.

С победой революции
За что ещё бороться?!
Принявший резолюции,
Пригнуться остаётся.

Ведь людоедов-хищников
Ещё вокруг немало
И полон мир язычников,
Не признающих Мао.

22 июля 1975. Лефортово

ИСТОРИОСОФСКОЕ

Оклёванный ветрами Ленинград
Раскладывал рекламные проспекты.
Акционеры духовитой секты,
Толпились финны возле райских врат,
Где смешивались винные пары
С природным и искусственным туманом,
Где шарили соблазны по карманам
Согласно вечным правилам игры;
Карт мудрости нетленный обелиск!
Закон одностороннего движенья!
В нём отразились наши достижения,
Эпохе предъявляющие иск.
А раб кольца, историк продувной,
Держа в руках краплёную колоду,
Показывает фокусы народу,
Что обретает истину в пивной.

25 июля 1975. Лефортово

ПРОГРЕСС

У детей на темени
оскуденье времени.

Л. Иоффе

В наш дивный век –
Мельчает человек
Дичает, оскудением отмечен
И если мир трудом очеловечен,
То человек стал пугалом калек.
Вот: налицо прогресс;
Штампует пресс
Живую человечину по ГОСТу
Любого смысла и любого росту
И сам находит в этом интерес!
Срамны цивилизации гримасы.
Жрецы дерьма обожествляют власть.
А чтобы в ересь сослепу не впасть,
Спиртным идею запивают массы.
Горят кресты,
Наглядны и просты;
Бьют барабаны, черепа увеча.
Какая фантастическая встреча! –
Трещат несовместимые пласты.
Но если сил разбуженных движенье
Отсрочит катастрофой вырожденье,
Отбросив человечество с пути,
Что может в муравейник завести,
Тогда... Но я, идейный зная вес,
Не верю в мудрый гуманизм чудес.

27 июля 1975. Лефортово

МЕТАМОРФОЗЫ

Памяти Есенина

Ритмы автоматических линий
Пожирают пульсацию вен.
Как жестока насмешка Эриний,
Покаравших зазнавшийся ген!

Утверждая безликую фазу,
Освятив идеальный газон,
Правит миром невидимый глазу,
Но вполне беспощадный резон.

В нём ряды числовых отношений
Заменили движенья души,
В нём из множества разных решений
Одноцветные лишь хороши.

В производственный комплекс природу
Деловито включает Госплан.
И нищает она год от году,
На спецовку сменив сарафан.

И не может уже пересилить
Упразднённых эмоций застой
Опустевшее слово РОССИЯ
Соловьёиной своей чистотой.

28 июля 1975. Лефортово

БРОДЯЧАЯ ПЕСЕНКА

Велика земля, а ехать некуда,
Нет нигде свободных мест.
Ты же человек, а не молекула,
Значит – волокни свой крест!

Раз тебя нигде не ждут с тревогою,
Не тоскуют по тебе,
Взад-вперёд иди своей дорогою
И не прекословь своей судьбе.

Может всё ещё и образуется,
Зацветёт в душе сирень
И тебе приветливая улица
Сдвинет солнце набекрень.

Если же погонят с места жительства,
Приезжай скорей ко мне.
Вместе вербанёмся на строительство
Телевышки на Луне.

Июль 1975. Лефортово

ФИЛОКИНЕЗ

Всё быльё омыто и отпето
Грозами, вспоившими ростки.
Перепутья радужного лета
Дикими стихами поросли.

Прохожу по зарослям певучим,
С головой тону в разливе строк.
Травы ловят неводом паучьим
Молодых лучей живой клубок.

В россыпях вневременной черники
Высится сияющий покой
Статуей Самофракийской Ники,
Высеченной твёрдою строкой.

Как беспечно прошлое богато
Светом незапамятных примет,
Разбросавших золото заката,
По черновикам остывших лет!

5 августа 1975. Лефортово

Из цикла «РУСЬ»

Кто поймёт, какому богу молятся
В храмах винно-водочных твоих?!
Разметала кости добрых молодцев
Сила недогадливая их.

В дни побед стонала ты под ворогом.
(Ну, а кто считал твоих врагов?!)
Протащили душу твою волоком
Через десять Дантовых кругов!

Как судить судьбу твою поспешную,
Нрав твой проклиная и любя,
Коль глядеть со стороны с усмешкою
Легче на себя, чем на тебя?!

И поныне ты добыча половца,
А ведь равной не было в бою!
Что за мразь твоей берёзке молится,
Втаптывая в грязь красу твою!

11 августа 1975. Лефортово

ДНИ

Дни – одинокие гордые странники,
Снежно-пустынны дороги их странствий.
Это лишь в памяти будни и праздники
Шумно кочуют, как табор цыганский.

Это лишь в памяти дни хороводятся,
Жадно сцепляясь в молекулы века,
На перепутьях сознания сходятся,
Скрытые мраком и полные светом.

Я провожал их глазами омытыми
Светом и мраком, и грустью разлуки.
А под разбитыми в щепы корытами
Сказки ломали бессильные руки.

14 августа 1975. Лефортово

МЫСЛЯТА

В меня вгнездился мрак. С чего бы это?
Я в идеальной камере живу,
И в синеву угаданного лета
С большим запасом вечности плыву.
При мне любви и благодати рассада.
Мне ясен мир в потоке временном.
Свободен я – (мне ничего не надо)
И защищён от озверенья сном.
(В нём сквозь пустынный зной течёт прохлада
И чьи-то руки колосятся в нём).

Я становлюсь пророком и предтечей,
Хотя и отлучён от бороды.
Но облегчённый произвольной встречей
С глухими мародёрами беды

И вовлечённый в задушевный танец
Факиров, заклиняющих гроши,
Как старый простодушный францисканец,
Пугаюсь уплотнения души.
(Зане её чахоточный румянец
Мне говорит наглядно: – Поспеши!

Спеши, спеши! Ведь мра необратима.
Она тебя обуглит по частям,
Хотя не раз уже скользила мимо,
Тая презренье к нашим скоростям.
А солнце застеклённое вздымает
Крыло лучей над каменной грядой
Да Злу на зло простор запретный манит
Живой звездой и мёртвою водой.
Он будущее жалостно румянит,
Отвергнутое юностью седой.)

Пройдут века, и я себя забуду
И в пепле растворится благодать,
И воцарятся келдыши повсюду
(Чумное племя, мать их забодать!).
Георгий на коне крестовой масти
Проскачет по нейлоновым полям,
И сплавится копьё в драконьей пасти,
К подобным непривычное ролям,
И распадётся Божий мир на части,
Как никому уже не нужный хлам.

17 августа 1975. Лефортово

РЕМИНИСЦЕНЦИЯ

Соцветья звуков иль цветов созвучья?
На души сеть накинута паучья.
Пещерный быт с казарменной окраской
Борьбу с бессмертьем делает напрасной.
В себя всосали выцветшие стены
Миазмы одичанья и измены.
И чей-то тусклый взгляд в твой взгляд сочится,
И чей-то мир в сознание стучится.
Что ж, звёзд угасших свет не исчезает.
Он осязаем в кружеве мозаик,
Он в глубину пылающую скрылся,
В дыхании Вселенной растворился.
Бесцветны дней пустынные барханы,
Где язвы обнажаются и раны,
Где волосы сдувает ветер горя,
С увядшей силой молодости споря.
Тут злая мысль, как тесто, время месит.
Как мало день окаменевший весит,
В котором бродит призрак Монтесумы,
Где стены равнодушны и угрюмы,
А линия на глине кирпича
Доходит Монтесуме до плеча!

27 августа 1975. Лефортово

СОЦРЕАЛИЗМ

Критики баюкали хилое созданье,
Пеленали выродка, оглушив касторкой;
Бытиём приснившимся пичкали сознанье,
Щит и меч повесивши над цензурой зоркой.

Дружно еретический хлам в костёр кидали,
Так как юридически был он ядоносен,
Заодно и авторов не спеша сжигали,
Соцреалистически подходя к вопросам.

К делу приспособили старика Прокруста,
Что лежак ославленный выставлял открыто,
Свято место исстари не бывало пусто,
Лишь не пустовало бы главное корыто.

Тут и диалектика вроде комбикорму
Вызывает бодрое хрюканье и ржанье.
Это содержание переходит в форму,
Потому что форма У-у-у красит содержанье.

Расплодились гении раболепной позы,
На патриотической вызрели закваске.
Столько наворочали и стихов и прозы,
Что на оформление не хватает краски.

Морщатся алхимики, космонавты слова,
Люди бескорыстные, пасынки прогресса.
Им надстройка с базисом, что быку корова,
Разве что в отличие – мало интереса.

Только на алхимиков нынче спрос урезан.
Им же нетипичное беззаконно снится!
Да живые головы предпочтя протезам,
Вызнали алхимики, что за зверь синица.

Но сильны истматики яростной одышкой.
Верят в собутыльников жертвы оптимизма.
А конфликт снимается: дружит с кошкой мышка,
Если подбирается правильная призма.

28 августа 1975. Лефортово

Когда я ощущаю груз оков
И мне уже дыханья не хватает,
До слов моих из кратера веков
Дыханье исполинов долетает.

Усыновлённый ласковой волной,
Отмеченной созвездием таланта,
Я в ночь плыву, а небо надо мной
Лелеет память о плечах Атланта.

И мысли, облачённые в цветы,
Связать концы готова и начала.
«Служенье муз не терпит суеты.
Прекрасное должно быть величаво».

28 августа 1975. Лефортово

КАМЕРТОН

Люблю я камеру,
Но странную любовью!
Свою судьбу
Так, верно, любят вдовью
Солдатки,
Заржавевшие от горя,
С неуголимой
Тяжестью во взоре;
Так, верно, любят лошади
Любую
Сроднившуюся
С их телами сбрую;
Так любят
Муж-игрок и муж-пижон
Своих больных
И неуютных
жён.

31 августа 1975. Лефортово

ИДЕЙНОСТЬ

Лишь стихами я теперь торгую –
Остальной разграбили товар!
Где б идею мне найти такую,
Чтоб добро творил её отвар?

Чтоб ломились в лавочку бродяги,
Пилигримы, алчущие слов,
И в экстазе наполняли фляги
Колокольной звонкости голов!

Чтобы стал сугубо словояден
Повреждённый разумом народ
И прогнал неправомочных гадин,
В мир ползущих задом наперёд.

И тогда, свершивши подвиг ратный,
В словесах возвышенность любя,
Оптом всё б я продал и обратно,
Возвратился в самого себя.

1 сентября 1975. Лефортово

ПЕСЕНКА О ФИЗИКАХ И ЛИРИКАХ

*То-то физики в почёте,
то-то лирики в загоне.*

Б. Слуцкий

Вызнали эмпирики
(По-простому – шизики)
Есть, мол, в мире лирики,
Есть, опять же, физики.

Две породы разные,
Даже не похожие.
Физики – ужасные,
Лирики – пригожие.

Физики хозяйственно
Потрошат Вселенную,
Разлагают явственно
Красоту нетленную.

Лирики от погани
Прячутся и, следственно,
Поперёк дорог они
Бродят безответственно.

Так оно заверчено,
Так от века водится.
Надвое расчерчено,
Да концы не сходятся.

Знают ли эмпирики,
Что постясь, как схимники,
Стали нынче лирики
Подаваться в химики?

9 сентября 1975. Лефортово

РАЗНОДУМЬЕ

Потом... Ну, да, потом, когда-нибудь
Остынет горечь и осядет муть,
И та роса, что обратилась в пар,
Благословит божественный нектар.

Цветы... Ну, что ж, нетрудно стать цветком,
Живя мечтой неведомо о ком,
И быть кумиром сохнувшей травы.
Нет, нет, не то! Цветы во всём правы!

Весна... как знать, откуда этот свет,
Связующий в пучок хвосты комет,
Включающий ожившей крови бег
В безумный танец помутневших рек?

А жизнь... что жизнь?! Подгнившая пыльца
Летит, шурша, в скорлупку от яйца,
И ветер, налегке проникший в сон,
Смешал в раскате грома смеха стон.

Всё так, и всё ж в потоке бытия
Пульсирует зачем-то кровь моя,
И мир глядит раскрывшимся цветком
В мои глаза, затерянные в нём.

9 сентября 1975. Лефортово

МЯУ!

Я на жизнь сегодня рассердился:
Злобна дней воинственная рать.
Мало ей того, что я родился,
Так изволь ещё и вымирать!

Понемногу. По частям. Не к спеху!
Примеряя саван пустоты,
Обращая в прах за вехой веху
И сжигая за собой мосты.

А прохвосты в придури упорны,
Утверждают, что в грядущий век
Будет счастье потреблять без нормы
Гармоничной масти человек.

9 сентября 1975. Лефортово

НАПУТСТВИЕ Р.Р. НАЧИНАЮЩЕМУ

Синицу хватай в руки,
А там уж пойдут сдвиги.
Начав издавать звуки,
Спеши издавать книги.
Шуруй, да гляди в оба!
Газету читай внятно!
А горло сожмёт злоба –
На солнце считай пятна!
Не больно бичуй нравы:
В них мудрость гнездо свила.
И нравы всегда правы,
И где-то они – сила!
Спиртное глуши в меру.
В картишки играй с толком.
Коль веришь – припрячь веру,
И вой в унисон с волком.
Лежачего бей гордо.
Начальство хвали смело.
Лицо прикрывай мордой,
А душу заткни телом.
Семью заводи поздно.
Друзей проверяй весом.
На Запад гляди грозно,
Играя брюшным прессом.
Про «ультра» пиши – гады!
Рабы, мол, того босса,
Который – лакей дяди,
Что смотрит на мир косо.
Сражаясь за мир с чёртом,
Рычи не щадя нервов.
И, сидя в Крыму спёртом,
Борись за права негров.

Я мог бы ещё много
Чего осветить взглядом,
Да критик сопит строго
За столиком, тут рядом,

11 сентября 1975

Пересыльная тюрьма в Бутырке

ПРОРОЧЕСТВО

О, книги, суемыслия услада!
Я славлю всех, и близких и врагов,
Кому дороже Рая или Ада,
Забавный сборник сплетен про богов.
Уж, верно, и о нас легенды сложат!
И вырожденья баснословный взлёт
Когда-нибудь кого-нибудь, быть может,
В экстаз недоуменья приведёт.
Но, отдавая дань эпохе бурной,
(Которой мы и жизни отдаём!),
Склонится жрец пред безымянной урной
И бросит светлый пепел в водоём.

13 сентября 1975

Пересыльная тюрьма в Бутырке

РУКИ

Э.

Нет, не взгляд.
Слабые, тонкие руки
В пустыне разлуки
Со мной говорят.
Сияющие, как взгляд,
Руки.

Тебя здесь нет,
Лишь матовый свет,
Разлившийся под стеной,
Касается губ моих.
Это руки твои.
Я рад, что они со мной,
Что я осязаю их.
Да, они говорят о том,
Как дико входить в дом,
Хранилище пустоты,
Где окна пусты,
Стеллажи пусты,
Картины пусты...
Но руки, что словно во сне,
Ты протянула ко мне,
Не пусты.
Руки полны тоски
И оттого вдвойне
Мне дороги и близки.
Мягкий струится свет,
Опережая взгляд.
Слабые, тонкие руки
В пустыне разлуки
Со мной говорят.

14 сентября 1975

Пересыльная тюрьма в Бутырке

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Э.

Ты не удивляйся бога ради,
Что пыльца – чернила для стихов,
Что пишу на лепестках тетради
Хоботками сонных мотыльков,

Что ко мне приходят за советом
Холостые майские жуки
И стрекозы, сотканые светом,
На меня гадают у реки.

Это всё обычные явления.
Так уж безотчётно я живу!
А всему виною точка зренья
На гостеприимную траву,
На грозы крылатую молву,
На улыбку и стихотворенье.

14 сентября 1975

Пересыльная тюрьма в Бутырке

Э.

Воспринимая жизнь как увяданье,
Ты на весну глядишь с недоуменьем,
И постигаешь алгебру страданья
В обратной протяжённости мгновенья.

Ты ощущаешь мир как совмещенье,
Сплетенье корневых несоответствий,
Как пир, где половина угощенья
Отравлена для упрощенья бедствий.

Не принимая одури смиренья,
Пренебрегая фальшью карнавальной,
Ты ускользаешь вглубь стихотворенья,
Верна своей субстанции астральной.

18 сентября 1975

Пересыльная тюрьма в Бутырке

СВЕТ

Коснусь волшебной палочкой бумаги
И, тайн преображенья не тая,
Мне дань свою несут волхвы и маги
Из прорвы внеземного бытия.

И времени слепые завихренья
Выносят в мир зашифрованных примет
Предвосхитивший первый день творенья
Неуловимый для науки свет.

Да, в этом свете выглядят нелепо
И жизни тьма и даже смерть сама.
Ну, а проста ли пареная репа –
Вопрос непостижимый для ума.

19 сентября 1975

Пересыльная тюрьма в Бутырке

РАЗЛУКА

Мир я вижу в прорези обиды.
Разве спичка пища для огня?!
Эльфы, саламандры и сильфиды,
Вы не зря покинули меня.

Где мне взять бушующее пламя,
Сладкие и сочные лучи?
Разве только нашими «делами»
Расплескать большой огонь в ночи?

Но на это виды столь плохие,
Что надежд на возвращенье нет.
Жаль, что сердца жар не их стихия,
Жаль, что груб для них познания свет.

Не вернуться дивные создання,
Их слезой горючей не привлечь.
Да и это сказочное зданье
Мрачновато для счастливых встреч.

В царстве духа пламенные гиды,
Я приду к вам сам в кольце огня.
Эльфы, саламандры и сильфиды,
Подождите, милые, меня.

19 сентября 1975

Пересыльная тюрьма в Бутырке

ГЛАЗА

О, нет, не речи в тронном зале,
Не благородная слеза –
Лицо истории спасали
Шутов печальные глаза.

Они глядели, не мигая,
На произвольный блеск светил,
Всею жаждой света проникая
За грань того, что взгляд схватил.

Они до гроша знали цену
Всею бутафории владык.
И оголял порою сцену
Их заглушённый блеском крик.

24 сентября 1975. Вежайка

Из цикла «КАМЕРТОН»

Ах, лефортовская камера!
Чёрный год, проклятый год!
Жизнь, спрессованная замерла,
Ночь не та и день не тот.
Но в тетрадах ею сложены
Бескорыстные дары.
Подытожены, размножены,
Позабыты до поры.
Мне в полёте звёзды встретятся
Из расплавленного зла.
Оттого в душе и светится
Та озвученная мгла.

12 ноября 1975. Вежайка

СОРОКОУСТ

Где вширь тоска распластана,
Прижившаяся тут,
Заклятая расплатою
За всё, чего не ждут;
У самой кромки нежности,
Где проволочный щит,
По вымерзшей безбрежности
Сорока хвост влачит.
А на хвосте ни весточки,
Ни взгляда, ни луча,
Лишь снег стряхнула с веточки
Сорока сгоряча.
В окошке теней заросли
Придвинулись к виску.
Там жизнь у кромки ярости
Клюёт мою тоску.

14 ноября 1975. Вежайка

НОВОГОДНЕЕ

О чём шампанское шептало,
Струясь из кратера бокала?
Что обещало, чем смущало,
Что в зыбкой пене совмещало?

На эти праздные вопросы
Один лишь дым от папиросы
Ещё способен дать ответы.
Ах, шёпот, шёпот, где ты, где ты?

Горит надежд святое пламя.
Роятся пробки над столами,
И звёзды с ёлки новогодней
Слетают в бездну преисподней.

27 ноября 1975. Вежайка

Кто многогранник жизни изучил
Во всех его стремительных разрезах,
Тот, растворивши тезы в антитезах,
Своей души проказу залечил.

Кто на вершинах избранных веков
Стоял над благодетельным туманом,
Тот не томим тоской по странным странам:
Настрой его движенья не таков.

Он строками трактатов и поэм
Замазывает щели мирозданья
и мысль его – прелестное создание,
Вспорхнувшее неведомо зачем.

Кто видел свет, забытый на Земле
Рассеяной звездой в иную эру,
Тот, обретя единственную веру,
Со змием лишь беседует о зле.

28 ноября 1975. Вежайка

ВОСПОМИНАНИЕ О ЮГЕ

Листвы зелёной окрылённость
Над заземлённостью полей,
Возвышенная устремлённость
Пирамидальных тополей...

И синевы сухой упругость,
И тишины чужой дурман,
И мыслей тёплая округлость,
Растёкшаяся по домам,

По звёздам, по жнивью прибоая,
По всей спирали временной...
Вздыхало небо надо мною
И было заодно со мной.

6 декабря 1975. Вежайка

Э.

Густеют миражи былого
И, прерывая виражи,
В тетради замирает слово
У перепаханной межи.

Меж двух миров канат натянут
Неумолкающей струёй,

А жизни вянут, жизни вянут
Под паутиною стальной.

В конверт вложив сердцебиенье
И ощущений, тонкий слой
В наш дом вхожу остывшей тенью
И слышу прежний голос свой.

8 декабря 1975. Вежайка

НОВОГОДНЕЕ

Иголки с ёлки новогодней
Несёт по зоне ветерок.
Не размотать ли нам сегодня
Клубок бесчисленных дорог?

Чтобы порог родного дома
Переступить под сердца стук,
Присесть у огонька родного,
Замкнув незримо тесный круг;

Услышать смех беспечный детский
И материнскую слезу
Перехватить ладонью резкой,
Пургу кроившей и грозу;

Всю жизнь свою окинуть взглядом,
Наметить в будущее путь.
Год кончен. Будущее рядом.
Дождутся всех когда-нибудь.

9 декабря 1975. Вежайка

ЛУНА

Я здешнюю луну понять не мог,
А ведь она не выглядела скрытной,
Когда смотрела с жаждой ненасытной
На гороскоп оснеженных дорог.

Она в мои глаза издалека
Глядела изумлённо, не мигая.
Казалось, что она совсем другая,
Не та, что и беспечна и легка.

И хоть кругом я у неё в долгу,
Меня ничуть не подавляет это.
Ей солнце уделяет море света.
Что к этому добавить я могу?!

12 декабря 1975. Вежайка

Когда гляжу я на созвездье тараканов,
Мир представляется мне сказочно прекрасным.
Я вынимаю монументы из карманов
И раздаю их огорошенным и праздным.

А тараканам волноваться нет резона,
Их не тревожат злоключенья дня и ночи.
Привольна ими завоёванная зона.
Их жизнь от горя не становится короче.

Они уверенно и весело плодятся,
Не поднимая безответственного шума,
Им тараканьи сны бессмысленные снятся
И не грызёт их бесорожденная дума.

Душа напаялила холодную ливрею,
Но не грозит уже ни ей, ни телу сытость.
И я воистину чувствительно добрею,
Когда гляжу на тараканью домовитость.

12 декабря 1975. Вежайка

Анатолию Апостолову

Ты говоришь о том, что жизни нет,
И пустота в глазах твоих гнездится,
И голос, точно раненая птица,
В душе прощальный оставляет след.

Ты говоришь, что не видать ни зги,
А рядом день играет хрустким светом,
Но ты не видишь радости и в этом,
Склонившись под потоками лузги.

Ты говоришь о том, что свет нелеп.
Ну да, вокруг растёт стена из мрака,
А полдень над клоакою барака
Расчётливо и тупо глух и слеп.

Но где-то там, за тридевять надежд,
В полузабытом нами измереньи
Жизнь, замирая, напрягает зреньё
Чтоб разглядеть судьбы твоей рубеж!

13 декабря 1975. Вежайка

Павлу Герберу

Живущий в мире без дорог
На диком хищном острове,
Преодолеть бы ты не смог
Тощищу эту острую,
Когда б не знал, что берег есть,
Где мучатся тревогою,
Что о тебе далёком весть
До слёз кого-то трогает;
Что в мире сказочном, где ты
Живёшь воспоминанием,
Не те глаза, не те цветы,
Пока ты тут, в изгнании.

13 декабря 1975. Вежайка

Изучая жизни свойства,
Вижу странный оборот –
Рокового неустройства
Бытовой круговорот.

Без душевного уюта
На уступах мы живём.
Ночью мрак вскипает круто,
Ветер гасит солнце днём.

Бездуховно и нелепо
Вьётся времени поток.
Застываешь в хрупкий слепок,
Сделав маленький глоток.

Метит смерть бесцветным крапом
Души алчущих невежд,
Открывая ложный клапан
Для отчаянных надежд.

Между будущим и прошлым
Взгляд над пропастью повис
Мигом, в изморозь проросшим,
Трелью, взрезавшею высь.

16 декабря 1975. Вежайка

Не выжечь этого названьем.
Под лаской ветра мы дрожмя дрожим.
Безжизненным существованьем
Нас одарил усиленный режим.

Не сдвинуть этого презреньем.
Горька тоска с тошнотой пополам.
И нам ли думать о весеннем?!
Вчерашний храм сегодня – жалкий хлам.

Не сбросить этого заклатьем.
Бессилен тут благословенный круг.
И, поглощая прах былых заслуг,
Густеет мрак под снежным платьем.

16 декабря 1975. Вежайка

Гаснет свет и мир теряет краски.
Он уже податлив и послушен,
Словно нет в нём яростной закваски,
Словно он – лужайка для пастушек.

Гаснет свет и мир теряет формы.
Он теперь в плену воображенья,
Чьё-то солнце по вершинам горным
Распыляет головокруженье.

В этой жизни стал я дальнозорким
И не вижу близости убогой.
Взгляд скользит по тающим пригоркам
За летящей к облаку дорогой.

Взгляд, из тьмы выкраивая тени,
Проникает в подоплёку бедствий
И звучит струна душевной лени,
Приглушённой памятью о детстве.

Посреди вертящегося круга
Мне берлогу вьюга просвистела.
По корням, напрягшимся упруго,
Жизнь сочится из живого тела.

На пути к свободе и спасенью
Всё прекрасно и недостижимо.
И непостижимо воскресенье
В мире, где и дальнозоркость лжива.

17 декабря 1975. Вежайка

ЧУДЕСА

Чудеса в решете...
Чудеса, да не те.
Хоть полно решето,
Всё не так, всё не то:
И восход, и закат,
И заход, и расклад;
Взгляд и вздох,
Друг и враг –
Всё не то, всё на так.
Катит солнце в ночи,
Пьют из лужи лучи,

И звучит без помех
То ли стон, то ли смех.
Всем планетам назло
Небо в землю вросло.
Сеть плетут голоса –
В решете чудеса!
В решете день за днём
Ночь играет с огнём.
Человечьи слова,
Что в морях острова.
Мир созрел. Он готов
К чудесам всех сортов,
Лишь бы вновь не воскрес
Чудный мир без чудес.

19 декабря 1975. Вежайка

ПАМЯТИ МАРИНЫ

Заглушают песню лабухи.
Ночь спешит нас приласкать.
Ни в Тарусе, ни в Елабуге
След звезды не отыскать.
А звезда была неистова –
Прах сжигала на пути,
Не терпела неба чистого
(Бог за то её прости!).
А звезда была залётная
Всё-то было ей в расплав:
Атмосфера слишком плотная
Благотворна для облав!
Куролесило невесело
Пламя с кровью пополам.

Прожигала ярость месиво,
Обесцвечивала хлам.
Окунала душу в грешное
Бескорыстье красоты.
Искры взгляда отгоревшего
Вырождаются в цветы.
И уносит вдохновения
Пенно-радужный прибой
То отчаянное пение,
Что простёрлось надо мной.

20 декабря 1975. Вежайка

ПЛОДЫ

Недешево они достались мне,
Плоды тревог эпохи ледниковой,
Где жизнь остывшей сломанной подковой
Лежит на дне, на помертвевшем дне,

Где равнодушно гибнут облака,
Не насыщая синевы размытой.
Лишь остаётся свет в душе открытой
На годы, на блаженства, на века.

Отравленные исподволь плоды,
Беда, кому придёте вы по вкусу.
Отшельнику, герою или трусу
Равно тогда не избежать беды.

Пусть этот яд обугливает взгляд.
Я всё равно плодов не уничтожу.
Не для того я эту жизнь итожу,
Чтоб загружать кормушки для телят.

21 декабря 1975. Вежайка

«ЗЕМЛЯ» КРОФТА

Э.

Та музыка из глубины нездешней,
Бессмертная безверью вопреки,
Сияющая вызревшей черешней
Над омутами тающей реки;

Развёрнутая радугой над лугом,
Сроднившаяся с трелью соловья
Лучам навстречу поднятая плугом,
Не музыка – мученья головня!

Прибоя колокольного тревога
Пронизывает дьявольский покой.
О, музыка, повремени немного,
Кружась над ослеплённою строкой!

Судьбы недоброй голос отдалённый,
Рождённый во дворце, не в шалаше,
Летит над ветром, снегом убелённый,
Зарубки оставляя на душе.

22 декабря 1975. Вежайка

ШУТКИ – ПРИБАУТКИ

Современный мир умом нестигаем.
Он причудами оброс, куда ни глянь.
Птица Феникс нарядилась Попугаем
И бормочет безответственную дрянь.

Сфинксы жуткие загадки позабыли.
Бродят в поисках родных своих веков
И холодный пот, стусившийся от пыли
На шоссе сползает скорбно с их боков.

В одинар профаны ставят на Пегаса,
А приходит слабогрудый Россинант
И бесспорно-недоразвитая раса
Узурпирует божественный талант.

Отсвет жизни по безумию струится,
Иступление рождается в тиши.
И какие-то непрошенные лица
Зябко топчутся на паперти души.

22 декабря 1975. Вежайка

Да, жизнь весьма удачливая сводня
И душу заклинанья не спасут,
Но хилое творение господне –
Непостижимой ёмкости сосуд!

Оно, творенье иль продукт ваянья
Поистине искуснейших богов,
Придумало систему наказанья
И искупленья собственных грехов.

Греховностью самой отгородилось
От прочих тварей фауны земной
И, уповая на господню милость,
Резвится, как за каменной стеной.

Сгорает время в пламени холодном.
Размякший мозг прикрыт бронёю лба,
Но тушит саксофон в оркестре модном
Архангела безгрешного труба.

23 декабря 1975. Вежайка

МОСКВА – ВЕЖАЙКА,
ВЕЖАЙКА – МОСКВА

Э.

Я Фемидой покорною
От тебя отлучён.
Чьей-то ревностью чёрною
С пустотой обручён.

С белизной оглашенною
Я сошёл в притык.
В очерствелость душевную
До отвала проник.

Постигаю двусмысленность
Истекающих дней.
Уповая на письменность,
Оживаю лишь в ней.

А над снежной зевотою
Между мной и тобой
Пламя мечется вольтовой
Животворной дугой.

25 декабря 1975. Вежайка

ЗАКОНОМЕРНОСТИ

И джунглей законы и прерии
Зверьё понимает и дичь.
Законов барачной империи
Нельзя человеку постичь.

Заброшенный в мелкое крошево
Существ ядовитых кровей,
Он видит, что выше хорошего
Здесь тот, чья дорога кривей.

Когда по-звериному щерятся
Ошмётки вчерашних людей,
Тоска леденит даже деревце –
Свидетеля зверских затей.

Где сроком судьба огорожена,
Попавшая в общий загон,
Царит над душой замороженной
Всесильный барачный закон.

А деться обглоданной некуда.
Здесь нары – синонимом нор.
Отчаянья злая молекула
Глядит на паскудство в упор.

Ждёт гостя местечко укромное,
Штампуются наспех венцы.
И что-то бормочут утробное
Законного бога жрецы.

30 декабря 1975. Вежайка

Так уж повелось оно исстари:
Мёртвые живым не товарищи.
Мёртвые угасшими искрами
Реют над гудящим пожарищем.

В небе что ни искра, то звёздочка.
А мертвы – какая нам разница?!
Им от нас не нужно ни зёрнышка,
Мы у них берём, что понравится.

Всё живое смертью помечено.
Так уж повелось оно исстари.
Мёртвые – предел человеческого,
Оттого их взгляды так пристальны.

27 декабря 1975. Вежайка

К чему в пути печалиться?
Что выпросил – неси!
Печаль твоя вращается
Вокруг своей оси.

Печаль твоя питается
Надежд былых теплом
И всё вручить пытается
Тебе гнилой диплом.

Но думой непутёвою
Смущает неспроста
Нас роза, ночью тёмною
Вспорхнувшая с куста.

31 декабря 1975. Вежайка

Э.

Мы теперь встречаемся с тобой
Только в прошлом, гарью ограждённом,
От пустот сквозных освобождённом
Нашей осмотрительной судьбой.

Мы теперь в отдельной тишине
Только монологи произносим
И, забыв, что души на износе,
Вспоминаем о грядущем дне.

Мы на чёрный срок отключены
От сети густого напряжения.
Цель – ничто. Чудесно лишь движенье.
Оттого туннели так черны.

Декабрь 1975. Вежайка

Когда Вселенная выплюнет человечество
И вычеркнет его из памяти природы,
Исчезнет всё, что преступно мечется,
И образованность выйдет из моды.
Долго Земля будет раны залечивать,
Но через какой-нибудь миллион лет
Не останется в мире ничего человеческого.
В прах рассыплется цивилизации скелет.
Мир вновь обретёт красоту такую,
Которой не выразить и не осмыслить,
И Земля, по человеку исчезнувшему тоскуя,
Поспешит гонцов к нему выслать.
Не знаю, где они его отыщут,
Какими путями он в жизнь вернётся,
Но он вернёт себе эпидемии и пепелища,
И Солнце приветливо ему улыбнётся.

3 января 1976. Вежайка

ПОДСНЕЖНИК

Перечеркнула теней пляска
Косыми линиями лес,
И скрыла облачная ряска
Озёрный блеск земных чудес.

Бьёт в колокольчики прохлада,
И на ромашках ветерок
Шутя гадает возле стада
О чувствах сохнувших дорог,

Столь юных в мире этом старом,
Где шепчет вечные слова

Ещё не смятая загаром
Жизнелюбивая трава.

Я до краёв наполнен былью,
А жизнь вокруг черным-бела...
Зима, развёртывая крылья,
Сугроб над прошлым намела.

5 января 1976. Вежайка

На дне искрится снежное руно,
Расчёсанное гребнем золотистым,
И выглядит бесхитростным и чистым
То, что и впрямь на радость нам дано.

Руно тепло глубинное хранит
И праздный взгляд покоем ложным тешит,
А где-то рядом пёс тоскливо брешет
И лошадь неприязненно храпит.

Но вертится земли гончарный круг,
И множатся подсохшие недели.
...Что если так однажды в самом деле
На зло врагам весна нагрянет вдруг?

9 января 1976. Вежайка

У ВХОДА В НОЧЬ

День был обычной завалью богат
И до корней пропитан гарью липкой.
У входа в ночь встречал меня закат
Приземистой, рассеянной улыбкой.

В нём догорали тихие миры,
Века сплавлялись в авторефераты
И будущего щедрые дары
Бросали в ночь межзвёздные пираты.

Потом вестей неистовых приборой
Нетерпеливо штурмовал сознание,
То флейтой, то архангельской трубой
Души нетленной потрясая зданье.

Никто не в силах прошлому помочь.
Тем более в краю тоски убогой.
Где тишина, чреватая тревогой,
Переползает по-пластунски ночь.

13 января 1976. Вежайка

ИНФОРМАЦИЯ

Вот радио про двадцать пятый съезд
Проникновенно что-то разъясняет.
И, как морскую воду, опресняет
Летающие по ветру вести с мест.

Успехи всенародные тасуя,
Всех щедро ТАСС порадовать спешит.
Вот к лоскуту другой лоскут пришит.
Ох, видно, век на свалку зря несую я!

Сгодится ведь на что-нибудь и он.
По крайности, пойдёт хоть на запчасти.
Его разгон уже не в нашей власти.
Да, всё не так, старик Пигмалион!

А жизнь на острие эксперимента
Магнитной стрелкой замерла враспласт.
Но мне она и так соврать не даст,
Безжалостная, словно кинолента.

24 января 1976. Вежайка

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

За горой живёт колдун.
Звать его Мао Цзедун.
У него недобрый глаз.
Он совсем не любит нас.
Спи, малыш, не плачь, малыш!
Мы ему покажем шиш.
Нам не страшен чародей:
Не боимся мы идей.
Нам злодеи не страшны:
Нам все шорохи слышны.
Даже те, что за горой,
Ясно нам слышны, порой.
Спи, малыш, не плачь, малыш!
Ну, чего ты, брат, не спишь?
Тихо в доме. Дремлет мать.
Что тебе мешает спать?
Власть большая нам дана.
Мы прогоним колдуна.
За горою побратим
Будет жить, как мы хотим!
Спи, малыш, не плачь, малыш!
Что ты ножкой шевелишь?!
Лучше всяких прочных слов
Глубина пушистых снов.
Баю-баюшки-баю
Что за ересь я пою!

27 января 1976. Вежайка

Я закаляюсь, чуть глаза протру.
Я снегом умываюсь поутру –
Не в поисках бессмертия руды,
А так, за неимением воды.
Висит над заповедником луна
Холодного достоинства полна.
Я умываюсь млечной полумглой,
Вношу в жилище ветер под полой,
Потом иду протоптанной тропой
В едалище, как лось на водопой.
День окна высветляет не спеша,
И жизнь, что безысходно хороша,
С опаскою глядит на этот свет,
В котором столько спрятано примет.
Чего мне ждать от проходного дня,
Что давит всей Вселенной на меня?!
Вот я стою, согнувшись на ветру,
И смех, замёрзший, жарким снегом тру.

29 января 1976. Вежайка

Э.

Мы во многом не схожи. Ну, что же
Разве эта несхожесть преграда?!
Разве ты ей порою не рада,
Глядя в прорубь шагреновой кожи?

Мы нередко проникнуть не властны
В отражённые взглядом глубины.
Да, и всё же мы две половины.
Это нам до реальности ясно.

Но не два полушарья, конечно,
И не две половинки подковы,

Что в единое слиться готовы
На мгновение или навечно.

Как бы явь не кружила над нами,
Призывая виденья к ответу,
Мы к единому тянемся свету,
Прорастая друг в друга корнями.

5 февраля 1976. Вежайка

ОЖИДАНИЕ

Сквозь мороз прорастают дымки
и становятся небом далёким,
быстротечным, глубоким и лёгким,
словно звёзды и впрямь далеки.

Льётся свет с белоснежных ветвей,
что хранят потаённые соки
В них уже оформляются сроки –
скоро всем они станут видней.

Ждут бессонно деревья весны.
Взгляд спяют ожидания кристаллы.
Рядом трубы вздыхают устало,
просмолённые духом лесным.

Нет, не вымерзли звёзды дотла.
Что-то зреет за кромкою дальней.
Ожиданье весны... Ожиданье...
Притяжение к жизни тепла.

5 февраля 1976. Вежайка

ФЕВРАЛЬ

Плету стихи. Вокруг плетутся сети.
Игра. Но мы давно уже не дети.
Не детские обиды и тревоги
Лежат завалом поперёк дороги.
Не детские облавы и капканы,
Не детские пробоины и раны.
Цветёт зима, полна морозным звоном.
Вся мощь её расписана по зонам.
Клубится пар в барачных коридорах,
И снег таит угрозу, словно порох.
Я вижу снег сегодня в чёрном свете.
Во мраке тля плетёт утробно сети.
Мутит погоду чья-то воля злая,
Гнилым дыханьем зиму отравляя.
И не уйти в себя, не устраниться,
Помочь бессильна чистая страница.
Мне не с руки тепло на карту ставить.
Я не хочу клыки устало скалить.
Но в дебрях дня петляет чья-то зависть,
Во мрак души своей слепой уставясь.
Плетёт февраль морозные узоры.
Ещё весной не высланы дозоры,
Лишь день растёт за счёт усохшей ночи.
И кто-то рад, что стала ночь короче...

7 февраля 1976. Вежайка

ЛЕТУЧИЕ МЫШИ

Летучие мыши... Чудные создания! –
Экспериментальный продукт мироздания.

Крылатый грызун, порождение мрака
В полёте слепом безмятежен однако.

Летучие мыши – ни звери, ни птицы.
Они, словно тёмные микрочарницы,
Мелькают на фоне глазури небесной,
Ничуть не смущённые славой нелестной.

Они чердаки обживают по праву,
В сквозной тишине размножаясь на славу.
Летучие мыши, полночные души,
Воздушные звери, крылатые уши.

Вы целую вечность на свете прожили
И зверю чужие, и птице чужие.
В чердачной пыли вы как мыши живёте,
Еду и простор обретая в полёте.

Летучие мыши, вы странно близки мне
Полёт ваш – бессмертье, звучащее в гимне.

9 февраля 1976. Вежайка

ВЕЗЕНЬЕ

А знаешь, Солнцу всё же повезло:
Есть феномен Земли в его системе;
Хоть вообще, везенье чаще с теми,
Кто из добра выкраивает зло.
Не зря пронзая тьму, его лучи
Так часто посещают наши веси,
И человек, венец гремучей смеси,
Из них творит бессмертия ключи.
Земля! Какой ещё нам нужен Рай?
Какой ещё нам заповедник нужен?!

Земной простор дарами столь загружен,
Что хлещет изобилье через край.
Роится жизнь и медовитый дух
Определяя профиль атмосферы,
А Солнце излучает волны веры,
И тишина зари ласкает слух.
Чем было это Солнце без Земли?
В чём был бы смысл его существованья?
Оно бы прозябало без названья,
Что только люди вымолвить могли.
Но солнечные зайчики, скользя
По нашим душам и по нашим лицам,
Не ведают, что к звёздным небылицам
Проложена ракетная стезя.

11 февраля 1976. Вежайка

ПРЕДВЕСТЬЕ

Солнце щурится с откоса.
Дни несут всё больше света.
А проклятые вопросы
Остаются без ответа.

Мысли скованы тревогой.
Даль холодная туманна.
Мгла над хищною дорогой
В глубине мерцает странно.

Возникают силуэты,
Намечаются созвучья...
Реагируя на это,
Сеть колышется паучья.

12 февраля 1976. Вежайка

ВЕСНА

На виду у снов непостижимых,
На окраине дрейфующей судьбы
Облетают лепестки снежинок,
Оплывают телеграфные столбы.

Это – солнце облучает зиму,
Это – дрогнула планета на оси.
Беспредельно и невыразимо
Животворное ЕСИ НА НЕБЕСИ.

Погляжу на свет первопрестольный,
Ошалело оглянусь по сторонам
И сниму с берёзы ясноствольной
Тёплый луч, легко слетевший с неба – к нам.

13 февраля 1976. Вежайка

ПУТЬ БЕЗМЕРНЫЙ

Свет мелькнувший. Путь безмерный.
Тишина над былью мятой...
Что разрезал сорок первый,
То не склеил сорок пятый.

Тонкой струйкой жизнь сочилась
Неслиянно, отрешённо.
Многослойная причинность
Явь топила в краске чёрной.

А вокруг мелькали маки,
Небо мягко голубело,
И звезда цвела во мраке
И о чём-то тонко пела.

Ветви снежною опушкой
Солнца сочного касались;
Тёплым дымом над избушкой
В теле таяла усталость.

Мир, что цельным был когда-то,
Невзначай разъят на части.
Лист кленовый... голос... дата...
Завязь ветра. Искры счастья.

18 февраля 1976. Вежайка

БЕССМЕРТЬЕ

Нам лишь вперёд дано идти,
Творя таблицу умноженья.
На светлом жизненном пути –
Одностороннее движенье!

Кислит бальзам для хилых душ,
Но им нужна, как идол секте,
Оптимистическая чушь
В биологическом аспекте.

Нет, я в бессмертье не игрок,
Что дышит холодом полярным.
Мне не пойдёт бессмертье впрок
На уровне молекулярном.

Я верю в жизнь и верю в смерть
И, перегружен этой верой,
Космическую круговерть
Не общей обмеряю мерой.

Но мир по-своему кроя,
И закрепляя вечность в миге,

Я по пустыне бытия
Влачу безверия вериги.

Я тополиный пух ловлю
Рукою странно невесомой,
Беззвучно вторя соловью
В его запевке невесёлой.

20 февраля 1976. Вежайка

ПАРАДОКСАЛЬНЫЕ СТИХИ

Да, этот полдень я в дар получу.
В каждом окошке – искрящийся свет,
В каждой сосульке живёт по лучу,
Словно на свете и сумрака нет.
Светятся сочного снега пласты.
Воздух сияньем пронизан до дна.
Светлые мысли чисты и просты,
В каждой частица простора видна.
Очарованья развёрнутый миг –
Преображенья прообраз и знак.
Солнечный полдень во мраке возник
Непроизвольно. Неведомо как.

24 февраля 1976. Вежайка

ДВА НАЧАЛА

С явно видимым не спорю.
Чувства меряя веками, –
Тяготее небо к морю,
Дружат волны с облаками.

Жизни цепкой два начала,
Две стихии, два простора,
Как их даль ни разлучала –
Не вели пустого спора!

Мы глядим на них не видя,
Что они несоразмерны.
Там, где места нет обиде,
Не отыщешь едкой скверны!

Солнце им приносит вести
И уносит их усталость,
Днём взлетая в поднебесье,
Ночью в море опускаясь.

Пусть грозой обуглен воздух,
Но прильнула бездна к бездне.
И плывут морские звёзды
В край прославленных созвездий.

25 февраля 1976. Вежайка

ПОТУСТОРОННЕЕ

У апостола Петра
Дел невпроворот.
Каждый день галдят с утра
Души у ворот.
Но напрасно норовит
Грешная душа
Обрести невинный вид,
Лишний раз греша.
Всех загнал бы в горний край –
Да не тот расклад!
Ведь узка дорога в Рай,

Много шире – в Ад!
Вот он, перечень голов
С надписью «Земля».
Ждут их черти у котлов,
Угли шевеля.
Но не прёт сюда народ.
Давки не видать.
У дыры, что в Ад ведёт,
Тишь да благодать.
От расстройства Пётр ослаб,
Службе той не рад.
Каждый день идёт этап
В Ад от Райских врат.

25 февраля 1976. Вежайка

БЕЗУМЬЕ

*Живут в норе, живут в пещере.
Для жизни все пригодны щели.*

А. Ф. Из «Книги эпитафий»

Я променять на одиночку
Готов и зону, и барак.
(Сберечь ядро и оболочку
Мне удалось бы только так!)

Идея рой покинуть шумный,
Залезть хоть в клетку, хоть в подвал,
Тому покажется безумной,
Кто на Вежайке не бывал.

А я по горло сыт общением
С нечеловеческой средой,
Обогащённой жаждой мщенья,
Всему грозящую бедой.

Покинуть ядоносный улей;
Забуть шипенье, лай и вой...
Безумье броневой пулей
Бьёт по мишени, по живой.

25 февраля 1976. Вежайка

Остриженный ветер,
Обветренный зной,
Стрекоз трепетанье
Над веткой резной...
А наискосок поплавок
Трепеща
Под воду идёт,
Выявляя леща.
А время течёт,
Как от века текло.
Сквозь оторопь света
Струится тепло.
Касаюсь воды
Полегчавшей рукой.
Сверяет миры
Двуединный покой.

27 февраля 1976. Вежайка

СЛОВА

Гербарий не коллекция гербов,
А колумбарий не приют Колумба.
И поворот штурвала на два румба
Ещё не танец пьяных моряков.

Где – просто рвётся родственная связь,
Оставив слов условное сближенье,
А где – сплетают звукоотраженье
Случайную узорчатую вязь.

Словесная добротнейшая ткань
Понятья облегает и предметы,
Определяет свойства и приметы,
С пытливой мысли получая дань.

Непостижима ёмкость языка,
В нём столько наслоений и отростков!
И кажется порой, что слово – остров,
Который держат на плечах века.

28 февраля 1976. Вежайка

Кем это придумано?
Чей сюрприз?
Время белым турманом
Пало вниз.
Песня свету верила –
Меркнет свет.
В глухомани Севера
Жизни нет.
Мне дорожку выстелить
В те края,
Всё равно, что выстрелить
В соловья.

28 февраля 1976. Вежайка

Каждый день сокращает срок,
заготовленный щедро впрок.

Ну, а ночь, вообще не в счёт.
Ночь сама по себе течёт.

Каждый день оставляет след
на шкале многослойных бед.

Но сливаются дни в поток,
и вливаются дни в лоток.

Промываю песок судьбы,
тот, без если бы да кабы!

Я крупницы в тетрадь кладу.
Отгоняю строкой беду.

Февраль 1976. Вежайка

Косноязыча поначалу,
Сгущая лепет в щедрой лепте,
Весна явленье возвещала
На воробьином диалекте.

И на волне её прилива
Врывались в окна свет и щебет,
Зовущие нетерпеливо
Определиться в здешнем небе.

С утра впадали в невесомость
Эмблемы вяжущей мороки,
И день, сработанный на совесть,
Переоценивал пороки.

И навзничь падали устои,
Фундаментальные в основе,

И всё, что прошлого не стоит,
Ловило тщетно день на слове.

Но утро, проплывая мимо,
Рассеивало свет упрямо.
Всё было неосуществимо,
Как заклинанье Мандельштама.

Февраль 1976. Вежайка

Мы с Гамлетом встречаемся не часто –
так, иногда, в пропахший гарью час,
когда судьба особенно зубаста,
звезда тревоги зоркой сводит нас.

Нет, мы не коротаем время в споре,
и в монологах тоже нет нужды,
в тиши ночной в холодном Эльсиноре,
где долго зрела опухоль вражды.

Нам слов не надо. Нам хватает взгляда.
Давным-давно всё сказано. К чему
расплёскивать в ночи запасы яда,
опасного и сердцу и уму?

Я прихожу к нему не за советом.
Не для того, чтоб заключить союз.
Мне датский принц помочь не властен. В этом
причина постоянства тонких уз.

Мы молча рассуждаем у камина,
и боль сгорает в пламени свечи,
и явственно тревоги половина
в далёкой растворяется ночи.

Февраль 1976. Вежайка

Скорей бы дойти до безлюдья,
прилечь на беззвучные травы,
вдохнуть распахнувшейся грудью
земной и небесной отравы.

Я прошлого тени согрею
и в борозды брошу приметы.
Старею? Конечно, старею –
в пределах Божественной сметы.

Из памяти выпорхнет вечер
и солнечный день занавесит,
и вспыхнет созвучие встречи
в глубинах сияющей смеси.

Вернуться к огню первородства,
глядеть на вершины со склона...
Бороться! Бороться! Бороться! –
кричит прокажённая зона.

Февраль 1976. Вежайка

В ПОКОСИВШЕЙСЯ ГЛУШИ

Э.

Справа лес и слева лес,
Позади и впереди.
Посередке пляшет бес
С погремушкой на груди.

Снизу снег, а сверху свет.
Хулахупой – горизонт.
Заметает время след,
Что в безвременье ведёт.

Я из прошлого приду,
На удел свой погляжу

И себе же на беду
Вьюге голову вскружу.

А потом вернусь туда,
Где ты маешься в тоске,
Тот, пропавший навсегда,
Словно капля на песке.

Ну, а этот, что забыт
В покосившейся глуши,
Пусть вырастает в Новый быт,
Обморозив полдуши.

1 марта 1976. Вежайка

ДРАМА

За осанку и гвардейский рост,
за роскошный многоцветный хвост,
не боясь ни сплетни, ни греха,
полюбила Утка Петуха.

Запоёт Петух – она дрожит,
загрустит – она к нему бежит.
Своему избраннику верна,
презирает Селезня она.

А Петух на Утку не глядит,
не прельщает Петю Уткин вид!
Намутил коварный птичий бес:
у него к Индюшке интерес!

Очумели куры, сбились с ног.
Но никто в беде помочь не мог.
Обернулась драма глупых птиц
недостачей мяса и яиц.

3 марта 1976. Вежайка

СИТУАЦИЯ

То улыбка, то усмешка,
А из глаз тоска сочится.
Разве может ведать пешка,
Что стрясётся, что случится?

Идиот суровым взглядом
На неё глядит по праву.
А тревога бродит рядом,
Ищет к сердцу переправу.

Идиот презренья полон.
Он, прохвост, самодоволен!
Излечить нельзя и колом:
Ведь с рожденья, а не болен!

И мудрец, что заколдован,
Превращён обличьем в пешку,
Должен лезть в карман за словом,
Загоняя вглубь усмешку.

4 марта 1976. Вежайка

МАРТ

Луч ложится на кров.
Звонок мир и светел.
От нехватки жиров
Обессилен ветер.
Март скользит между строк,
Сквозь часы сочится.
Подойдёт чуду срок –
Что-нибудь случится!
Полдень крылья простёр
Над гудящим лоном.

Скоро станет простор
Синим да зелёным.
Свежий ветер взметнёт
Полотно восхода.
Тает снег. Тает лёд.
Талая погода!

6 марта 1976. Вежайка

МЫ – В ЦЕНТРЕ МИРА

Сегодня здесь прижился пуп земли.
Где мы – там всех путей земных скрещенье.
И не вокруг ли нас творит вращенье
Светило, что скрывается вдали?

Отсюда виден мир во всей красе.
Воображеньем смятым приукрашен,
Он там приветлив и ничуть не страшен,
И даже люди в нём подлы не все!

Людские ручейки текут сюда,
Сливаются в поток многоголосый.
Плодятся ненасытные вопросы,
И к Воскресенью тянется среда.

Мы – в центре мира, в сердцевине дел,
Которыми ославлена планета.
Не забывайте, граждане, про это,
Определяя прочности предел!

7 марта 1976. Вежайка

Прошлое не насыщает.
Верно, мало в нём калорий!
Прошлое не защищает
Ни от бури, ни от горя.
Прошлое утешить может
И отвлечь от раздраженья,
А порою душу гложет,
Обостря положенье.
Прошлое лучам подобно,
Что, невидимые глазу,
Тем не менее, подробно
Нас высвечивают сразу.
Может, воля в том Господня,
Может жизнь концы сплетает...
Корни нашего «сегодня»
Соки прошлого питают.

7 марта 1976. Вежайка

ПЕРЕПУТЬЕ

Вчера – зима, сегодня повеснело.
Снег под ногами потемнел и сник.
Вдыхают ветви трепетно, несмело
Броженья дух, что в полусне возник.

А солнца нет. Оно творит вслепую.
Кроит погоду ветер перемен.
И я беспечной песней салютую
Всему, что вдаль уносит плиты стен.

Линяет мир, меняет очертанья,
Готовит краски всех земных тонов.
Ещё сугробы оцепляют зданья,
А горизонт уже щемяще нов.

7 марта 1976. Вежайка

ОВСЕЙЧУКОВИНА

Сколько зубьев у пилы,
Отчего резцы малы,
Что опасно для пьянчуг –
Знает Витя Овсейчук.

Он занятя облегчил,
Он пороки изучил
Древесины и людей
И возвышенных идей.

Но воспеть Овсейчука
Не поднимется рука,
Потому что у него
Нет в активе ничего.

10 марта 1976. Вежайка (техкабинет)

СЕРДЕЧНОСТЬ

Гляжу вокруг печально и устало,
Как впавший в недоверие святой.
По праву сердце в этой жизни стало
Моею ахиллесовой пятой.

Оно одно всегда за всё платило,
Банкротства не предвидя своего,
А многоликий нынешний Аттила
Опустошал губительно его.

И я помочь ему уже бессилён.
Летит состав сердечный под откос.
Молчи, кукушка! Видишь: добрый Филин
Мне отголосок вечности принёс.

14 марта 1976. Вежайка

ВЫСОТА

Альпинизм – жестокая профессия.
Все дороги глухо тянут вниз.
Сколько бы устойчивость не весила,
Бездорожье – поднимает ввысь!

Альпинисту тягостно на плоскости.
Не к лицу ему горизонталь;
Смело отражая козни косности,
Он глядит в заоблачную даль.

По вершинам путь проходит жизненный
У того, кто духом – альпинист.
Путь, что по болотным кочкам вызмеен,
Для него безжизнен и тернист.

Не дают вершины успокоиться,
К чистоте и свежести зовут.
Это там гнездо мечты находится,
Заклеймившей низменный уют.

17 марта 1976. Вежайка

НезнаЧАЙ

(тема с преувеличением)

Где сажали – сеяли,
там он вроде сена.
Только тут на Севере
знают чаю цену.

Странники промёрзшие
под звездой слепой,
что сюда заброшены
дивною судьбою,

веря в силу тёмную
варева крутого,
за заварку скромную
всё отдать готовы.

А разжиться где же нам?
Разве что случайно...
Чай в краю заснеженном
дорог чрезвычайно!

19 марта 1976. Вежайка

МУЗЕЙНОЕ

Моя доверчивая Муза,
Я у тебя всегда в долгу.
Ты мне не кара, не обуза,
А ведь ни в чём тебе не лгу.
Не стала ты ничьей рабою
И, отрицая пользу врак,
Сказала: – Будь самим собою
И отличай от света мрак! –
Так мало. Так безмерно много.
Смерч лихолетья позади.
Размыта временем дорога,
Что пыль оставила в груди.
Но я, порой судьбой доволен,
А недоволен лишь собой,
И разве чем-то обездолен
Шахтёр, спустившийся в забой?
Моя безжалостная Муза,
Я снисхожденья не просил
И не скользил по кривде юзом,

Учтя соотношенье сил.
И по мирам чужим кочуя,
Где справа – стужа, слева – зной,
Лишь одного теперь хочу я,
Чтоб ты всегда была со мной.

21 марта 1976. Вежайка

СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЕ

Всё по-прежнему пока,
А кораблик расписной
Это выдумка дымка,
Что слойтся надо мной.

Солнце пробует лучом
Отодвинуть холод вдаль.
Впрочем, солнцу нипочём
И разлука, и печаль.

Разве в зареве зари
Свет желанный разглядишь?
Ты гори заря, гори
Да скажи, зачем горишь!

Взгляд споткнулся на бегу.
Дым витает надо мной.
Солнце роется в снегу –
Свет проходит стороной.

23 марта 1976. Вежайка

ГОЛУБАЯ ЗВЕЗДА

Отцвело, отмелькало
всё, что впору весне.
Я горю вполнакала,
я живу в полусне.

Оборвалась дорога,
растерялись пути,
и ни друга, ни Бога
в полумгле не найти.

Но парит надо мною
Голубая звезда,
что осталась родною
навсегда. Навсегда.

24 марта 1976. Вежайка

ЗАБЛУЖДЕНЬЕ

Может в чьих-то расчётах тут вышел просчёт.
Может просто тяжёл охлаждённый рассвет,
Только счастье на этой земле не растёт,
Вопреки завереньям правдивых газет.

Хлёсткий ветер сорока несёт на хвосте,
Пролетая над грудой линияющих крыш
И над свалкой погашенных водкой страстей,
Где скребётся тоска, как бессонная мышь.

Беспросветное небо лежит на снегу,
Что уже грязноват и при том рыхловат.
В муте солнечный след отыскать не могу,
Словно нет надо мной никаких макроватт.

Не для праздника созданы эти края,
Не для светлых улыбок и шумных затей.
Как надёжно звезда заблудилась моя
В бездорожье земных и небесных путей!

30 марта 1976. Вежайка

Не заданность, а просто данность,
как ширь полей,
спиралевидная туманность
судьбы твоей.

Обросший шерстью изречений,
ты духом слаб.
Сработанный из исключений,
ты правил раб.

А тут ещё несовместимость
натур и сфер,
да откровенная немилость
весов и мер.

Не заревом, но адской топкой –
вдали закат.
Ложится жизнь случайной тропкой
меж эстакад.

Март 1976. Вежайка

Солнце яркое к снегу ластится
И на нас глядит свысока.
А какая нам, людям разница,
Мы ж не зыбкие облака!

Пусть возносится, ослеплённое
Блеском собственной красоты –
Ведь не даром же всё зелёное
К нитям тянется золотым.

И для нас оно, животворное,
На земле творит благодать.
Ведь не даром всё цветом чёрное
Жар торопится загребать.

7 апреля 1976. Вежайка

Не смотрю уже пристально
На остывшие годы.
Я живу, как на пристани,
Жду у моря погоды.

Не ищу оправдания
Расставаньям и встречам.
Стало давним недавнее,
Стало давнее вечным.

Над развилками прошлого
Пролетают зарницы.
Много слишком хорошего
В зыбкой юности снится.

А потом нас актинии
Призывают к ответу
Там, где сходятся линии,
Параллельные свету.

11 апреля 1976. Вежайка

Растормошил апрель сердца,
Разбередил бездумно раны,
Рассыпал солнце у крыльца –
Всё б хорошо, да слишком рано!

Нет, не пришла ещё пора
Гонцам Весны спешить навстречу,
Чтоб обратилась та игра
В живую радость человечью.

Лучи проникли глубоко,
Но валом всей весенней мощи
Тоску прогнать не так легко,
Со снегом всё гораздо проще...

15 апреля 1976. Вежайка

По жизненным тропам
Бесцельно мы бродим.
И что-то теряем,
А что-то находим.

Порой открывают
Закрытые двери
И эти находки,
И эти потери.

Мы ищем в движении
Реального смысла,
А в жизни реальны
Одни только числа.

20 апреля 1976. Вежайка

ПЛОДЫ ЭПОХИ

Живу на свете шутки ради,
Питаю рифмами тетради,
В строю хожу со словом в ногу,
Расту, старея понемногу.
Весна! Святое время года!
Прозрачна взлётная погода,
И солнце, соскользнув с ладони,
Остатки снега в землю гонит.
Сливаются в потоки миги,
В природе вызывая сдвиги.
И верить хочется, что это
Тот самый мир и та планета,
Что с человечеством совместно
Врасти в прогресс пыталась честно.
Давясь, жую плоды эпохи,
А правдолюбцы-скоморохи
На подновлённые подмости
Выносят списанные блёстки.
Эпоха зрелищ не жалеет
И кровь торжественно алеет
На площадях у балаганов
Под сенью вымерших органов.
А солнце сны хмельные варит,
В котлы плоды эпохи валит,
И говорят приметы эти,
Что я ещё живу на свете.

24 апреля 1976. Вежайка

Вчерашний день теряет очертанья,
Сегодняшней наполнен пустотой,
А завтрашний таит во тьме густой
Просчёта недостроенное зданье.

Назло добру всё искоса течёт.
Меняется под рваной оболочкой
Чудесный мир. Он стал болотной кочкой,
Чудес не принимающей в расчёт.

Он заражён энергией тлетворной,
В нём бродит отрицательный заряд.
И всё же звёзды в мареве горят:
Прочерчивая путь к вершине горной.

Мы замкнуты в беспрецедентный век,
Загадочный продукт поточных линий.
За что мы стали жертвами Эриний?
Быть может, за неистовый разбег?

Ведь эти поразительные твари,
Что к нам ползут с газетного листа,
Внушают: – Жизнь в движении проста
И полно проявляется в товаре.

Последний снег и первые ручьи...
Ветров и вожделений перекрёсток...
Ещё весна. На схеме всё так просто!
И эти звёзды, в сущности, ничьи.

28 апреля 1976. Вежайка

МОНОЛОГ ГАНСА ФАЛЛАДЫ

Читатель, прости за умеренность:
Я жизнь берегу про запас.
К тому же, мне исподволь верилось
Что спит социальный заказ.

Читая, ты взглядом охватывай
Загон, где царят холоуи,
Где цензоров лапы мохнатые
Творенья листают мои.

Там подлость корыстью воспитана,
Капканами вымощен путь.
Вглядишься: под фальшивыми плитами
Кипит ядовитая муть.

29 апреля 1976. Вежайка

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ

Много было святых на Руси
И подвижников было немало.
Где же ныне святые, спроси
У рождённого пламенем шквала.

Где глубинная их доброта,
Наполнявшая времени соты,
Отрешённость (однако не та,
Что презрела мирские заботы!)?

Всё исчезло в огне и в дыму,
Переплавлена благость в кощунство,
И прислуживать стало уму
Обнищавшее в странствиях чувство.

Но отвергли карающий шум,
(Столь опасный не только для слуха!)
И бывшие властители дум,
И блаженные рыцари духа.

Где-то в прошлом, у тихих озёр
Пребывают они и поныне.
Растворяется пристальный взор
В родниковой заветной святыне.

30 апреля 1976. Вежайка

ПРИТЯЖЕНЬЕ

Рисую жизнь. Живописую время.
Влюбляюсь в травы. Верю в облака.
Несу своё спасительное бремя
С оглядкой на грядущие века.

Обособляюсь. Ухожу от шума.
А он уже, глядишь, во мне самом.
Построил храм и в ожиданьи бума
О БАМе проповедует с умом.

Теряю мир. Утрачиваю цельность.
Всё больше пятен свежих нахожу
На солнце, чья естественная ценность
Ясна, как день, и скептику-ежу.

А тут ещё и в космосе брожение.
Планеты, не тревожившие нас,
Усилили внезапно притяжение
Людских страстей во много тысяч раз.

Всё уже круг. Мы – пленники прогресса.
И хоть не нами сожжены мосты,

Мы тоже тешим старенького беса,
Чьи помыслы по-своему чисты.

А жизнь ещё приманчива до боли;
Её не так-то просто заплевать!
И ветер, васильки считая в поле,
Дарует мне земную благодать.

1 мая 1976. Вежайка

Смерть мёрзла в карауле,
Коробились гробы,
Насвистывали пули
Мелодию судьбы.

Покою обрастая,
Венчающим таран,
Сочилась кровь густая,
В провалы снежных ран.

Овладевая ролью,
С враждой сойдясь впритык,
Рабы платили кровью
За прихоти владык.

Мир оставался целым,
Понятным до конца.
Под снайперским прицелом
Вмерзали в снег сердца.

Когда разбойник в доме,
Сам домовый с тобой!
Вела земля Суоми
С проказой века бой.

29 мая 1976. Вежайка

ПЕСЕНКА ПРО ИДИОТА

Как-то, выйдя за ворота,
Я увидел идиота.
На ворота он задумчиво глядел.
Вид имея симпатичный,
Но, чердак имея личный,
Видно, он от разных мыслей обалдел.

Безо всякого урона
Очень гнусная ворона
Загорала у него на черепке.
Я, завидя ту картину,
Позавидовал кретину,
А ведь был я от него невдалеке!

Ничего не замечая,
Черепком слегка качая,
Идиот от умиления сиял.
А во мне вскипала ярость
И когда бы не усталость,
Я б ему над глазом шишку наваял.

Только подлая ворона
Вдруг без всякого резона
Мне на кумпол совершила перелёт
И своим зверячьим клювом
Прямо в темя долбанула
Так, что я в песок зарылся у ворот.

Хоть кретин мне улыбался
Я, конечно, догадался,
Что играть в такие игры понта нет.
И теперь, имея мнение,
Я без всякого стеснения
Идиотов обхожу за километр.

1 июня 1976. Вежайка

Ещё задач своих не зная,
не рассуждая ни о чём,
закопошилась тварь земная
под мягким солнечным лучом.

Закопошилась, замелькала,
организуя прочный быт.
Ещё горит он вполнакала,
но так приветливо горит!

Маршрут прокладывают новый
через раздавленный сучок
и муравьишко непутёвый,
и чернокожий паучок.

Всё нарастает оживленье.
Тепло бессмертие творит.
И жизни светлое мгновенье
весомо, как метеорит.

4 июня 1976. Вежайка

Вчера я встретил индюка
У старого сарая.
(Поскольку хмурилась река,
Был очень зол вчера я!)
Индюк же был наоборот,
На редкость благодушен
(Хотя не брал ни капли в рот
И клювом бил баклуши!).
И всё же, кандидат наук
Определил бы сразу
И точно – кто из нас индюк,
А кто – создатель сказок.

4 июня 1976. Вежайка

ПОДЛОГ

Среди обычного улова,
Где всюду серебро и чернь,
Попалось мне гнилое слово,
Чью сердцевину выел червь.

Оно когда-то воссияло
Во всей спасительной красе.
А пустота, хоть и зияла,
Но это видели не все.

Оно влекло неотвратимо,
Определяя цвет и вес
Той жизни, что струилась мимо,
Не торопясь попасть под пресс.

Но, верно, дьявольская сила
Была сильна, как никогда.
Под оболочкою красивой
Завёлся червь – герой труда!

И вот от слова, что над ночью
Взметнулось криком петуха,
Осталась только оболочка
И славы жёванной труха.

С печальным, безнадёжным жестом
Отбросил я словцо-подлог.
Я для него и дюйма места
В своей строке найти не смог.

8 июня 1976. Вежайка

ПОСЕЩЕНИЕ АТОМА

Я проскользнул сегодня в атом
И был изрядно изумлён,
Увидя, что привязан к датам,
В нём каждый заспанный нейтрон.
Я в мире атома огромном
Всё на учёт особый брал:
И суетливость электронов,
И тайный умысел ядра.
Среди разумного движенья
Организованных частиц
Наглядны были достижения
Растормошивших атом лиц.
Взяв «Атомный путеводитель»,
Я не спеша пустился в путь.
Искал я тихую обитель,
Чтоб уяснить явлений суть.
Но было холодно и пусто
В двояковыпуклой глуши,
И зарождалось почувство,
Что тут не место для души.

10 июня 1976. Вежайка

КАКАЯ РАЗНИЦА?

Что ни делается, всё – к лучшему.
Обернётся пустота завязью.
Надо только, подходя к случаю,
Развестись навеселе с завистью.
Что ни делается, всё – начерно.
А отбеливать всё нет времени.
Ну, и то, что пустотой трачено,
Не зацепится уже в семени.

А бессмыслица волной ластится,
В кубке пенится крутой брагою,
И какая же волне разница,
Чем я выдумку свою радую?!

11 июня 1976. Вежайка

ВИСЯЧИЕ САДЫ

В садах Семирамиды
янтарна тишина.
Блаженства пирамида
зарёй отражена.
Там носят без опаски
павлины свой наряд,
в котором чудо-краски
причудливо горят.
Как звёзды в хороводе
над струями воды
в сквозной листве восходят
заветные плоды.
Цветистым ароматом,
застывшим на века
пропитан каждый атом
укромного мирка.
Палящие над пылью
приниженных дорог,
сады на лёгких крыльях –
небесных сфер порог.
Мне и отсюда видно,
как в них дробится свет.
И разве не обидно,
что их на месте нет?!

13 июня 1976. Вежайка

СВЯТОБЛУДИЕ

Семь лет Святой баланду ел.
И, наконец, освободился
От всех своих тяжёлых дел,
С которыми уже сроднился.

Его в тоске подружка ждёт,
Красой сияя белокурой,
За что её, конечно, душой
Никто из нас не назовёт.

Сочувствуя красотке той,
Нам огорчаться нет резона.
Но ведь единственный Святой
Навеки покидает зону!

Она и так других черней,
Так что же дальше будет с ней?!

15 июня 1976. Вежайка

БДЕНИЯ

Бобу

День, приправленный ветхими нравами,
что ты ищешь? Тоскуешь о чём?
Отравил меня пряными травами,
излечи отлучённым лучом!

Зацепись облаками за горные
напряжённые шпильки вершин,
слухи едкие, чёрные, вздорные
опровергнуть зарёй поспеши.

Задержись в неразборчивом оттиске,
там, что мы «настоящим» зовём,

чтобы солнца слоистые отблески
приподняли земной окоём.

Сделай прошлое тёмным и пристальным
в сокровенной его глубине.
Я покинут приливом у пристани,
что находится где-то во мне.

День, развёрнутый в зеркале треснутом,
видишь, я отупел от потерь.
Мне бы в завтра податься, да тесно там.
И похож ли октябрь на апрель?

16 июня 1976. Вежайка

Пропади всё пропадом!
Горе – дело праздное.
Равнодушна к ропотам
Химия указная¹.

Химия указная –
штука безобразная!
Ждёшь, мечтаешь разное,
Мука непролазная!

Разлетись всё вдребезги,
Погори всё начисто!
Зашифрован в ребусе
День, что в цифры прячется.

18 июня 1976. Вежайка

¹ Автор ожидал перевода по УДО (условно-досрочное освобождение) на так называемую «химию».

ПУТЬ ИСПРАВЛЕНИЯ

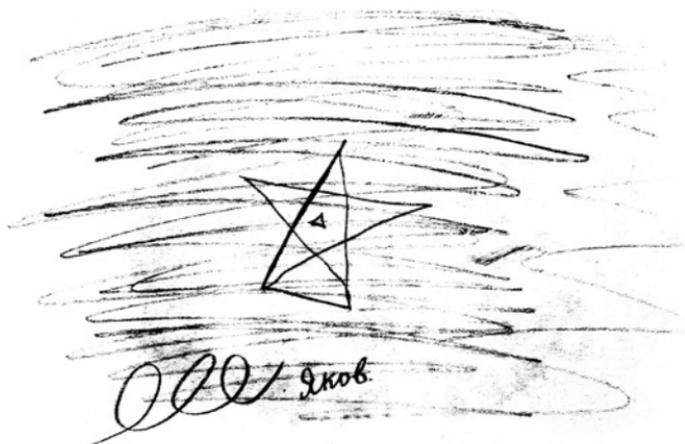
Мне лет растоптанных не жалко,
Итог анализа таков:
В меня впрессована Вежайка
Во искупление грехов.

Своих, чужих – не в этом сила!
Мой светлый мир крушит волна.
Она и кровь мне отравила,
И мысль озлобила сполна.

Кто излечился от иллюзий,
Кто жизнь вприкуску возлюбил,
Тот полежит и в дальней лузе,
Куда злой рок его забил.

Но своего дождавшись часа,
Сумеет, наконец, и он
Дорваться до живого мяса
Во славу всех голодных зон!

26 июня 1976. Вежайка

ХРАМ

Я вижу храм убогий,
На перепутье гроз.
Стоящий при дороге
Над шелестом берёз.

Воздвигли это зданье
Из стали и пыльцы
Потомкам в назиданье
Щедринские глупцы.

Чтоб резать шпилем тучи,
Впрягли всю мощь земли.
Хотели, как получше,
Слепили, как смогли.

И в чём ведь главный срам-то:
Что в холода, что в зной,
Все богомольцы храм тот
Обходят стороной!

Одни лишь лицемеры
Тут обрели приют.
И на доходы с веры
Пируют и поют.

В положенное время
Молитвой кривят рот,
К земле склоняя темя
Во имя тех щедрот.

26 июня 1976. Вежайка

НЕОНУДИЗМ

Н. Н. с горечью посвящаяю

Мир с друзьями, детьми и жёнами
Где-то там, в запредельи дня.
Люди с нервами обнажёнными
Окружили толпой меня.

Их, заклятых тоской и злобою
Хлещет кары корыстной плеть.
Местожительства место лобное...
Блудных будней густая сеть...

Бестолковщина и бессмыслица
Нависают со всех сторон.
Тот, кто в списках зональных числится,
Постоянный несёт урон.

Души их произволом скомканы.
Каждый час им грозит бедой.
Придавила их жизнь обломками,
Обделила живой водой!

Всё я вижу, и взгляд взыскующий
Бумерангом по нервам бьёт.
Но не вынесу их на гульбище,
Не пришёл ещё мой черёд!

Продолжается то, что начато.
Человек ведь Титану брат!
Обнажённые нервы прячет он
В сокровенную боль утрат.

27 июня 1976. Вежайка

СУД ПРАВЫЙ

Отцу и братьям¹

Братья мои, что остались в земле,
С пулею в сердце, с осколками в теле
Вы лишь одни в этой мертвенной мгле
Вправе судить меня в слове и в деле.

Я не пытаюсь уйти от суда.
Что ж, поднимайтесь в молчаньи суровом
И приходите, родные, сюда –
Я оправдаюсь и делом, и словом.

Знаю свою правоту и вину.
Я ль не судил себя честно и строго?!
Выйду, в глаза ваши твёрдо взгляну:
Вот моей жизни крутая дорога!

Вам-то досталась иная судьба.
Всё было просто, надёжно, весомо...
Что ж, разберёмся. Садитесь сюда.
Скиньте шинели и будьте, как дома.

27 июня 1976. Вежайка

КАК ВЕДЁТСЯ

Запечатаю бутылку –
Брошу в море.
Взгляд, улыбку и ухмылку,
Счастье, горе.
И свершенья, и надежды,
И усталость;
Всё, что было в жизни прежде,
Что осталось.

¹ У автора в ВОВ погибли три двоюродных брата.

Запечатаю и брошу,
Как ведётся,
Словно скину зноя ношу
У колодца.
Затеряюсь в бездорожья,
В безразличьи.
Воспарю с душевной дрожью
В пенье птичье.
Я бродить по свету буду
Без балласта.
Запечатано в посуду,
Ну, и – баста!

27 июня 1976. Вежайка

ВЫСОКОГОРЬЕ

Силу гор в упор я чётко вижу.
Как бы вьюги путь ни замели,
Можно к небу стать намного ближе,
Оставаясь пленником земли.
Можно приподняться над путями,
Что сплелись в запутанный клубок;
Можно посмеяться над сетями,
Избежать которых ты не смог.
Постигая цену просветленья,
Одарённый холодом вершин
Ты найдёшь за горизонтом тленья
Никому не нужный «свой аршин».
Ярлыкам смешно на слово верить:
Ложь роится копотью в трубе.
Всё на «свой аршин» отныне мерить
В этой жизни суждено тебе.

Не гляди на низменность – надейся
Ввысь взлететь, туда, где свет звенит.
Вписываясь в контур эдельвейса,
Чья-то жизнь развёрнута в зенит.

28 июня 1976. Вежайка

ВСЁ ВО БЛАГО

Э.

Лето заштриховано дождём.
Солнце обескровлено и смято.
Ничего, родная, подождём,
Сохраняя то, что вечно свято.

Всё во благо можно обратить,
Даже эту гнусную разлуку.
Главное – тепло огородить
И перемолоть в крупчатку муку.

Тяжело. Но лёгкость – пустоцвет.
Лёгкость невесомости бескрыла.
Если ночь темна, светлей рассвет –
Такова всегда контраста сила.

Ничего, пройдем познания путь.
Этих дней неистребимы всходы.
Тот, кто приручил «когда-нибудь»,
Не на ветер бросил злые годы.

29 июня 1976. Вежайка

МНЕ ПОВЕЗЛО

Я писем жду, а надо ждать чудес.
Приобретает время тяжкий вес.
Я между небом и землёй повис
И слово тянет ввысь, а время – вниз.
Но если день по-летнему одет,
Сама тоска меняет вкус и цвет.
И мимолётный отсвет прежних лет
Волнует, как чистейший лунный свет.
Мне повезло. Надеяться и ждать!
Ведь это – голубая благодать!
Терпеть и видеть что-то впереди
И чуда ждать... и прятать свет в груди...
Я горечь этих дней благодарю
За детское доверье к ноябрю¹.

29 июня 1976. Вежайка

МЕЖДУ СТРОК...

Это лето промокло насквозь.
Всё течёт – ничего не меняется.
И течёт не куда полагается,
А с законами логики врозь.
Горизонта колючий моток,
На столбы деловито накрученный,
Этот мир, поневоле изученный
Охраняет от внешних тревог.
Поджидаю июль у окна.
Ожиданье – пустыня безводная!
Правда, радость зато всенародная
Мне сейчас повсеместно видна.

¹ Автор родился в ноябре.

Ну, а так – истощила тоска
И терпение, и нетерпение.
Даже бодрое звонкое пение
Мельтешит комарьём у виска.

Всё течёт, и уносит поток
Драгоценное, неповторимое.
Жизнь, презрительно, жадно любимая,
Равнодушно скользит между строк.

30 июня 1976. Вежайка

СЛОВА

Э.

Забываю порой слова.
Равнодушен порой к молве.
Напряженье гася едва,
Ухожу от людей к траве.

Обращусь, может быть, и я
В этот сочный, волнистый свет.
Из абсурдного бытия
Возрастает зелёный бред.

Я сейчас ухожу в себя.
Я к тебе ухожу сейчас.
И, по-новому жизнь любя,
На букашку гляжу, лучась.

Взбаламучена жизнь до дна.
Перекошены рамки дней.
Там, где времени суть видна,
Непотребство ещё видней.

Ухожу от людей в дрова
С пересортицей в голове.
Забываю слова... Слова?!
Но нужны ли они траве?

Июнь 1976. Вежайка

ЧТО – СОЛОВЬИ!

Я понимаю: можно полюбить
Напев колёс. Но архаичен я.
Мне дрели трель не может заменить
Пронзительной рулады соловья.

Ах, соловьи, любовники луны...
Застрельщики весенней маяты!
Те вечера, что их тоской полны,
В букете жизни – лучшие цветы!

А вой станков и бодрый стон колёс
Не пища для раскрывшейся души.
Что – соловьи! Порой завоет пёс,
И рухнет стена в густой глуши.

1 июля 1976. Вежайка

Протопчу тропинку в синеве
И пойду сиянию навстречу.
Уходя от шума налегке,
Силуэта лета не замечу.

Только створки радужных ворот
За моей спиной легко сомкнутся

И мгновенье развернётся в год,
И века в мгновение свернутся.

Мне с нудьбой земной не по пути.
Толчеи докучлива морока.
...Если хочешь, строки обрати
В листья, пожелтевшие до срока.

2 июля 1976. Вежайка

ОСАДКИ

Опять гроза и в судорогах молний
Кривится небо и огромным громом
К земле прижаты дряхлые строения,
Гнилой заполонённые водой.

Опять земля наказана дождём
И от воды спасенья тщетно ищет,
Как лодка, у которой в дырах днище;
Ну, что ж, мы наводнение переждём.

А хорошо б сейчас ковчег построить,
Проститься с этой изголодью злобной
И броситься на поиски простора
Окутанного сытной новизной!

Фантазии... Брожение словес.
Реальность же погрязла в непогоде.
Досадуя, что солнце здесь не в моде,
Нахохлился вдали продрогший лес.

2 июля 1976. Вежайка

СЛОВО

Живу по распорядку дня
Разумно и сурово.
Но изнутри сверлит меня
Невызревшее слово.

Оно мне спуску не даёт,
Покой взрывая мнимый,
И пламя обращает в лёд,
Искрой неуловимой.

А иногда, наоборот,
Смеюсь над сочной песней
Переплавляет в пламя лёд
С беспечностью чудесной.

Очнётся на снегу цветком...
Вспорхнёт листом кленовым...
И застревает в горле ком
Чреватый новым словом.

3 июля 1976. Вежайка

Ежу (Володе Копалину)

Не дух божественной идейности,
Не догматическая гать –
Возвышенной прямолинейности
Готическая благодать!

Вот стержень мысли католической,
Её разбег, её полёт!
Среди стихии истерической
Собором эта мысль встаёт.

Я вижу силу монолитную
И твёрдость в линиях прямых;
Сквозь нетерпимость многоликую
Легко прослеживаю их.

Не столь уж я привержен атому,
Но, не переступив межу,
Кивая пламени крылатому,
С улыбкой мимо прохожу.

3 июля 1976. Вежайка

КОМЯЦКОЕ ЛЕТО

Шаманят чужие белёдые ночи.
Морочат в упор откровенным обманом,
Внушая южанам: Вежайка – не Сочи,
Что и учтено распорядком и планом.

Увязшее в тучах комяцкое лето
В зените сыром, в комарином разгаре.
Оно набекрень в суматохе надето
На эти леса, утонувшие в хмаре.

Всё скудно вокруг, а вернее – паскудно!
Снаружи тоска, а внутри – и подавно.
Эх, к этой воде да надёжное б судно,
Вот это, действительно, было бы славно!

4 июля 1976. Вежайка

ТАМ

Квартире в Гороховском

Из гама, одури и чада
сквозь вырождающийся лес
ассоциаций анфилада
меня уводит в мир чудес.

Там есть квартира в старом доме,
опущенная в облака,
где, как закладки в пухлом томе,
лежат эпохи и века.

Там на тюльпаны и пионы
глядят безродные цветы¹,
и радость озаряет склоны
непроизвольной суеты.

Там реки отвлечённых споров
текут в далёкие моря,
и в эхо ласковых укоров
печаль бросает якоря.

Всё безвозвратно в мире этом,
возникшем из небытия.
Туда по сказочным приметам
тропу протаптываю я.

5 июля 1976. Вежайка

¹ Акварели художника В. Яковлева

НА ГРАНИЦЕ ХЛЕБА И НЕБА

Верить в исцеление мне ли?
Это слишком было бы странно!
Колокольчики отзвенели,
А колоколам гудеть рано.

Тонут колокольчики в травах,
Смятые грозой и тревогой.
Нет ни виноватых, ни правых
В придорожной жизни убогой.

По ночам сияют призывно
В небе васильки да ромашки.
Красота миров неизбежна,
Непорочна мудрость букашки.

Стебелёк, уткнувшийся в небо,
Тянет за собою земное.
На границе неба и хлеба
Губы изнывают от зноя.

А дорога пылью забита.
(Нет на пыль заметного спроса.)
Времени дырявое сито,
Выплюнь пирамиду Хеопса,

Кинь под ноги блеск златорунный,
Ослепи звездой Вифлеемской!
...За стеной прилив шестиструнный
Лижет берег нежности женской.

8 июля 1976. Вежайка

ГЛЯЖУ НА ЮГ

Одуванчик, ромашка, клевер...
Небо так посинело вдруг!
Я курю папироску «Север»
И протяжно гляжу на юг.

Вижу море в минувшем свете,
Вижу россыпи светлячков,
Вижу тёплых закатов сети
Сквозь туман ледяных очков.

Полосатым комяцким летом
Окружённый со всех сторон,
Я люблюсь далёким светом,
Возведённым на хрупкий трон.

11 июля 1976. Вежайка

НАПУТСТВИЕ

Безмясый суп и каша жирноль...
Вежайский завтрак, перехлёб утрюмый!
Покинувшие скорбную юдоль,
Не приправляйте трапез горькой думой!

Вгрызайтесь в жизнь до хруста в челюстях,
Не выпускайте из когтей добычу!
Вам, побывавшим у врага в гостях,
Знаком звериный яростный обычай.

Залечивайте раны тёмных лет
Бальзамом своеволья и обилья;
Пусть прошлое чудовищною былью
Не застилает всемогущий свет!

20 июля 1976. Вежайка

От выжженных полей, от обмелевших рек
Плывёт мертвящий зной, змеится дымный след.
И трогает с глухой опаской человек
Тяжёлые слова обугленных газет.

Стучится дождь в окно. Гроза ворвалась в лес.
Насквозь промокший день поник под грузом туч.
Но сквозь газетный лист из чуждых, дальних мест
Который день подряд бьёт смертоносный луч.

На западе в огне зелёный мир зачах,
А тут кругом шумит ненужная вода.
И смотрит человек, затерянный в дождях,
На землю, что к нему приблизила беда.

21 июля 1976. Вежайка

ВРЕМЯ

Ходики озвученным секундам
Точный счёт ведут неторопливо,
Цедят время медленно и скудно
В одури прилива и отлива.

Маятник движением челночным
Отмеряет волны ожидания,
Напевая голосом полночным
Тёмные «Вежайские страдания».

Душным сном придавлена беседа.
По застывшим лицам пот струится,
И во тьме теряются бесследно
Прошлого размытые границы.

4 августа 1976. Вежайка

ЛЕСА

На плоскости немого дня,
где вымерзает всё живое,
леса сомкнулись вокруг меня,
как будто мало мне конвоя.

А я ведь с ними никогда
не враждовал и мне навстречу
стволы спешили в те года,
теплу которых не перечу.

Всё тот же я, а вот леса
теперь совсем-совсем иные –
в их мраке тонут голоса
небесные, да и земные.

6 августа 1976. Вежайка

СООТВЕТСТВИЕ

Совсем иссякла солнца сила,
Буянит ветер всё смелей.
Ну, вот и осень осенила
Холодный дом души моей.

Ещё у августа в запасе
Две трети терпкого тепла,
А мрак уже лазурь закрасил,
И крыша жизни протекла.

В прорыве сырость колобродит,
Смыкает непогодь края,
И в соответствие приходит
С температурой бытия.

11 августа 1976. Вежайка

РАННИЙ СВЕТ

Когда всплывает из небытия
Отравленная временем тревога,
Уходит от размытого порога
Беспечность отрешённая моя.

Уходит по обугленным волнам,
По лепесткам, обглоданным до стона,
Уходит в добрый час, во время Оно,
Отыскивая вечности бальзам.

И годы растворяет синева,
Насыщенная явью до предела,
На пахоту земную то и дело
Роняя отражённые слова.

Когда огонь читает по складам
Черновики неизданных желаний,
Я вижу свет, ещё не смятый, ранний,
Летающий по слезящимся следам.

И в океане державной тишины
Струится строгой мудрости прохлада,
И распрямляет жажду анфилада
Задачи, что ещё не решены.

Но в пену взгляда ускользает след,
И на душе меняется погода.
Сомкнувшись, все четыре грани года
В закат переливают ранний свет.

11 августа 1976. Вежайка

ЛЮБИЛИ ПРЕДКИ...

Любила землю Русь ржаная,
И предки ввысь взлетать могли
(Туда, где жизнь совсем иная!),
Не отрываясь от земли.

Они селились на просторах,
Не тронутых резцом сохи,
Где храмы ставили и порох
Надёжный берегли сухим.

Язык природы был созвучен
Их языку во все века.
Он говорил о жизни лучшей,
Лишь в сказке, видимой пока.

Их понимали зверь и птица,
Их сны лелеяли леса.

Любили предки там селиться,
Где вызрели чудеса,
Где в небеса бросала зёрна
Ночь, загустевшая вдали,
Где возникал в тиши озёрной
Иконописный лик зари.

11 августа 1976. Вежайка

КАК НА ЭКРАНЕ

Когда-нибудь, припомнив (по тетради)
Зигзаги этих безразмерных лет,
Я окажусь опять на нижнем складе
И отыщу свой выветренный след;
Увижу там, вдали, как на экране,
Навьюченные лесом поезда,
И загорится на козловом кране
Электросварки ранняя звезда.
Я окунусь в больные ритмы ДОКа¹,
Пройду вдоль строя потных эстакад,
И биржевая вязкая морока
Опять за грош возьмёт меня в заклад.
Но наяву опасность ощущая,
Покину я колючие края,
Где навсегда свободу обещая,
Текла по узким трубам жизнь моя.

26 августа 1976. Вежайка

МОЖНО

Когда б не хворость, да не старость,
Я был бы ясен и речист

¹ ДОК – деревообрабатывающий комбинат.

И на судьбу, что мне досталась,
Не возроптал бы, духом чист.

Зло можно обернуть ко благу
И беды обратить в руду,
Портянки из любого флага
Кроя, идеям на беду.

А можно просто, по рассвету
Шагая лугом росяным,
Призвать кузнечика к ответу
И стрекотать совместно с ним.

27 августа 1976. Вежайка

Не слепилось, не случилось –
Как тут верить в чудеса?!
Вот и осень просочилась
Сквозь унылые леса.

Заварила в небе тучи,
Замесила прах земной.
Обещала – что получше,
Осчастливила – золой.

Я на острове разлуки
Запрессован мразью в грязь.
Злобы лающие звуки
Нарушают с миром связь.

Вот и осень, вот и осень...
Мы зиме поклоны бьём.
Эх, удариться бы оземь,
Обернуться... соловьём!

28 августа 1976. Вежайка

ОБЛОМКИ

Под пятьдесят, потом – под шестьдесят,
(А может раньше ниточка порвётся?!).
На солнечных ветвях плоды висят,
И вытекает щебет из колодца.
Скрипят века под ветром перемен.
А тропы горизонтом перекрыты.
Вот яблоко (шафран или пармен?),
Вот змий, который требует защиты.
Опомнись, оглядись, остерегись;
Отбрось обломки вымерших понятий!
Но что за свет земля бросает ввысь
Из тишины бесчисленных распятий?
Не кровь ли излучает этот свет?
Оставит след он, иль пройдёт бесследно?
Но что тебе тот свет и этот след,
И тень, что до отчаянья бесцветна?!
Вот лики книг сияют из костров
На чистоту, возвышено и скорбно;
Вот диссидент (приятель, будь здоров!),
С пелёнок возлюбивший звуки горна.
Постой, да эти сны забыть пора:
Всё было тенью и пребудет тенью.
– А как же пятен солнечных игра
И вздох органа, и фиалки пенье?
Потом всё это сгинет, но пока...
А нежность встреч на перекрёстке взглядов?
Я глажу кучевые облака,
Как пса, что прикорнул со мною рядом.
Лишь то, что рядом, то, что под рукой
На краткий миг имеет вес и цену.
Пусть беспокойство, пусть глухой покой,
Пусть луч, наискосок пронзивший сцену.
Но тучи наплывают на леса,

Промозглый ветер лампу в небе гасит...
Неплохо было бы за полчаса
Домчаться до столицы на Пегасе!
Ах, осень, осень – мостик в царство вьюг!
Меняют очертанья дни и лица.
И журавли гуськом летят на Юг,
Чтоб никогда домой не возвратиться.

31 августа 1976. Вежайка

ЭЛЛЕ

1

Мы не найдём своих следов
И не отыщем те восходы,
В которых потонули годы –
И, верно, навсегда!
Лишь тёплый пух печальных тополей,
Мне заменяя ладан и елей,
Летит по жизни
И щекочет память...

2

Мы крыльями устало машем.
Вернись, минувшего усталость!
В обмен за всё, что было нашим
И нашим до конца осталось.
И ты явись в любом обличи.
Пока не закатилось лето,
Прочти мне что-нибудь по-птичьи
Из книги солнечного света.
Я встретил радугу сегодня,
Одетую в большую тучу.

И эта радуга, как сводня,
Меня манила к жизни лучшей.
Прельщала, что-то обещала,
Переливалась в смех ребёнка.
Прочти мне нашу жизнь сначала.
По-птичьи. Радостно и звонко!

3. Нарцисс

Тут что ни лепесток, то древний свиток,
А свежесть безнадёжно мимолётна.
Тут красота навек с печалью слита
В сосуде, закупоренном неплотно.
Доверчиво парит в потоке света
Цветок, над миром поднятый, как птица.
Но на какой вопрос он ждёт ответа?
И почему в глаза мои глядится?

4. Август

Ты тоже в этом Августе живёшь?!
Непостижимо! Непереводимо!
Так незаметно в правду вкралась ложь.
И вот лжеправда прошмыгнула мимо.
Ты где-то там. А я... Я где-то здесь?
Мы существуем в странных измерениях.
О, Боже, отблеск жизни даждь нам днесь,
Вознаградив гордыню и смирение!
Почти два года бранный длится сон
И пустота беспрекословно длится.
И эта жизнь со смертью в унисон
Звучит, как оперённая страница.
Ток будущего в прошлое течёт,
В массивах душ прокладывая русло.

Трава от пустоты ведёт отсчёт,
А ты глядишь на этот Август грустно.
Кольшутся вокруг следы цветов,
Приметы слов, прикосновений блики...
И кажется, что хрупкий мир готов
Без объяснений раствориться в крике.
Недовоображённый мир встаёт
Эскизом нашей радости бескровной.
И Август отливает пламя в лёд
И в осень прорастает пышной кроной.

5. Двуединство

Когда бы молнией ты стала,
Я б обратился в гулкий гром.
И ты бы царственно блистала.
А я грозил Земле огнём.
Одно пророческое слово
Твердил бы, горечью томим,
Под рокот вала грозового
Я, ставший голосом твоим.

6

Ещё смола не стала янтарём,
И эта ночь ещё не стала днём,
И одуванчик – лёгких крыльев ком –
Ещё не стал открыто мотыльком.
А между тем, уже чиста река,
Тепло уже проникло в облака,
И лист, ещё отталкивая зной,
Уже сквозной наполнен желтизной,
И низко-низко стелятся века,
Похожие вблизи на облака.

7. Закат

Сияющая киноварь заката
Окрасила соседние леса.
Ещё немного и, былём богата,
Прольётся в небо звёздная роса.

И лунный свет, смягчая очертанья
Усталости, отчаянья, беды,
Как песня, окрылённая гортанью,
Заполнит мир, стирая все следы.

Тут встретятся, там разойдутся тени
В густой и напряжённой тишине.
Шум догорает за чертой сомнений
В холодном очистительном огне.

Июль – август 1976. Вежайка

ТЕПЕРЬ

У отрогов старости я теперь живу.
За хребтом усталости глушит боль молву;
За чертою дикости лют собачий лай.
Радость в душах выкосил выморочный край.
Будущее ёжится, жмётся в уголок,
В сумерках убожества тлеет уголёк.
Годы тлём обглоданы, выжаты сполна.
Грозной силе отданы будут семена.
Только волны ярости зря стучатся в дверь.
У отрогов старости я живу теперь.

2 сентября 1976. Вежайка

ЛЕСНАЯ ПЕСНЯ

О чём леса холодные поют
Под музыку неистовых ветров?
Они поют про лагерный уют,
Про снежный маскировочный покров.

Поют они про дикую тоску
И срок, что растянулся на века.
И жмётся к поседевшему виску
Изрытая морщинами рука.

Заблудится в далёком прошлом взгляд,
И безнадёжность жёстко сдавит грудь,
И годы эти выстроятся в ряд,
Обозначая бесконечный путь.

О чём леса холодные молчат,
С листвой смешавши тёмную хвою?
Они молчат о тысячах волчат,
Волками ставших на беду свою.

Молчат они о мёртвых и живых,
Жестоко перемолотых тайгой,
Что загубив тела и души их,
Следы и тени замела пургой.

Из Коми лес во все концы страны
Везут составы, тяжело дыша.
Домой вернутся люди, как с войны,
А за душой померкшей ни гроша.

4 сентября 1976. Вежайка

КАНТИАНСКОЕ

На гребне облучённых мраком дней
Простор для огнедышащей сатиры.
С Вежайки «вещь для нас» куда видней,
Чем из московский суетной квартиры.
Какое счастье, что меня судьба
Столкнула в это гиблое болото!
Я не оставлю без клейма ни лба,
Как я посмею обойти кого-то?!
Нет, по заслугам каждому воздам
И очерчу внушительно заслуги.
Ни тени, не химеры на Нотр-Дам –
Субнечисть в захолустном пятом круге!
И грешники, и черти хороши!
Когда бы не мундиры да бушлаты,
Не различить. Футляр-то для души –
Пустой! (Душа, душа, куда ушла ты?)
Всех притащу под свет прожекторов!
По одному представлю поимённо.
Что зло, подобно глупости, бездонно,
Узнал я здесь, где снят с него покров.
Прими, Вежайка, мой привет прощальный.
Что мир тебе, и что для мира ты?
Но не напрасно дал я обещанье
Собрать в букет вежайские цветы.

5 сентября 1976. Вежайка

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

Когда я потерял свои следы,
Захлопнулась невидимая дверца,
И кровь металась в лабиринте сердца
Под натиском отравленной среды.

Весь мир мой расклевало вороньё,
Порастащило радость и отраду,
Но получил я новый мир в награду
За перевоплощение моё.
Ещё – судить я право получил,
Карать всей силой зрелого презренья
Людей, порядком обращённых в звенья
Цепи, что стиснув зубы, я влачил.
Но мне ничем не возместить потерь,
И сам я этим временем потерял.
Я в жизнь входил, как в чистый, светлый терем,
Как в тёмный бор вхожу в неё теперь.

8 сентября 1976. Вежайка

СЕНТЯБРЬ

Впадают в осень ручейки тепла.
Торгует ветер легковесным сором.
Собрав комками грузные тела,
Глядят вороны на меня с укором.
А я и тут ни в чём не виноват,
И эти тучи мне совсем чужие.
Я сырости пронзительной не рад,
Которой ветры землю окружили.
Листва и травы впали в желтизну,
И долгий снег уже не за горами.
Всё золото осеннее в казну
Возьмёт зима, придя сюда с дарами.
Дары злой феи, щедрые дары!
Леса пригнутся под морозным грузом,
А в небе будут редкие миры
Легко скользить по сонным душам юзом.

Сентябрь готовит сцену. По утрам
уже искрится изморозь на трапах.
И перед постановкой зимних драм
Зевают Север, чуть привстав на лапах.

11 сентября 1976. Вежайка

МАКЕТ

Мы не спешим, а время нас торопит,
Но с веком нам совсем не по пути.
Он был ещё на ранней зорьке пропит,
Когда считать учился до пяти.
Мы не спешим. Тысячелетий гряда
Притягивает выстрадавший взгляд.
Вот черепки минувшего... Откуда
В них просочился этот сладкий яд?
Как может призрак тёмного былого
Сиянье дня встающего затмить?
Как может краска, мрамор или слово
Тоской по совершенству истомить?
Но неспроста грядущее вещает,
Замешивая речи на крови,
Что Новый мир душе не обещает
Ни веры, ни надежды, ни любви.
На перфокартах колосятся сроки,
А штамп цивилизации давно,
Из жизни свежей выжимая соки,
Швыряет в мир фальшивое руно.
Нам всё равно. Мы знаем веку цену.
Не ослепил нас дерзкий блеск ракет.
Выносит зоркий взгляд на авансцену
Растоптанного прошлого макет.

16 сентября 1976. Вежайка

ПЕСЕНКА ПРО ТО И ПРО ЭТО

Это – видится, а то – снится,
И о чём бы там ни пел стронций,
В клетку можно сунуть жар-птицу,
Но нельзя в неё загнать солнце.
Это – катится, а то – скачет.
Наблюдается провал в числах.
Если некуда идти, значит,
Непутёвый ты во всех смыслах.
Это – светится, а то – гаснет.
Что-то движется, спеша скрыться.
Если душу отравил аспид,
Может стать его рабом рыцарь.
Позавидовал углу катет.
Вьюгой линия судьбы смята.
Но и в мире, где за всё платят,
Это – пропито, а то – свято!

19 сентября 1976. Вежайка

НОВОСТРОЙКА¹

1

Ухрюкав день до ты-оглядь-не-ты,
перегребу ночную светловицу
и хвостовищем сроки дуроты
переметну, а пустошь переспится.

На лежнике распнутство сотворя,
грабастый мир загряз в мордovorоте.
Тряпцо трепало зря дыхло от плоти,
но трудни захребтованы не зря!

¹ Исправленный вариант.

И необлазь наземной пестрины
засеменится червием и тлёю.
А я по-ка-пле-вал-ужопый срою,
хотьми гребки бессытные срамны.

2

Набрюхали похлёбчатый завар,
нюхлом сгребли зарёванную яшень.
Обрёв рогачий одурень зарвал,
в охрюпчатую вытрубив напрасень.

На вытрав росохладень вперескач
Убрыкалась пасучья разноскотось
глазучую овечатую кротось
козлобаранда драчит враскорячь.

Бия пчелом цветенчика услад,
стрекочется деньская горловина,
а где-бысь лозь выбулькивает вина
под черномордой волновы рулад.

3

За люблики червонно не заплач.
Ведь нищетать одухлая глумлица!
Бессилки в вломком ящике означь
И пусточка за душкой загнездится.

Уписывая стихой не про сись,
захерь и благобращные служеты.
Чиликай маочето могилеты
и поспевай разряд куда-то высь.

Мими себе усвойчудную крию
с волчком живча заволчато подвой,
чтоб светлину не вычернил канвой,
и гавк не был, – сподобен буди змию.

4

В углядку хрясть и волокнуть торопъ.
Наказ пятиалтынно допредел.
Оголодеть и знобень дробь о дробь,
чтоб зубощёлк зверее впредел.

Тоскун угрыз и горечно, увы.
А кусоклоп пощадки да и нет.
Где бесодом и бурно то не вы
а минет карка – рылка худоблед.

Химичит судно шустерно метуй.
Наказки сразом кинуту невпуть
и случкиной упрятки колотуй
колючит невезумно так-нибудь.

5. Утрач

Ублюдно, уха по утрянке хряп.
Упешкой выхлеб и засечку жор.
Карманишь сложкой облизуя кляп,
И стройно шлёпах трапать рубежом.

Потомки пятки выводок в развод.
Счи тать свирепку воплит матереть.
С канвой медлинно толпик заворот.
И в поимёнку всячинку призреть.

Рабсильно биржик тех на руку – кусь!
Забудки то горелки да древес.
Как даже я в обратку завернусь,
потараканю завизжай залес.

6

Протараканил день гитары бряк
в подснежьи мысля и ползики уклопно.

Затискан стиль баракко коеккак,
затмило в дым окошку волоокна.

Пяти ох, лет кастратосферный бум,
тваря и всеклезетно восседая,
утюжит бровно выпульки дум-дум,
ан изподгробья гневит грусть святая.

Бри гадин дух утробит за душой.
В обрат ракетки ноне самолётки
чело не битно охмурил старшой.
Джапанцы вымя ралли ущекотки.

О, день раз день свинаруй комбибыт!
Упей себя в упор, но незабудкой
кому настичь, но перекиська рыт?!
А мы то чис то веселя мишуткой.

Июль 1975 – октябрь 1976. Лефортово – Вежайка

I

Опустели глаза, обезлюдели мысли!
Стали столь ненадёжны ступени дорог,
Что порывы приспущенным флагом повисли,
И забыл свою песню охотничий рог.

Рассыпаются в прах отлучённые годы.
Остаются живыми одни лишь слова.
Мир сместился с оси. Жизнь выходит из моды.
Всё мертво. Лишь печаль безусловно жива.

Жизнерадостный смех полновесных кретинов,
Отравляя дыханье цветущего дня,
Рвётся в космос бездумно и неукротимо,
Словно пламя рождённого мраком огня.

20 октября 1976. Вежайка

II. На закате

Как с гуся вода, как с реки облака...
Но я-то не мог напряжением кожи
Отталкивать скрытые в сутках века,
Что, взятые в скобки, на прорубь похожи.
Извилистый голос пустого пути
В трубе телескопа прокладывал русло,
А черви пищали: – сперва заплати! –
И ветер ненастье насвистывал грустно.

Усатый бредмейстер, забытый вдали,
Умело комфорт сочетая с кошмаром,
Выплёвывал в небо огрызки земли,
Что впрочем, проделывал вовсе не даром.

И смерть обрывала легко лепестки
Несбывшихся, опустошённых желаний,
А радиоволны, сжимая виски,
Приплод ограждали от мудрости ранней.

На ось земноводного веретена
Давила бессмертия тёмная сила.
И та, меж земным и небесным стена
К жестокому солнцу сердца возносила.

Замкнул разноцветные створки закат,
В седые глубины жемчужину пряча;
Божественной тьме отдавая в заклад
Всё то, что в копилку собрала удача.

3 ноября 1976. Вежайка

Там, где в сумраке лесов
Нить судьбы терялась,
В мерном тиканьи часов
Время растворялось.

Дым струился к потолку
Устремляясь рьяно.
Птичьей песней на току
Плыл разлив баяна.

Делал этот лёгкий сдвиг
Жизнь почти нормальной,
Словно сгнули на миг
Молот с наковальней.

7 ноября 1976. Вежайка

ЛУНКА

Сок духовности под ноги выльется,
если сердце забилось под лёд.
Современность – моя собутыльница
непотребные песни поёт.

В принадлежде следы наши канули.
Пленный ум безнадежно остёр.
Утаит озаренья зеркальные
созерцательность зорких озёр.

По карнизам из пористой накипи
невзирая на смех и на лай,
проплывают земные лунатики,
неземного хватив через край.

11 декабря 1976. Вежайка

РАЗЛАД

Вмёрз я, тёплый свет любя,
В сумрак приполярный.
Как я чувствую себя?
Перпендикулярно!
Мы дорогу в Рай мостим
Бескорыстной верой,
Чей приход несовместим
С местной атмосферой.
Раз усвоив, что разлад
Новой жизни норма,
Я ищу дорогу в Ад,
Скорбно, но упорно.

12 декабря 1976. Вежайка

Когда в лесу поёт пила
Про богатырские дела,
Любой мороз не страшен
Героям леса нашим.

Когда решают трактора,
Что вывозить хлысты пора,
То остаётся МАЗу
Подставить спину сразу.

Когда сигналият провода:
Скорей, скорей, сюда, сюда! –
Кубы сверяя с весом,
Летят составы с лесом.

24 декабря 1976. Вежайка

НОЧЬ¹

Ночь забивает снегом тупики
И замечает стрелки бесшабашно.
Как в этой мгле пронзительно и страшно.
Как далеки живые огоньки!

Глухая злоба рыщет в полутьме,
В чьих жилах водка, а не кровь струится,
И некогда непуганая птица
Тревожно насторожена во мне.

Причин и следствий разворот стальной
Определил мои координаты.
Убогая надежда, лишь одна ты
Ещё мерцаешь в тучах надо мной.

А ветер мне покоя не даёт,
И в тупиках теряясь и тупея,

¹ Автор по ночам расчищал ж/д пути от снега
в лагере КЛ-400 на Вежайке.

Я бормочу: – Стрелец, Кассиопея...
И нехотя легчает ночи гнёт.

28 декабря 1976. Вежайка

И номер мой, и серия,
А – пустота в горсти!
С веригами неверия
По жизни мне брести.

Не рублищем, а пыльником
Прикроются года.
Паломником – светильником
Не быть мне никогда.

К прозрениям молитвенным
Я путь найти не смог.
Мне колесить по рытвинам
Обрубленных дорог.

Там в безотрадной одури
Поднимут муть со дна
Советчики недобрые –
Полынь да белена.

7 января 1977. Вежайка

Мне старость противопоказана.
Я это знал давным-всегда.
Но трудно воевать с проказою,
Спеша неведомо куда.

Легко растить рассаду юности
В тепличной мягкой тишине,
Где даже отблеск златорунности
Отогревал бы душу мне.

Освобождённый от имущества
И цепких радостей живых,
Я лишь теперь познал могущество
И власть мистическую их.

А время разъедает матрицы
Ветхозаветных поз и фраз,
И недосхваченное ластится,
Чтоб воспарить в последний раз.

Смешав пустяшное и важное,
Я перспективой угнетён.
Вергилий в зданье трёхэтажное
Ведёт меня кружным путём.

10 января 1977. Вежайка

СЛЕД РЫБЫ

В дальней, давней стороне,
где поёт Жар-птица,
в запрокинутой волне
рыбина резвится.
До краёв она полна,
музыкой прилива.
К чешуе её луна
льнёт нетерпеливо.
Мир, укрытый в тайники,
мягкой гладью вышит.
Голубые плавники
тишину колышут.
Вот скользнёт она с листа,
луч прохожий словно
и опять волна пуста
и строка безмолвна.

14 января 1977. Вежайка

ДЕТЕРМИНИЗМ

История, лишь ты одна в ответе
за всё, что происходит на планете.
Россия же ни в чём не виновата,
хоть покраснела первою когда-то.
Ветров скрещенье, встречное движенье...
В дороге неизбежны достиженья!
И с этим лучше сразу примириться.
А будущего чистая страница
не так чиста, как видится порою,
и этого я от себя не скрою.
История... А что это такое?
Быть может, отрицание покоя?
В ней жизнь закрыта словно квас в бидоне,
но линии ясней, чем на ладони.
Остались в прошлом и Гомер и Данте.
Торопятся к потомкам хироманты.
Они, спеша, выверчивают планы,
пока земля зализывает раны,
пока она жуёт горячий пепел,
пока простор за горизонтом светел.
Над истиной архивною потея,
я не виню беднягу Прометея.
Путь человека (роковая тема!)
определён изгнанием из Эдема.
Отсюда бьют истории истоки.
Вот линии. События и сроки
всего лишь суетливые детали
и в те века, когда мы не летали,
укладывался путь к иным планетам,
пускай пунктиром – дело же не в этом!
История событиями богата,
а путь один. К истокам нет возврата!
И даже состояние покоя

обманчиво – ведь вот оно какое!
Броженья. Взрывы. Торжество прогресса,
крутых надежд отравленная месса.
Всё это было в том зерне, что ныне
взмывает всходы в тундре и в пустыне.
Прочерчен путь. Бессильны катастрофы.
Ни заклинанья, ни костры, ни строфы
не могут изогнуть в кольцо дорогу
и обратить клубок дорог в берлогу.
Слепых в туман ведёт святая вера.
Меняет цвет земная атмосфера,
и качество, количеством питаюсь,
испытывает сытую усталость.
Блажен, кто спит в историей в обнимку,
на нас надвинув шапку-невидимку.

18 января 1976. Вежайка

ОЖИДАНИЕ

Э.

И снова ты паришь передо мной
С потерянным в нездешней жизни взглядом,
Сгустившая в себе пустынный зной,
Окутанная призрачным нарядом.

Тебя завлечь пытается волна
В круговорот убийственной мороки.
Густым закатом до ресниц полна,
Ты в книгу мрака вписываешь строки.

Улыбкой изнутри озарена,
Ты движешься навстречу мне неловко,
И нежностью задетая струна,
Коврами устилает путь плутовка.

Но ты, у жизни находясь в плену,
И телом, и душой изнемогая,
Ждёшь каждый миг, что оборвёт струну
Та – близкая. Далёкая. Другая.

27 января 1977. Вежайка

НИТЬ

Глубина – спокойствия залог.
Глаз ласкает волнопись осоки.
Не беда, коль давит потолок;
Было б небо чистым и высоким!

Сон закатным веком озарён.
Но, лелея красоту и кротость,
Солнце с незапамятных времён
Ландышу протягивает лотос.

И на землю катится звезда,
Ставшая связующею нитью
Между оценённым навсегда
И весов избегшим по наитью.

28 января 1977. Вежайка

ИМПРЕССИОНИЗМ

В расплывчатом дыму вчера явился мне,
Пронзая светом кубометры смрада,
Журнальный Ренуар, распятый на стене
Толпой голодных, похотливых взглядов.

Он был для всех вокруг совсем не Ренуар.
Стал гений эротическим домкратом.
Для них, дары несущих славным датам,
Был невидимкой светоносный дар.

Но образ молодой купальщицы проник
В их мир барачный явью лучезарной.
И мир иной, чудесно-ренуарный
Напоминал отравленный родник.

29 января 1977. Вежайка

Жизнь – стихийное бедствие
Несоответствия,
Вернисаж оголённых потерь.
Нет сыновнего чувства
К причине у следствия.
Средний род? Что же делать теперь?!
Если выструтить вымыслы
Сонной артерии
В ледяную, бесплодную даль,
Где, сопя, с номерами
Вальсируют серии
И бессмертьем венчают печаль.
Если выструнить
Непримиримость гортанную
В окрылённые волны огня,
В облака грёзовые,
В бесчувственность странную
Что останется здесь от меня?
Полстолетия... Гаснут во мгле междометия,
По снегам колкий катится гам.
На созвездья развесил
Подгнившие сети я
На потеху весёлым богам.

23 февраля 1977. Микунь

ОСАДОК

Себе и то не угодить.
Осадок лунности на дне.
Ну, как меня переводить
на языки, чужие мне?!
На равнодушные глаза,
на безмятежный стук сердец,
на руки, поднятые «за»
и вялых мыслей холодец!
Застряли бандерильи строк
в душе, опутанной быльём.
О, тишины высокий слог
в немом неистовстве моём!
Уходит боль. Приходит сон.
Смывают мёртвый снег дожди.
А ветер с речкой в унисон
бездумно шепчет: – Подожди! –
Я век мой вброд перехожу
и, продолжая ветхий спор,
меня относит к рубежу
его течения напор.
К тому, что непереходим,
немыслим и непостижим..,
И солнце выглядит над ним
совсем чужим. Совсем чужим.

1 марта 1977. Микунь

РАЗДВОЕНИЕ

Из ветоши вчерашней суеты,
Из образов рассеянного света
Змеится жизнь, где люди и цветы –
Её неоспоримая примета.

А в тайниках космической глуши,
Там, на скрещеньях бреда и расчёта,
Не различимы контуры души,
Не отыскать ни ангела, ни чёрта.

Там, огненную плазму леденя,
Двоится абсолютная идея.
И ночь подходит к колыбели дня,
От беспросветной ясности бледнея.

И ожиданья голубая ткань
Колышется в дали непостижимой,
Где облако похожее на лань
Пленяет память красотой лживой.

7 марта 1977. Микунь

Мы примелькались в мире этом
Векам, идеям, городам.
Отдавши дань его запретам,
Живём, как жизнь диктует нам.

Врастаем в быт нетерпеливый,
Бормочем что-то второпях.
И тьмы приливы и отливы
Внушают нам безумный страх.

Мы приспособились к победам.
Нас не волнует звон речей.
А по снегам за нами следом
Бежит живой воды ручей.

Но не пора ли сбросить маску,
Порвать цепочку тусклых дней
И навсегда вернуться в сказку,
Перечеркнув дорогу к ней.

12 марта 1977. Микунь

Э.

Не надо вспоминать: воспоминанья – ложь.
Не надо вспоминать: воспоминанья – нож,
отточенный живой сегодняшней тоской.
Не надо вспоминать. Не исчезай. Постои.
У прошлого свои законы и пути.
Теперь самих себя нам в прошлом не найти.
Безжизненный цветок, портрет, письмо, тетрадь...
Мы все обречены себя в пути терять.
Закроем эту дверь. Зажжём в ночи свечу,
Я молча заглянуть в глаза твои хочу.
Хочу увидеть в них преображённый свет
и то, что в них живёт, и то, чего в них нет.
Кольшут землю сны, когда линияет ночь.
Нет, прошлогодний снег не сможет нам помочь.
Нельзя вернуться в день, испепелённый в дым,
но не коснётся нас и зависть к молодым.
Взгляни, как высота прозрачна и чиста,
как свежую зарю легко играть с листа.
Её всосут в пыльцу бессмертные цветы.
Я погашу свечу, чтоб озарилась ты.
В глухой вчерашний день закрыта плотно дверь.
Простись навеки с ним. В сегодняшний поверь!
Иная нынче тьма и свет иной. Ну, что ж,
пусть смоеет тишина воспоминаний дрожь.

19 марта 1977. Микунь

ЭЛШУТКА

Я днём и ночью,
без лишних слов,
зря мир воочью
сквозь тени снов,

готов ей-богу,
на зло богам
сложить эклогу
к твоим ногам,
лишиться смеха,
презреть кровать,
свой голос в эхо
замуровать.
Готов терзаться
немой тоской
и в цель вгрызаться,
предав покой.
Готов я к бою
с гурьбой цветов...
Лишь стать тобою
я не готов.

27 марта 1977. Микунь

ТЕПЛИЦА

Плывут по стенам лица,
И прячет свет живой
Душа моя, теплица
В блокаде снеговой.
Нездешний микроклимат,
Нездешний микросвет.
А жизнь неуголима
И свету сносу нет.
Где ветер завывает,
Ища садов следы,
В теплице вызревают
Нездешние плоды.

Бессмыслица продлится.
Я к этому готов.
Душа моя – теплица
Отравленных плодов.

31 марта 1977. Микунь

БЛЁСТКИ

Тоска. Зажаты голоса
В тиски космического бреда.
Прикрыв холодные глаза,
На журавля взирает Леда.

Из отрешённой тишины
Весна выплёскивает тени.
И только шорохи слышны
Ещё невидимых растений.

День сплошь лучами перевит.
И на него, тревог не зная,
Из глубины надежд глядит
Отяжелевшая Даная.

Душа свершает свой полёт,
Пересекая в небе тропы,
Когда художника зовёт
К холсту отчаянье Европы.

Мир отражённый сон двойной,
Мечты и яви перехлёстки...
Сквозь будни тянутся канвой
Фантазии нетленной блёстки.

И пусть заблудшая рука
Отчаянного бедолаги
Наклеивает облака
На липкие листы бумаги.

2 апреля 1977. Микунь

Я ОСТАЮСЬ

Ах, Апполон, ты снова скачешь к ней!
Ну, что тебе любовная клоака?!
Всё это чепуха. Останови коней
У этого подгнившего барака.

Ты, с колесницы соскочив на снег,
Забудь про олимпийские порядки.
Что времени тебе необратимый бег?!
Ты можешь поиграть с богами в прятки.

Присядь за непотребный этот стол.
Не обращай на радио вниманья.
Да не смутит тебя ни пьяный рёв, ни стон.
Нет – то собачья туша, не баранья.

У вас в нектарно-радужном краю,
Бессмертного блаженства переливы,
Улыбки томных муз... А я хоть и пою,
Но злые ветры так нетерпеливы!

Не искушай меня, мой светлый гость.
За твой порыв тебе я благодарен.
Я счастлив, что тебя мне встретить довелось,
Что этот миг мне вечностью подарен.

Я остаюсь. А ты скачи. Скачи!
Тебя ведь ждут и Дельфы и Афины,
Я сохраню горячие лучи,
Упавшие на снежную равнину.

3 апреля 1977. Микунь

ПРУЖИНА

Из глубины пылающей пустыни
Я вышел в свой тысячетный путь,
Чтобы дойти путями непростыми
До млечной мерзлоты когда-нибудь.

Я шёл, согнувшись под опасной ношей,
Слагал стихи, молился, уповал
И вести ждал, той, сказочно хорошей,
Что горе убивает наповал.

Я жил в Толедо, Дакке, Амстердаме,
Жил как улитка на песчаном дне.
А память о покаранном Адаме
Жила цветком трепещущим во мне.

Милее роз всегда мне были маки.
Я нарушал запреты всё смелей,
Чертя кабалистические знаки
В тетради ученической своей.

Увяли споры и остыли даты,
Но люди, тяготясь чужой виной,
Читают философские трактаты,
В иные дни написанные мной.

Я был врагом покорного покоя
И, справедливость рано возлюбя,
Взрывая мрак, творил порой такое
Чего и сам не ждал я от себя.

И всё никак не мог пробиться к свету.
Веков ступени вверх и вниз вели.
А звёзды трезво складывались в смету
И рассыпаясь, таяли вдали.

В купели катастроф и революций
Линял планеты солнечный наряд.
Однажды слёзы светлые прольются
В последний раз и души воспарят.

Всё это будет за моим пределом,
Но знать и видеть – мой страстной удел.
Недаром ночь ко мне являлась в белом
И в чёрный день я пристально глядел.

Факиры, повелители и маги,
Неутомимой жаждою горя,
Передо мной развешивали флаги
И каждый был обманчив, как заря.

Вздремнуть бы сладко в одури режимной,
Остановиться бездны на краю...
Но прошлый путь закрученной пружиной
Впрессован беспокойством в грудь мою.

28 апреля 1977. Микунь

СВЕТ ПРОШЛОГО

*Мехматовцам Е. Сабурову, Л. Иоффе,
В. Фульмахту, В. Шлёнову, В. Шахновскому*

Всё это было, словно бы, вчера.
Ватаги, безвозвратная эпоха...
Те шумные хмельные вечера,
Где чувствовал и я себя неплохо.

Дом превращался в храм, кабак и клуб.
Порывам и речам там было тесно.
Там строгий мэтр, застольный деволуб
Являл еврипидовость повсеместно.

Лениво Лёня фразы обрубал
И Витя воспарял витиевато,
И застывал тоски девятый вал
Над головой лохматого Сократа.

Да, по субботам тот семейный дом
Дрожал от смеха и гудел, как улей.
А после мёд его покрылся льдом.
Увял цветок, взлелеянный Вовулей!

И центрифуга жизни озорной
Гостей его по свету раскидала.
Свет прошлого, ты тянешься за мной
Улыбкой окрылённого Дедала.

30 мая 1977. Микунь

ПОСЛЕ ВСТРЕЧИ

Э.

Под многотонный стон колёс
Бесповоротность уплотнялась.
Ты в одиночестве осталась,
Не знаящем текущих слёз.

А я, отторгнутый от глаз,
Приподнятых над горизонтом,
Очнулся в мареве резонном,
Разлукой сотканном для нас.

Влачил меня мой срочный рок
В мирок, неистово постылый,
Где мне на плоскости пустынной
Терновник заготовлен впрок.

Но, двуединая со мной,
Ты проявлялась, исчезала;

минуя стадию вокзала,
Перемещалась стороной.

И, миазматик ветхих лет,
Век бельма топкие тарасил
На мощи радуг настоящих
И грозовой Зари скелет.

26 июня 1977. Микунь

ОТКУДА ЧТО БЕРЁТСЯ

Расслаивая время,
беснуется пространство.
Покой душевно вреден
росткам непостоянства.

Покой не правомочен
указывать пределы
да и пространство очень
заметно поредело.

Имеющее свойство
тревожно выть за дверью,
коварно беспокойство
втирается в доверье.

Туманности и пятна
лежат на дне колодца.
И просто не понятно
откуда что берётся!

Сплочённого блаженства
размыты очертанья,
и мимолётность жеста
вторгается в преданье.

Движения цикличность
до ужаса забавна.
Над коллективом личность
парит легко и плавно.

29 июня 1977. Микунь

Перебирая падежи
Скота и рыбного обилия,
Наносит память рубежи
На храм Блаженного Василия.

И до того бессмертен дух
Настырности и тупорылости,
Что каждый трезвый стоит двух,
Особенно, когда в немилости.

А жизнь чудесна между тем,
И сила творчества неистова.
Сегодня лучшая из тем –
Непостижимость неба чистого.

30 июня 1977. Микунь

РАДОСТЬ

И ты, стерлядка молодая,
Меня склонила ко греху –
Попала ты в мою уху,
Хоть я твой статус твёрдо знаю.

По убеждениям рыбак,
Я дорожу своей добычей.
И чёрт возьми, не мой обычай –
Бросать трофеи просто так!

Тем паче, что не для меня
Тебя лелеют повсеместно,
Что мне доподлинно известно,
Обидой душу леденя.

Увы, последних тридцать лет
Я не встречал тебя и даже
Ни в общепите, ни в продаже
Не различал твоих примет.

Алхимики больших Идей
Без всякой философской гнили
Тебя в валюту превратили
На благо всех простых людей.

Ты стала рыбкой золотой,
Подобно осетру и ...крабу,
Иль сёмге. Ты исчезла, дабы
Наш добрый не смущать покой.

И я с крючка тебя снимая,
Был рад, конечно же вдвойне.
Та радость и сейчас при мне.
Прости, стерлядка молодая.

5 июля 1977. Микунь

Был будний день. Обычный. Тленный.
Но в час, когда трава звенит,
След самолёта белопенный
Мой взгляд – на жизнь – увёл в зенит.

Увёл и затерял в просторах,
Не повторимых наизусть,
Меж облаков сквозных, которых
Едва коснулась чья-то грусть.

На добрый миг я связь утратил
С моей законною судьбой,
Пока не провалился в кратер
Мираж небесно-голубой.

6 июля 1977. Микунь

А мы росли на буйном пустыре
Среди полыни и чертополоха,
Где каждой приглянувшейся заре
Несла дары данайские эпоха,

Где пауки на солнечных лучах
Плели самозабвенно паутину,
Где были песни широки в плечах,
Но впору ясноликому кретину.

От чада ослепительных начал
Природа планомерно вымирала
И мир катастрофически мельчал.
А мы росли...

16 июля 1977. Микунь

ГНОСЕОЛОГИЯ

В наше время без теории – ни шагу.
Озаренья выползают на бумагу.
Там догадка подпирается расчётом.
Тут идею конвоируют с почётом.
Сутенёру и подвижнику лабаза –
Всем нужна теоретическая база.
Звездочёты и алхимики трактаты
Выпускают, словно полуфабрикаты.
Заполняя суемыслия гаремы,
Аксиомами назвались теоремы.

Но поскольку всё темней на Солнце пятна, –
Относительность теории понятна.
Увлечённый, скажем, истиной условной,
Человек своей занялся родословной.
И находка все прогнозы превосходит:
Человек от обезьяны происходит!
Лобызая дорогого суперпредка
Он скорбит, что с ним встречался прежде редко.
Почитаешь про устройство и повадки,
И покажется, что с этим предком всё в порядке.
Только истинна в целом теория другая:
Человек произошёл – от попугая.

17 июля 1977. Микунь

ЧАЙКИ НАД ВЫЧЕГДОЙ

Утро над Вычегдой чайками вышито.
С криками птицы над солнцем проносятся.
В криках любовь ненасытная слышится
К щедрой реке, что красавицам по сердцу.

Небо на елях высоких покоится.
Лесом проточная даль оторочена.
И не видна горизонта околица,
Только темнеет речная обочина.

Чайки вонзаются в гладь обнажённую,
Падают с неба на воду прибрежную.
Птичьи тела – словно сталь напряжённая.
Им не знакомы удары небрежные.

Ночка рыбацкая выпита Вычегдой.
Утро воскресное свежестью полнится.
Может, когда-нибудь профилем вычурным
Дым непоседливый чайкам припомнится.

18 июля 1977. Микунь

ПЕСЕНКА ТИЛЯ УЛЕНШПИГЕЛЯ

Дух Фландрии вовек
В сердцах неистребим!
Счастливый человек,
Я неразлучен с ним.

Я растворюсь во тьме,
Везде друзей найду.
Они помогут мне,
Коль попаду в беду.

Пусть долог путь, зато
Кругла земля, дружок.
Иди за теми, кто
Огонь борьбы зажёт

В краю, где лют костёр,
Свобода дорога.
И если враг хитёр –
Перехитри врага!

На тучные луга
Напала саранча.
Ищи, дружок, врага,
Рази его сплеча!

20 июля 1977. Микунь

Исподволь, укромно, неторопко
Время навсегда своё берёт
И бесследно зарастает тропка,
Что светло вела тебя – вперед.

И ложатся тени на морщины,
И уходят в прошлое друзья,
И почти стерильные причины
Охраняют всё, чего нельзя.

Дни, недели, месяцы и годы
Гримируют нас исподтишка
Для ролей, не вышедших из моды,
Вечных до последнего шажка.

Времени упругость грозовая
Скрыта беспредельностью во всём.
Ну, а тропку, ту, что зарастает,
Мы потом в самих себе несём.

26 июля 1977. Микунь

ЛИНИЯ

Жизнь – явление длинное.
Дивен этот свет.
Ломаная линия –
Символ дымных лет.

Всюду человечество,
Истины любя,
Обречённо мечется
В поисках себя.

А находит липкие
Знаки и следы.
Ломаная линия –
Линия судьбы.

26 июля 1977. Микунь

СЛОВА

Люблю слова и верю в их величье:
Условности отбрасывая вспять,
Я впитываю, словно пенье птичье,
Прилив словесный снова и опять.

Сопоставляю звуковые пятна,
Сдвигаю плавно смысловой узор
И возвращаюсь по слогам обратно,
Потешив слух, насытив мысль и взор.

Люблю слова, эффект их столкновений,
Внезапный блеск их граней потайных.
Недаром круглый год поток весенний
Бурлит в словах, высвечивая их.

28 июля 1977. Микунь

НА ГРАНИ НЕВОЗМОЖНОСТИ

Г. Иванову

Перечитать бы заново
Георгия Иванова!
Да стоит он недёшево,
И где теперь найдёшь его?!

Ах, жизнь! Печаль с усмешкою,
Судьба с орлом и решкою.
Дым – всё, что сердцу дорого,
И солнце в лапах врага...

Когда-то, склонный к оргиям,
Он Жоржем, не Георгием,
Стихи писал премодные,
Изыскано холодные.

Когда-то ради шалости,
Он жалил всех без жалости,
Среду тревожа близкую
Иронией снобистскою.

Все скрылось в безвозвратности:
И жизни той превратности,
И сплин от пресыщения
Плодами просвещения.

Мир Петербургской сложности
На грани невозможности,
Где споры беспощадные
Пары сгущали чадные.

И вот (сперва-то куца!)
Явилась Революция,
Святая, долгожданная,
Во искупленье данная.

А мотыльки Российские?
А их луга росистые?
Дух богоносца пьяного
Разрушил мир Иванова.

Стихи... Утрат – оскомина.
Пружина жизни сломлена,
Починена, улучшена,
В наследство мной получена.

Но это чушь безбожная.
Собрат Георгий, можно я
Стихи с тоской по светлому
Прочту тебе – предсмертному?

30 июля 1977. Микунь

АВГУСТЕЙШЕЕ

Неба и леса благодать,
Солнечное половодье...
Царственный месяц – Август
Лету итоги подводит.

Духом грибным пронизан,
Полон малиновым звоном,
Август, колдун – провизор
Бродит под небом бессонным;

Перебирая травы,
Цедит целебные соки...
Соусы и приправы
Им добавляются в строки.

Пенится жизнь в бокале,
Поднятом к сочному свету.
Брызги её упали
Даже в неизвестную Лету.

1 августа 1977. Микунь

КОНЧИЛИСЬ БЕЛЫЕ НОЧИ

Вот и кончились белые ночи.
Укатить бы куда-нибудь в Сочи,
Молодеть, облучаться на пляже
И готовить стихи к распродаже.

Жизнь устроена в целом, не сложно,
И богатство отнять невозможно
У того, кто и слёзы и стразы
Честно переплавляет в алмазы

И умеет извлечь в одночасье
Из грозы эманацию счастья.
Время? Время пока ещё властно
Убеждать, что движенье напрасно,

Что оно лишь орудие мрака,
Без которого тошно, однако.
Всё чудесно, коль жить интересно.
Меланхолии блажь неуместна,

Если держишь в руках мирозданье –
Компенсацией за прозябанье.
Те длиннее пути, те короче...
Вот и кончились белые ночи.

2 августа 1977. Микунь

Всех чудес хмельных слияние,
Входит исподволь в меня.
Эфемерное сияние
Расцветающего дня.

Словно в дом полуразрушенный
Безответственной войной,
Словно в сон, что стал отдушиной
В царстве, скованном со мной.

Вот и планы высветляются,
Сумрак плавится в огне...
Самородно проявляется
Что-то ясное во мне.

5 августа 1977. Микунь

ГОЛОСА

1

Фимиама и ладана
Жалок шумный набег.
Только то, что угадано
Остаётся навек,

Только то, что обещано
Телу вещей душой,
Только то, что завещано
Слишком жаждой большой.

Над земной паутиною
Реет в бликах примет
Нечто. Неощутимое,
Но несущее свет.

2

Мир не базис, но база.
Окрылённость напрасна.
Метастазы экстаза –
Это очень опасно!

Тает облако пуха,
Рвётся клочьями вата,
Экзальтация духа
Катастрофой чревата.

Потребляют на Марсе
Кока-колу и пепси.
Отрицает катарсис
Многоопытный скепсис.

Нет у жизни ни цели,
Ни иных измерений.

Грёзы только качели
С колыбельной свирелью,

Тень с улыбкой неловкой,
С невесомостью жеста...
Ужасают обмолвкой
Ипостаси блаженства.

Лунатический танец
На карнизе надежды...
Сны-то снами остались,
Да иные, чем прежде.

6–7 августа 1977. Микунь

АВГУСТЕЙШИЙ ТРИЛИСТНИК

1

И под солнцем, яростно палящим,
И под ветром, воющим тревожно,
Можно жить в разлуке с настоящим,
С прошлым жить в разлуке невозможно!

2

На днях я повстречал себя,
Но не узнал и отвернулся.
И некто в белом усмехнулся,
Сознание нервно теребя.

3

Что такое – конец пути?
У путей нет концов и начал.
Это просто. Но ты прости,
Что я столько веков молчал.

9 августа 1977. Микунь

КОГДА Б НЕ ЗНАЛ

Я отражал и волны света,
И волны неоглядной тьмы.
Оберегало сердце это
От всех превратностей тюрьмы.

Но капилляры тонкой кожи
Ничем надёжно не прикрыть.
Я волны отражал и всё же
Смирить не мог приливов прыть.

Сожгла б меня судьба-каналья,
Сгущая¹ небо надо мной,
Когда б не знал я досконально,
Что не бывает жизнь иной.

17 августа 1977. Микунь

ТВОРЧЕСТВО

Был трудный поиск всё упорней,
Питалась нервами усталость.
Переплетались мыслей корни
И кроны слов соприкасались.

Формировались параллели,
Впадали в строки сочлененья –
Плоды тех созерцаний зрели,
В которых плаваются мгновенья.

Неуловимое мерцало
Во тьме магическим кристаллом,

¹ Вариант: снижая.

Как драгоценное зеркало,
Забытое в мозгу усталом.

Струился арфы родниковой
Напев... И, глядя вдаль открыто
Из тёплой пены песни новой
Осуществлялась Афродита.

30 августа 1977. Микунь

ПРОЩАНИЕ С АВГУСТОМ

Предвосхищая восхищённый взор,
Горят рябины солнечные грозди.
Сквозь красоту, нависшую в упор,
Сочится сочный августовский воздух.

А под ногой медвежий свежий след –
Когтистой лапы жёсткий отпечаток.
На эту лапу, весь обшаря свет,
В универсале не найдёшь перчаток.

Свист рябчика пронизывает лес
И ясный луч, смягчив морщины просек,
Приобретает и объём и вес,
И всё даёт и ничего не просит.

Густым теплом листва обагрена.
По охре пурпур и кармин разбросан.
Уже идёт по лесу борона,
С которой всюду неразлучна осень.

22 сентября 1977. Микунь

Э.

В наш век подешевели чудеса.
Людей переживают голоса.
Тела и души слишком хрупки тут,
Лишь голоса бессмертье обретут.

Но мы с тобой пока ещё живём
На пустыре, расчищенном огнём.
И голоса пока ещё при нас
(а может, это мы при них, как раз?!).

Не стоит безответственно гадать.
Жить на земле... Какая благодать!
Забудь, что ты нездешняя звезда.
Приснись мне этой ночью. Навсегда.

27 сентября 1977. Микунь

Э.

...А где-то там, за тридцать снегов,
Ты гасишь свет, скользишь под одеяло,
И одарив обиженных богов,
Вздыхаешь примирённо и устало.
И воспаряешь в мир антиземной
(Не в нём ли всё волнующее скрыто?),
Процеженный сквозь жажды вечный зной
И сквозь метафизическое сито.
То чистота блаженной пустоты,
Любви газообразной, бестелесной;
То простота надменной чистоты,
Враждующей с телесностью окрестной.
Ты слышишь голоса Учителей,
Сверяющих с твоим своё дыханье,
И строчкой герметической моей
В дом проникает вирус ожидания.

А я гляжу, прикрыв глаза мечтой,
В дремотный сумрак твоего покоя
Из глубины тоски своей чудной
И думаю: Бывает же такое!

30 сентября 1977. Микунь

ВЕРА

В тиски зажатым будучи,
Поди, поверь хорошему!
При страхе перед будущим
Густеет нежность к прошлому.

Но и в болотной одури
Жизнь и кипит и пенится,
И намекает одами,
Что к лучшему изменится.

Так пусть решит всё сущее,
(Включая и возможное!)
Враждебно ли грядущее
Тому, кто верит в прошлое.

30 сентября 1977. Микунь

НИЧТО

Ах, миражи у кромки дня!
Лишь это подлинно и вечно?!
Всю жизнь морочило меня
НИЧТО, похожее на НЕЧТО.

Оно заимствовало цвет
У колокольчика, у мака

И предлагало едкий свет,
Накопленный в гнездовьях мрака.

Я огораживал свой мир
Чертой магического круга,
Спешил на диспут и на пир,
Ступая чётко и упруго.

Я увлечённо собирал
Сомнительные раритеты
И самого себя играл,
Чуть передёргивая где-то!

А что-то ждёт меня теперь,
Преображённого участием,
Обогащённого – не счастьем,
Но невесомостью потерь?

1 октября 1977. Микунь

Э.

Да, море наглядно, не то, что река.
Однажды увидев, забыл ты едва ли,
Как волны о скалы чесали бока
И снова в безбрежную даль убежали.

Ты с морем остался один на один,
И вот, моделируя сдвиг настроенья,
Оно до неведомых прежде глубин
В тебя проникает сквозь все наслоенья.

Сжимается пена обид и тревог,
Вершины, почти недоступные – рядом!
Глядишь ты на вечный простор без дорог
Распахнутым солнечным пушкинским взглядом.

3 октября 1977. Микунь

Усилим воли,
Усилим боли,
Ума набираюсь
в прижизненной школе.

Ума набираюсь,
Пробиться стараюсь
В просвет, и при этом,
На взгляд опираюсь.

На взгляд, не подвластный
Погоде ненастной,
На взгляд закалённый
Решимостью властной.

Сквозь речи, сквозь лица
Проходит граница...
Усилим слова –
Пробиться. Пробиться!

5 октября 1977. Микунь

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Э.

Когда ты плывёшь
в океане огня,
Нет ни горизонта,
ни неба, ни дня.
Повсюду лишь пламя бушует
и в нем
Ты дышишь
свободным, бессмертным огнём

И видишь
 безбрежности огненный лик,
И слышишь
 ликующий пламенный крик,
И в бездну
 влечёшь за собою меня,
Чтоб вместе
 вернуться в стихию огня.

5 октября 1977. Микунь

ПОКА

Мне выдан был рецепт
Застенчивым врачом –
Таблетка тишины,
Два порошка покоя,
Микстура, чтоб легко
Не думать ни о чём
И прах земной почти
Небесного покроя.
– Всё это принимать
Извольте перед сном –
Сказал мне тихо врач,
Вздыхнувши (за стеною).
Он бескорыстен был,
Как добродушный гном,
Что сказку покидал
И приходил за мною.
Он сделал всё, что мог, –
Помог на деле мне:
В целительную тьму
Он жизнь мою направил.

Теперь я налегке
Блаженствую во сне,
А большего пока
Я требовать не в праве.

12 октября 1977. Микунь

НЕЗРИМО

Э.

Ты в храме Весты,
я в шальном трактире.
Ночь между нами –
струнами на лире,
поющими и нежно,
и тревожно
о том, что совместимость
невозможна.
И лишь дыханье наше
двуедино,
да времени
дрейфующая льдина
Незримо
расстоянье сокращает
И ожидания наши
совмещает.
Пусть
обольстило душу неземное –
ты будешь над землёй
парить со мною,
с волны морской
на землю опускаться,
взлетать, скользить,
крылом небес касаться.

И ты поймёшь,
к чему стремится птица,
что не спешит
во мраке раствориться.
В трактире – келья,
полустанок – в храме...
А жизни луч –
свидетельство о Бrame?

14 октября 1977. Микунь

ОТВЕТ

Э.

Я спрашиваю у тебя,
А жду ответа от пламени;
Ты спрашиваешь у меня,
А ждёшь ответа от облака.
Но мы при этом
Не знаем самого главного:
Нужно ли вообще спрашивать,
И если нужно,
То для чего и кому
Это нужно?
Волна ничего не спрашивает
У солнца,
И солнце ни о чём не спрашивает
У волны.
А если бы
Они стали задавать вопросы
друг другу,
Или ветру,
или вершинам гор,
Они бы перестали быть

Самими собой.
И это единственный ответ,
Который они получили бы
На все свои вопросы.

22 октября 1977. Микунь

ПАНТЕРОИД

Шкуру пантеры,
сотканную из самого прочного
ночного мрака,
глядят солнечные лучи,
стосковавшиеся по тьме.
И пантера жмурится,
слизывая с губ
тёплые брызги
солнечного света.
Она не очень-то любит свет,
но тепло
доставляет ей глубокую радость.
Она нюхает это тепло,
замешанное
на ароматах родной прерии,
убаюканной сейчас
обманчивым покоем.
Когда же пантера
широко распахивает глаза,
В них двоится Вселенная,
не знающая счёта времени,
не ведающая разницы
между ночью и днём.
Скоро на прерию
упадёт паутина сумерек,

и пантера пойдёт по следу
отяжелевшего буйвола,
а по её следу уже спешит человек,
по следу которого идёт смерть.

23 октября 1977. Микунь

СЮРСОЛИПСИЗМ

Аркадию Гаврилову

Прохожих мгновений
Порою касаясь рукой,
Я шёл по тропинке,
Усыпанной звёздной трухой.

Всё было привычным,
Воссозданным раз навсегда.
Пернатые трели
Ко мне залетали сюда.

Стволы танцевали
Какой-то мистический шейк.
Летучие кошки
Ловили летучих мышей.

Я шёл по тропинке,
Что мир огибала кольцом,
Без видимой цели,
Но с ясным и цельным лицом.

24 октября 1977. Микунь

БЕЗВОЗМЕЗДНОЕ

Обмолвка опрометчивой судьбы,
Обширное моё уединенье,
Размазавшее каждое мгновенье
По кольям задушевной городьбы.

Зачем ты остудило жизнь мою,
Углы воспоминаний обострило?
О том, что безвозвратное бескрыло,
Надёжно и в родном я знал краю.

Инверсия двойного бытия,
Уж так ли ты была необходима?
Эринии могли промчатся мимо
(и не был бы на них в обиде я).

Три года. Три обрыва. Три тропы...
Расплавлена дотла земля повторно.
И пламя застревает в горле горна
Обманной манной, золотом крупы.

5 ноября 1977. Микунь

ФОРМАЛИН

Усвоят все когда-нибудь:
Не в содержаньи формы суть.
У формы свой объём и вес,
В ней свой резонный интерес.

И можно обнаружить вдруг,
Примеров множество вокруг

Мыльнопузырчатости форм
И пустотелости реформ.

Хоть замечали мы не раз,
Что форма формирует нас,
Но даже в мире дивных дел
Есть говорят всему предел.

Вы были бы поражены,
Узнав, к примеру, от жены,
Что отношения свои
Спешат оформить соловьи.

Власть любит упиваться властью,
А ей, однако, (вот напасть!)
Приходится из года в год
Формальный осуждать подход!

Постигнут все когда-нибудь:
Извечно бесконечен Путь.
Лишь находясь внутри Нуля,
Кругла становится земля.

13 ноября 1977. Микунь

О!

В зарамьи выцветшей картины,
Обогащая ультразвук,
На арфе старой паутины
Играл тоскующий паук.

Он призывал неистоцимо
Любовь под сень тончайших струн,

Скорбя, что пролетают мимо
Десятки солнц и сотни лун.

Ползла слеза по ножке стула,
И небыль паялилась на быль.
И к паутине липкой льнула
Одна лишь тягостная пыль.

26 декабря 1977. Микунь

В ТОМ КРАЮ...

Э.

На два первых не похож был третий¹,
Но и он рубцы оставил слева.
Обрубая корни междометий
Расчищаю память для посева.

Под неповоротливой листвою
Солнце направляется к закату.
В том краю, где нас от века двое,
Тишина похожа на цитату.

Вечное в легенде и в поэме
Раздувает угольки возмездья.
В том краю, где выключено время,
мы с тобой незримое созвездье.

Декабрь 1977. Микунь

¹ Третий год заключения автор провёл в г. Микунь на «химии» по УДО (условно-досрочному освобождению).

Сентябрь 1978 – 2000

Александр Флешин. 1970. *Фотография Ю. Володина*

Живому особая сила дана,
Истоки той силы от века темны.
Но сердце и солнце созвучны до дна.
Лучи их сиянья навек сплетены.

Земного с небесным горячая связь,
Порыв, притяженье, надежд череда...
Лучами державными втоптанно в грязь
Бывало ли сердце людское когда?

Повсюду сердца устремляются ввысь
Навстречу светилу, творящему свет,
И тем, что однажды в простор поднялись,
Обратно пути безопасного нет.

20 сентября 1978. Москва

ПЕСНЯ АЛКОГОЛИКА

Я не мот и не жмот – тихий алкоголик,
У меня и душа заспиртована.
Встретив трезвенника, я смеюсь до колик.
В мире нет никого ласковой вина.

Сквозь бутылку гляжу на пейзаж природы
И над жизнью моей радуга поёт.
Ох, погрязли в дерьме трезвые народы,
Пребывает во тьме каждый, кто не пьёт.

По канату ходить – не моя стихия,
Я на травке люблю поскучать в тени.
Все клянут по углам времена лихие,
А они хороши, как их ни кляни.

Я Алжирское пью, что мускат столетний,
Впрочем, для знатока важно не клеймо.

Всё, что градус несёт, презирает сплетни,
И вино за себя постоит само.

Вытрезвитель продукт низменной культуры,
Разве этакий храм Бахусу под стать?
Чтобы звуки извлечь из клавиатуры,
Надо враз из горла – человеком стать.

3 января 1979. Москва

ПАНТОМИМА

Вокруг меня творится что-то,
Чему не подберёшь названья.
То память голосом фагота
Живописует мирозданье,

То стены родниковым светом
Непроизвольно озарятся.
И вещи сгрудятся при этом,
Спеша в грядущем затеряться.

Картина, словно лист опросный,
Сомнений впитывает запах.
Не зря диван ампироносный
Вошёл в мой мир на львиных лапах!

Под хрупкой радугой покоя,
Недостоверного, как знамя,
Тут затевается такое,
Чего и облако не знает.

Чем занята моя обитель,
Таясь под взглядами моими?
Актёр я или вечный зритель
В незримой этой пантомиме?

19 января 1979. Москва

ВСЮ ЖИЗНЬ

Так много видеть и так мало знать.
Всю жизнь решать смердящие задачи.
Терять обличье, обличая знать.
С убогим пылом о Христе судачить...

Недостоверность собственной судьбы
На миражи искусственные множа,
О пух иллюзий разбивая лбы,
Терять и находить – одно и то же...

Начать с начала... Рахитичный бред!
Нет, начинать приходится с обрыва,
Чтоб снова побеждать себе во вред,
И расточать простор нетерпеливо.

22 января 1979. Москва

Сегодня Музу лишь в музее
Увидеть можно. А когда-то,
С высот на род людской глаза,
Была она вполне крылата.

Подобно шустрому Амуру,
Она, прикрыв экстазом жало,
Того, кто подвернулся сдуру,
Стрелой незримой поражала.

Ах, было бы и мне прелестно
В эпоху самовыраженья
Назвать её своей невестой
В порядке головокруженья.

Но близорукая наука
Чудесный мир к рукам прибрала.
И спит Амур, лишённый лука,
А Муза пишет мемуары.

17 февраля 1979. Москва

ЛЮБОВЬ ЗЛА

Когда страна охвачена движеньем
К вершинам обязательных идей,
Мешает всенародным достижениям
Проворство беспорядочных людей.

Они в безумье вносят беспокойство,
Поскольку всюду видят корень зла.
И это потрясающее свойство
Не позволяет полюбить козла.

Не принимает благости гипноза,
И отражает культавторитет
В живую ткань проникшая заноза,
Которой оправданья в жизни нет.

3 марта 1979. Москва

В какой-то миг на долгий срок,
Спроста, а может неспроста,
Повис я в жизни между строк,
Застрял в ячейке решета.

Утратил видимую цель,
Тень будущего стёр с доски
И цельности бесценной цепь
Распалась тотчас на куски.

Стал расколдованный простор
Явленьем, сферой и средой,
Хоть простоту свою простёр
До безнадежности седой.

Сейчас я, пересилив страх,
В пространстве время растворяю,
И да пребудет прахом прах,
Вскормивший ложную зарю.

Любая власть бессильна здесь,
И сила – власти лишена.
Два мира совместились днесь
И вечной стала тишина.

4 марта 1979. Москва

ПУСТЯКИ

Говорит мне рассудок резонно,
Суесловия сор отменяя:
– «Что же ты самородные зёрна
Растерял, в эмпириях витая!

Подними и в актив свой зачисли,
О плодах чародейства радея,
Затонувшие в памяти мысли,
Погребённые илом идеи» –.

Пустяки. В продырявленной лодке,
Устремившейся к призрачной вере,
Стали слишком тревожны находки,
Стали слишком надёжны потери.

10 марта 1979. Москва

Я полон далями недавними,
Где Север выстелен доской,
Где человечина придавлена
Сорокаградусной тоской.

Тут и сосна чуть приосанится
Под лаской солнечных щедрот –
И вот уже легла красавица
На эстакаду – эшафот.

Покой и тишь мотором взорваны
И МАЗы, греясь на бегу,
На биржи с вышками дозорными
Несут по зимникам тайгу.

Здесь мука стала многорукою
И не по прихоти судьбы
Бригадной скованы порукою
Чернобушлатные рабы.

Но разве стоит беспокоиться,
Что всем идеям на беду,
Наш Рай земной сегодня строится
Руками их в земном Аду!

13 марта 1979. Москва

ИНОХОДЬ

Нас пугают личностным обличем
В мире, где авоськи мы плетём,
Иноки, живущие отличным,
Поэтапно связанным путём.

Гордой неуживчивостью с ложью
Тёплых за собой не увлечёшь.

Хватку возлюбившие бульдожью
Веруют в сиятельную ложь.

Ну а те, невысказанное признав,
Неприметно в смуте городской,
Ясностью своей бросают вызов
Тупости воинственной людской.

Так, являя таинство природы,
Оставляет времени волна
Самородки среди пустой породы,
Что до края пустотой полна.

14 апреля 1979. Москва

Давайте вдруг сообразим,
Что мы не гвозди и не шпалы,
Что магистрали и каналы
Вдувают в души холод зим.

Пускай другие хлеб и сыр
Пытливо претворяют в камень
И с ближними в борьбе за мир
Спешат помериться клыками.

Пусть лезут, смачно гогоча,
К холодным и бесцветным целям
И рубят радугу сплеча,
И звёзды держат под прицелом.

Мы можем судьбы выбирать,
Смешав пути и горизонты,
И можем гордо вымирать,
Как мамонты и мастодонты.

21 апреля 1979. Москва

ОТРЕЧЕНИЕ

А может ли планета стать звездой,
Стряхнуть с себя моря, туманы, травы,
Вернуться в состояние расплава,
Пройдя по небу свежей бороздой?

Тут нет предела. Что мешает ей
Отречься от ярма предназначенья?!
Случайностью чревата отречение
От скорбной безысходности своей.

Когда в огне очистится Земля,
В сиянье облачится даже скверна.
Потом звезда состарится, наверно,
И чьи-то души путь начнут с нуля.

23 апреля 1979. Москва

МАСОННИК

Наперсником Единорога¹,
Я стал, судьбе своей доверяюсь,
Когда зелёная дорога
Беспечно углубилась в ересь.

Легла она диагонально
По роговому направленью,
Легко подхваченная далью,
Открытою в страну оленью.

Где Той истории начало,
Что в порах прошлого таится?
Какую правду означало
Волненье, вкравшееся в лица?

¹ Автор носил перстень с изображением Единорога.

Куда я в свете этом странном
Сквозь чьё-то нетерпенье птичье
Несу на пальце безымянном
Неведомых имён безличье?

Несу, раскручивая вёрсты,
А взгляд оставил в тайном мире,
Где пламенеющие звёзды
Над ульями умов царили.

19 мая 1979. Москва

ВОЗВРАЩЕНИЕ В НАСТОЯЩЕЕ

Всё было вычислено загодя и скопом.
Всё было выдуманно прочно и безлично.
И был участок под неведомое вскопан,
Поскольку рыхлость бытия симптоматична.

Часы клевали крошки дней, но почему-то
Пересекались чудеса не там, где надо.
И застревала в неизбежности минута,
И угасала ощущений анфилада.

Зато упорно разлагался зрелый атом,
И луч зари хрустел под гусеницей танка,
И грохотала по ромашкам и трактатам
К хвосту кота присовокупленная банка.

Всё было сдвинуто, расторгнуто; всё было...
И в настоящее вернуться – как родиться.
Когда грядущее тишком заходит с тыла,
Непроизвольно в сказку прячется Жар-птица.

4 июля 1979. Погорелка

ОБРЕТЕНИЕ

Я с детства был словоохотлив.
И вот, охотясь на слова,
Я стал ценить свои находки
И уважать свои права.

Переходя от слова к слову
По неизбежной целине,
Я стал усваивать основу
Слов, снисходительных ко мне.

Как ёлку память украшая,
(чужую чаще, чем свою),
Я верил, что она, чужая
В мою вольётся колею.

Я с детства был охоч до слова.
И, перейдя бездонный ров,
Я детство обретаю снова
В условном свете вещей слов.

5 июля 1979. Погорелка

Сгустки памяти, фрагменты оскудения,
Огороженность того, что в жизни «было»...
Проводов несуществующих гудение,
Облачившееся в тень бывшего пыла.

Остаются отголоски обгоревшие
Безотчётного, мгновенного, родного,
Отлетают в пустолестье души грешные
И не ясно, возвращаются ли снова.

Обернётся новизной бывшее-старое,
Поднесёт врасплох непрошенную дату.

По земному обоснованному шару
Я иду канатоходцем по канату.

5 августа 1979. Погорелка

НОВОГОДНИЙ СОНЕТ

Э.

Не опухоль судьбы, не сгнивший втуне плод
Мир, что от жизни ждёт последнего удара.
Каким бы ни был он, прожитый нами год,
На нём горит клеймо божественного дара.

Какие-то дары нам принесёт другой,
Тот, что вступить готов на палубу эпохи?
Быть может у него в котомке только крохи
Того, за что ценой мы платим дорогой.

Кто груз грядущих дней положит на весы?
Минувшее и то не взвесить зримой мерой.
Определяют ход событий те часы,
Чьи стрелки движет свет, рождённый нашей верой.

И жалок тот, кто назовёт химерой
Сияние зари и явь земной красы.

31 декабря 1979. Москва

ЗВЁЗДЫ

Вселенная... Однажды навсегда
Проснулись мы среди миров соседних.
Но что такое, в сущности, звезда?
Попутчик и случайный собеседник?

О, как они безоблачно близки,
Когда мы по-земному одиноки,

Когда пространство сгустками тоски
Сжигают истекающие сроки!

Гляжу на звёзды сквозь дела и дни
То ласково, то трепетно, то строго.
Не потому ль нам дороги они,
Что не ведёт к ним ни одна дорога?

31 декабря 1979. Москва

ВЗГЛЯД И НЕЧТО

По трупам как по трапам
В сиянье пустоты.
Идеи с мелким крапом
Убийственно просты.

Могильными словами
Газетный лист кишит.
Дракон парит над вами,
Всё выглядеть спешит.

Во имя светлой цели,
Чьё пламя блох слепит.
На мель народы сели
У мыса «общепит».

Гляжу без интереса
В грядущие века.
Цена «даров прогресса»
Чертовски велика!

23 января 1980. Москва

ОДА Р. РОЖДЕСТВЕНСКОМУ

Ужли и слово измельчало
В эпоху микровеличин?!
Пора перелистать сначала
Всю книгу следствий и причин.

Словес рождественская манна –
позёмкой память замело,
Как тупо пялится с экрана
Нерукотворное мурло!

Как сытно быть борцом за правду,
Казённой гордости певцом
С оптимистически-парадным
Центростремительным лицом!

Сколь сладок путь пиита в гору!
Клейму сродни успех такой.
Другому б удавиться впору,
Подобный обрета покой.

А этот столь патриотичен
И так идейно окрылён,
Что воспарил над пеньем птичьим
И разгрузился над Кремлём.

25 января 1980. Москва

ПОИСКИ

Тот ищет выход, этот ищет вход.
Всю жизнь мы что-то отыскать пытаемся,
Спешим на свет, разгадываем код,
Вникаем в литургические таинства.

Находки эти сводят нас с ума,
Погрязли мы во тьме закономерностей.
Всегда полна вопросами сума,
Всегда ответам на хватает верности.

Ох, этот вездесущий непокой!
Порывы разрушительной пытливости.
Порхание над огненной рекой
Существ, не ждущих от природы милости.

24 февраля 1980. Москва

Светлое паренье в тёмной раме,
Терпеливой поросли подвой.
Исподволь, окольными словами
Лепится простор над головой.

Вертикально и горизонтально,
Прутьев сталь опутывая вдоль,
Вьётся хмель, в котором скрыта тайна,
Мается не понятая роль.

Но от слов отслаивая знаки,
В завязь пауз опуская взгляд,
Ждёшь оттуда, где зимуют раки,
Отзвука, лежащегося в лад.

7 марта 1980. Москва

ПРОСЦЕНИУМ

Закрайной движенья
Прообраз ограничен.
Фасад преображенья
На вид фотогеничен.

Из бликов обещања
Сколочены подмостки.
Прощенье – как прощанье
На млечном перекрёстке.

Далёкое воскресло,
А близкое – забылось,
И рёву так прелестно,
Что лепет впал в немилость!

8 марта 1980. Москва

ВЕСНОПЕНЬЕ

Неприступна крепость.
Правы те, кто – мимо.
Жизни недолепость
Непреодолима.

Но под сенью зова
Соловейной трели
Взгляд согреют снова
Витражи апреля.

Окунёт пригорок
То, что вязнет в теле,
В самородный морок
Звёздной канители.

И река утешит
Рябью или зыбью,
Чтоб остался тем же,
Вопреки безрыбью.

11 марта 1980. Москва

ПРОВЕСЕНЬ

Жаль ёмкой белизны,
Но март своё берёт.
А для него своё –
Увядавшие снега,
Броженье вешних сил
Перед броском вперёд,
Подспудный непокой,
Размывший берега.

Лучистая капель
Долбит набухший день,
Что полон воробьёв,
Отбившихся от рук,
И простодушный свет,
Обособляя тень,
В какой-то высший ранг
Возводит всё вокруг.

А солнце, как на грех,
Сплавляя с правдой ложь,
Колдует у черты,
Что лоб пересекла,
И даже городской
Асфальт бросает в дрожь,
И даль туманит блеск
Оконного стекла.

22 марта 1980. Москва

Болезнь не страшно и стареть не больно.
Красна земля и снегом, и травой.
И всё идёт как бы произвольно,
На поводу у замкнутой кривой.

Вникая в суть свободного полёта,
Самой свободы постигаешь суть.
А время, как мечта и позолота
Приманивает взгляд на ложный путь.

Покровы вечных тайн приоткрывая,
Бросаешь вызов собственной судьбе,
Но никуда не вывезет кривая,
Что замкнута навек в самой себе.

25 марта 1980. Москва

Рисуя жизнь прерывистой чертой
Бескрасочно, безобразно, беззвучно,
Ты завершишь её благополучно
В пространстве, округлённом пустотой.

Декоративной лёгкости туман
Обрыв припудрит столь благопристойно,
Что голоса, взлетевшие нестройно
Здоровой пищи не дадут умам.

Обрыв – и сразу станет всё равно.
Условности утратят очертанья.
И крик, рождённый кровью, не гортанью,
Вернётся в безразмерное «давно».

1 апреля 1980. Москва

ВЕСНУ ОПЕРЕДИВ

Прорвав заставы где-то,
Скользнув по почкам ив,
Проникло в город лето,
Весну опередив.

Оно, придя за нами,
Врасплох застигло нас.
Лучи взметнуло знамя
Над паутиной трасс.

Постой! Уже? Так скоро?!
Но кружит дух густой
Вторжение простора
В натруженный застой.

Вступают в спор азартный
Все отблески огней.
Дороги лучезарны.
Прозрачны грани дней.

9 апреля 1980. Москва

Ни ненависти, ни презрения –
Одно лишь мироощущение.
Расцветчиваю взглядом тени я,
Продукты недоволощения.

И кажется, что нечто чудится,
И верится, что нечто жаждется.
Ну что, как будущее сбудется?!
А в сущности, какая разница.

Из теней лепится нелепица.
Но что чужое, – то далёкое.

И даже если время – лестница
Так всё одно сторю до срока я.

Порой, конечно, манит искоса
В пространстве соперемещение.
Но сказкою не станет присказка
И даже в виде исключения.

10 апреля 1980. Москва

Была погода неприветлива,
на всём покров ненастья,
а дождик ветренный по-летнему
то лепетал, то улепётывал.

Теснились в памяти сияния,
лучилось вечное минувшее;
рождалось противостояние,
казалось бы совсем ненужное.

Но оба мира эмпирически
на миг судьбы, а может надолго
с естественностью фантастической
легко соединила Радуга.

17 мая 1980. Москва

Какой скандал!
Какой переполох!
Ушами взмах и вздох,
и «Ах» и «Ох!».

Какой скандал!
озвучивая страх,
обкрадывают эхо
«Ох» и «Ах».

А в чем причина
чинной кутерьмы,
что поднимает пыль
у стен тюрьмы?

Чинами
отвлечённых величин
я уличён
в отсутствии личин.

18 мая 1980. Москва

ПЕСЕНКА ДЛЯ ГИТАРЫ С ГОЛОСОМ

Неужто же действительно пора
Махнуть рукой на зовы и соблазны,
Поняв, что все красоты безобразны,
А свежесть потрясающе стара.

Не время ль подаваться в старики?
Года берут своё нетерпеливо
И позолотой зыбкого прилива
Сегодня любоваться не с руки.

Не время ль перестать глядеть вперёд
И задавать неловкие вопросы,
Минувшего бесценные отбросы
В залог давно никто уж не берёт.

Не время ль декорации менять,
А заодно менять и освещение;
И, приводя галёрку в восхищенье,
Начать с хвоста безжалостно линять.

18 октября 1980. Москва

Куда ты теперь, Лепорелло?
Мир сузился; солнце померкло,
Что души слепило и грело
С восторженностью непомерной?

Давно ли гремела гитара,
И шпага о шпагу звенела?
Безмерна небесная кара.
Куда же теперь, Лепорелло?

Весло бедолаги Харона
Беспечность поймала на слове.
Что делать тебе без патрона
В Севилье, Гренаде, Кордове?

Случайны ль путей сочетанья?
Пусть в жизни твоей, нам открытой,
Оставшихся дней очертанья
Блистательным прошлым размыты,

Прости ему всё, Лепорелло,
За то, что безгрешный, как птица,
Тебя покидая, успел он
Бессмертьем с тобой поделиться.

4 января 1981. Москва

СОНЕТ

Удельный вес наук в наш век возрос.
Подавлена прогрессом современность.
Но ставит все ответы под вопрос
Простой частицы времени безмерность.

А если уж о счастье говорить –
Бессильны достижения и успехи.

Скорее тут наметились бы вехи,
Когда бы смог прогресс умерить прыть.

О, жалкий лепет праздного ума!
Ведь развести мосты не в нашей власти,
А счастье вещь абстрактная отчасти,
И свет прозренья поглощает тьма.

Всё это так, но на исходе дня
Туман, порой нисходит на меня.

5 января 1981. Москва

Каждый счастье на свой обмеряет аршин
От любовного пыла до ЗИЛа.
Мы давно бы достигли заветных вершин,
Да мешает нечистая сила.

Нас она уводила с дороги прямой
В бездорожье, в болотные топи.
Но народ не смутишь ни сумой, ни тюрьмой,
Он души сердцевины не пропил.

Мы порукой сильны. Первобытно чисты
Наши помыслы и убежденья.
Не позволим себе наступать на хвосты
Тварям тёмного происхождения.

Нам идейные крылья не даром даны.
Мы безгрешны, как брага в бочонке.
Мы нечистую силу сведём в Сандуны
И отмоем до самой печёнки.

11 января 1981. Москва

ОСНОВА

Пусть истину рождают споры
в пылу грибного изобилья.
Одно бесспорно – без опоры
И песню не поднимут крылья.

Воистину, всему основа
Мерцаний встречное движенье,
Сквозь грозовую свежесть слова
В потоке головокруженья.

Естественность его искусна
И это добрая примета,
Хоть нам, порой бывает грустно,
Когда далёк источник света.

Алмазную огранку слога
Пусть чтут благоговейно снобы.
Поэзия всегда от Бога.
О прозе разговор особый.

27 января 1981. Москва

Э.

Ты слышишь, я с тобою говорю
Так отрешённо и членораздельно,
(Хотя, возможно, и не очень дельно),
Что это не понятно февралю.

Он ветреный, непостоянный он.
Смотри, мы до смешного с ним не схожи.
Но в нём предощущенье сладкой дрожи
Таится с незапамятных времён.

В нём ожиданий дрожжевой замес,
Истоки нерождённого потока,
Что прозябает ожидая срока,
В потустороннем кладезе чудес.

Ты слышишь, я с тобою говорю
На предвесеннем языке февральском,
Не о заре, не о блаженстве райском,
Ну, разве что о видах на зарю.

10 февраля 1981. Тбилиси

Мне будущим глаза запорошило,
И прошлым я пытаюсь их промыть.
А из мешка выблёскивает шило,
Которого ему не утаить.

Но луч звезды, ещё в минувшем веке
Померкшей и рассыпавшейся в прах,
Тысячекратно преломляют реки,
И бережно лелеет снег в горах.

И лишь ему обязан я, бесспорно,
Тем, что дорожной правде вопреки,
Я опьяняюсь ясностью озёрной
И упиваюсь лепетом реки.

10 февраля 1981. Тбилиси

Зрю в корень сквозь бесцветные очки.
(Ни розовых, ни чёрных нет в продаже).
Две линзы усредняют нам зрачки.
Стандартности – недремлющие стражи.

А мы идём у них на поводу,
Не замечая тонкого коварства,
Боясь, что попадём без них в беду,
Готовые за них отдать полцарства.

Они приобрели над нами власть,
Что ни с каким насильем не сравнима.
Два стёклышка... Рискуя в ересь впасть,
Кляну их, но пройти не в силах мимо.

10 февраля 1981. Тбилиси

Есть мир (кому тот мир не ведом?!)
За горизонтом суеты.
Там рядом с прошлогодним снегом
Спят прошлогодние цветы;

Там быль и небыль сочетая
В один пленительный узор,
Свершений праздничная стая
Взлетает в будничный простор;

Там нерушимо и нетленно
Сиянье солнечных минут,
Которого, обыкновенно,
И отблеска не сыщешь тут.

Есть мир, чья сущность ощутима
При погруженьи в глубину
Всего, что безусловно зримо
И всё же сопредельно сну.

12 февраля 1981. Тбилиси

То воспаришь, то воздымишь!
То воссмеёшься, то восплачешь.
Рванёшься, всё переиначишь.
Надолго ль? На мгновенье лишь.

Уходят корни вкривь и вкось
На глубину тысячелетий,
Туда, где молот междометий
Для нас ковал земную ось.

То возомнишь, то возопишь,
И снова горбишься смиренно,
И озаряется арена
Лучом на миг единый лишь.

13 февраля 1981. Тбилиси

УКРОТИТЕЛЬ

Укрощаю себя, упрощаю.
Перестал обличать и вещать.
Я себе ничего не прощаю,
Да и нечего, в общем, прощать.

Очищаю себя, завещаю
Дар, насыщенный щёлочью встреч,
Всем, кого я беречь обещаю,
Как нещадную русскую речь.

Ну, а если душой обнищаю
И начну обречённых смущать,
Я прошу вас, молю, улещаю
В Рай грядущий мой дух не пущать.

14 февраля 1981. Тбилиси

Бессилен бессилия вирус.
Крепчает активности зуд.
Дорогу и небо на вырост
Кроит мне божественный суд.

Толкаюсь во взгляды и двери,
По крупам иду напролом,
Взбодрённый настойкой на вере,
Сражаюсь беззлобно со злом.

Оно в моём свойстве гнездится
Всё видеть при свете добра.
Слинявшая некогда птица
Крылом возвещает: – Пора! –

16 февраля 1981. Тбилиси

ПО ДОРОГЕ В ЦХИНВАЛИ

Февраль, а стоит оглянуться –
Парует сочная земля,
Из придорожья в небо рвутся
Готические тополя.

Юлит шоссейная стремнина,
Всё словно дразнит: – Улизну!
И округляется равнина,
Подтачивая крутизну.

Опять меня на перевале
Просторный полдень застаёт.
Предощущение Цхинвали
Внутри движения вперёд.

16 февраля 1981. Тбилиси

МТАЦМИНДА

Открой глаза, чтоб раствориться мог
Я на мгновенье у тебя во взгляде.
Верни меня, однако, Бога ради,
Облагодив облик мой и слог.

Поверь, не о себе я хлопочу.
А, впрочем, это кажется, известно
Обоим нам, а также повсеместно,
Не зря же ветер не задул свечу.

Ещё не все взлелеяны миры,
Ещё не все распахнуты страницы,
Ещё не все притянуты зарницы
Вершиной возгордившейся горы.

О да, она действительно горда
Минувшим и грядущим. Что за диво?
Иная гордость, точно, некрасива,
Но этой в цвет верблюжьих два горба.

Открой глаза и взглядом очерти
Границы заповедного порыва.
А вечность бесконечно терпелива.
Ты этот грех ей как-нибудь прости.

16 февраля 1981. Тбилиси

ПАУК

Паук, забросив в небо сети,
Поймал все звёзды до одной.
Он обескровил звёзды эти,
Смеясь ехидно надо мной.

Он погрузил пути земные
В тяжёлый непролазный мрак.
Неуловимы позывные,
Неразличим условный знак.

Но в мире тьме предел положен.
Пресечь паучье торжество
Спешит светило, луч из ножен
Рванув, чтоб покарать его.

И звёзды народятся снова,
Пути прокладывая нам
Сквозь топи царствия земного
В очищенный небесный храм.

17 февраля 1981. Тбилиси

Если вы с несбывшимся порвёте,
Вас утильщик скупит за гроши.
Самовозгорание в полёте –
Признак синтетической души.

Если ж ясность взгляда сохранится
В тучной атмосфере деловой,
Значит ночи звёздная страница
Неспроста кружит над головой.

Всё в природе непереводаемо
На язык литых колоколов.
Может ветер, пролетевший мимо
На богатый намекал улов.

17 февраля 1981. Тбилиси

Стоит взгляд направить в давнюю даль
Расплавляется столетия сталь.
Вижу нежности оснеженный свет
Сквозь нелепицу спрессованных лет.

И пунктиром обозначенный путь,
Что нацелен в беззащитную грудь,
И безумие сияющих глаз,
Что восторженно приветствуют нас.

Ясно видятся и небыль, и быль,
И осевшая на горечи пыль.
Слышен реквием смертельных побед
Сквозь беспамятства спрессованный бред.

21 февраля 1981. Тбилиси

Под мерный гул, под выбормот колёс,
Из точки «А» я еду в точку «Б».
День, рассечённый надвое белёс,
И видно, как ему не по себе.

Раскачивает мысли быстрота,
Пространством облюбована душа,
А сам я вроде сонного крота,
Что близь обозревает не спеша.

Купейного покоя крутизна
Предъявлена дорожной кутерьме.
Скупа природоведенья казна.
Пить солнечный нектар теперь не мне.

Тепло осталось в светлой точке «А»,
А точка «Б», где дом стоит родной,
Оттаивать лишь робко начала,
Снежинки растопляя по одной.

21 февраля 1981. Тбилиси

Р. Ивневу

Класть хризантемы к изголовью
И вспоминать... и вспоминать
С почти взаимной любовью
Сомнительную благодать.

Волной органного прилива
Омытый взгляд в себя втянуть
И растворяться терпеливо
В чужой, холодной, словно ртуть,

Слезе. Потом в себя вернуться,
Порвать оцепененья цепь
И отрешённо окунуться
В столичную сухую степь.

2 марта 1981. Москва

Русалка – присказка Руси,
Обмолвка глубины текучей...
Какой необратимый случай
Свёл нас, у омута спроси.

Но я навек заморожён,
Опутан прелестью глубинной
И словно в лепет голубиный
В бездонный отблеск погружён.

На безрассудство опершись,
Гляжу сквозь пену кружевную
В себя, и прошлое ревную
К тому, что мне дарует жизнь.

21 апреля 1981. Москва

Такая ясность в небе, что стоишь
Как бы над небом в точке сочетаний
И смутных взглядов отголосок ранний
Лишь высветляет эту глубь и тишь.

Такая вечность на тебя глядит
Во все глаза, во все зеницы света,
Что суетность вопроса и ответа
Ясна, как этот всеохватный вид.

Такая вера вьёт гнездо в душе,
Проникновенность снизошла такая,
Что постигать и нечего уже,
Мертвотворящей жажде потакая.

28 июня 1981. Погорелка

ЗНОЙ

Гроза прошла вприпрыжку стороной,
Смеясь над нашей жаждою земной.
Сквозь два горящих солнечных окна
Ветлуга обмельчавшая видна.
Налито тело зноем до краёв.
Пробился зной сквозь тысячу слоёв,
Защитные посты преодолел
И в мозг проник, и в дрёме заалел.
В избе прохлады нет, всего лишь тень
И к роднику спуститься с банкой лень.
Вода тепла и тишина тепла...
Как славно прежде наша жизнь текла!

30 июля 1981. Погорелка

В мире, я вас уверяю,
всё не так.
То корону примеряю,
то колпак.
То улыбку оброню я,
то слезу,
То жарищу побраню я,
то грозу.
Всё не так, всё очень скверно
на беду.
Ну а ТАК в Раю, наверно,
да в Аду.

Июль 1981. Погорелка

САМГОРИ

Там под окном с утра шумел базар,
И в недрах деловой полифонии
Накал страстей и вожделений жар
Закручивали вихри огневые.

Арбузы, кукуруза и кизил,
Гранаты, перец, груши, баклажаны...
А рынок подвозил и подвозил
Товар, который тут же выгружали.

И пряный дух витал над суетой,
Над говором гортанного закала,
И суета была совсем не той,
Которой содержанья не хватало.

Тут каждый знал отлично что к чему
И что почём усваивал мгновенно.
Мой взор, легко скользнув по кочану,
Святую гроздь ласкал самозабвенно.

Но воспарив над связками цыплят,
От шума и движенья очумевших,
В простор надземный ускользал мой взгляд,
Чтоб я заделал в обороне бреши.

Я от соблазнов попросту бежал:
Карман червонцы не отягощали,
Расчёт был беспощаден как кинжал.
Мне лишь в четверг блаженство обещали.

18 сентября 1981. Тбилиси

НА УЛИЦЕ ЧОНКАДЗЕ

На улице Чонкадзе
(Мтацминды свет над нею),
С ветвей свисая праздно,
Гранаты пламенеют.

В окно просунешь руку –
Инжир сорвёшь лениво,
Не проронив ни звука,
Ну, словно это слива!

Вино в стакан струится
Под сочную беседу.
Не Синяя ли птица
Привиделась соседу?

Но хватит. От волненья
Я начал заикаться.
О чудные мгновенья
На улице Чонкадзе!

28 сентября 1981. Тбилиси

ПАВШИЙ АНГЕЛ

В сообществе, где властвуют скоты,
Утратами сражённый наповал,
Он голосом свирельной чистоты
Свои сквозные раны бинтовал.

Он отпевал созвездье Тишины,
Плоды успеха грыз, как сухари,
И были синевою отражены
Полночный мрак и зарево зари.

Он, чертыхаясь, на слепом ветру
Пытался от звезды зажечь свечу.
Ему была борьба не по нутру,
Ему судьба была не по плечу.

Он примерял то шутовской колпак,
То непомерной тяжести венец,
И в красное вино свой белый флаг
Макал, меняя золото на свинец.

Ни Веры, ни Надежды, ни Любви...
Сквозь зеркала глядит в глаза тоска,
И жизнь напрасно шепчет: – Позови, –
И смерть уже немислимо близка.

15 февраля 1982. Москва

ТВОРЧЕСТВО

Навзрыд, навзрѐв, как пишется судьба
Та, истинная, что неповторима,
Что не приемлет парика и грима,
Что навсегда сама себе судья.

Наедине с упругой пустотой
(Конечно, мнимой, но не в этом дело),

Всегда в порыве за черту предела
И всё-таки – внутри перед чертой.

Навзбег, навзлёт, но лишь бы наотрыв
От измерений аксиоматичных,
От окриков, бесцеремонно зычных,
– В иные судьбы полдень приоткрыв.

9 апреля 1982. Москва

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Кем колокол земной тоски отлит?
Быть может, потрудился Гераклит
Над царственным, державным инструментом,
Что вечность сводит начерно с моментом?

А может он – творение Луны,
Что манит нас химерой глубины
И, души ловко уловляя в сети,
Вливает жажду света в души эти?

Одно бесспорно: это щедрый дар,
Не кара (кто постиг природу кар,
Тот понимает явную нелепость,
Считать тюрьмой злосчастной храм и крепость).

Вовек тоска благословенна будь.
И к празднику перекрывая путь,
И поражая, будь благословенной –
Магнит бессмертья и душа Вселенной!

12 апреля 1982. Москва

ПОРТРЕТ

Растерял, что имел,
Позабыл, что умел,
Осмеял то, что некогда смел.

Ворожить перестал,
Рассудителен стал,
И покой по знакомству достал.

В каждом шаге несмел,
Потускнел и устал,
Смысла жизни ж понять не успел.

12 апреля 1982. Москва

ЛЕСТНИЦА

Нарежу время тонкими полосками
И память ими заново оклею,
И станет явь с её мирами плоскими
Причудливей, светлее и теплее.

Над мельницей чужих закономерностей
Уверенно взойдёт заря фантазии,
И в Лету всё отвергнутое ввергнется
И сникнет в ожидании оказии.

Реальность замахнётся грозным молотом,
Но дрогнет и в грядущее взглядится,
А там, в её пространстве перемолотом
Уже гнездится сказочная птица.

Всё сызнава завяжется и свяжется,
Снаружи и с изнанки зачудеснится,
И как-то беспрепятственно окажется,
Что в самого себя уводит лестница.

2 мая 1982. Погорелка

УТРО

Свет привёл в движение весы
Неприметно, как всегда вначале.
Утро шарит в россыпях росы
Ломкими, прохладными лучами.

На опушке лёгкой синевы
Вызрело сиянье перламутра.
Мне бы так хотелось, чтоб и вы
Приласкали взглядом это утро,

Заодно с ним и наедине
Полнясь тишиной его при этом.
...Солнце поднимается во мне,
Душу заливая певчим светом.

5 мая 1982. Погорелка

Вот годы, говорят, берут своё...
А что для них своё и что чужое?
Тупеет изумленья остриё,
Овладевает оторопь душою.

И старость не для красного словца
Лелеет пламенеющие звуки,
Когда румянец соскользнёт с лица
И тяжестью утрат нальются руки.

Не то, чтобы затмение и беда,
А просто всем порывом бестелесным
Вдруг ощутишь ты, раз и навсегда,
Что будущее стало слишком тесным.

Захочется нажать на тормоза,
Остановить бесцветное мгновенье,
И видят профиль времени глаза
Сквозь весело горящие поленья.

8 мая 1982. Погорелка

Гене (двоюрной сестре)

Раз в год ты надеваешь ордена.
В другие дни они в шкатулке дремлют,
Но в этот, пробудясь как бы от сна,
Сияньем вешним заливают землю.

И вглядываясь в прошлое сквозь мглу,
До финиша войны дойдя из детства,
Ты разгребаешь времени золу,
Чтоб у священных угольков погреться.

И тени обретают плоть и вес,
И даты ощущаются в объёме...
Был мир непостижимей всех чудес,
Был мир до невозможного огромен.

Обратный путь к той сказочной весне
Проходишь ты стремительной походкой,
Чтоб прислониться к выжившей сосне,
Израненной пристрелкой миномётной.

Не для того ли память нам дана,
Чтоб мы тишайшим будням цену знали.
Раз в год ты надеваешь ордена
И строгие солдатские медали.

10 мая 1982. Погорелка

СЛОВО

Мысль и мечется и бьётся,
Но чиста при всём накале,
Как вода в моём колодце,
Как вино в моём бокале.

Безотказно, повседневно
Дарит нам земные блага
Строк струящихся напевно
Освежающая влага.

Тленно всё: любовь и мебель,
Но извечно вновь и снова
Человек уходит в небыль,
Оставляя людям Слово.

12 мая 1982. Погорелка

Я ко всему готов, да, ко всему:
И к бездне бестелесного блаженства,
И к перевоплощениям снов и жестов,
И к мраку, не доступному уму.

Не ясно мне, что выбрал бы я сам,
Но как-никак, а выбор не предложен.
Из трёх один лишь вариант возможен –
Он изначально уготован нам.

Что до меня, я ко всему готов.
Но видя в жизни благо, а не веху,
Я подожду охотно, мне не к спеху,
И пусть сойдёт с терпенья сто потов.

12 мая 1982. Погорелка

31 МАЯ

Завтра – лето, это точно, завтра – лето!

Календарь – официальная примета.

Не беда, что ветер тучи-холодьюги

Наташил сюда со всей земной округи.

Завтра – лето, с этим спорить бесполезно.

Пусть в ознобе топит взгляд речная бездна,

Пусть на небо тёмный лес косится хмуро

И ворчит, что разыгрались тучи сдуру.

Лето зреет, я надёжно верю в это,

Я кричу сквозь непогоду – Здравствуй, лето! –

31 мая 1982. Погорелка

НЕПОГОДЬ

Не видать к солнцу верного брода,

Тучи к дому ползут отовсюду

И внутри у меня непогода:

Расшатала суставы простуда.

Главный путь – от печи до постели.

Мир продрогший прилип к моим окнам,

Все дороги вокруг опустели

И душа до надежды намокла.

Тонет шутка в унылых созвучьях,

Вяжут слово промозглые ритмы

И темны, как творенье паучье,

Краски тучной и скучной палитры.

Овладеть бы настройкой погоды,

Чтоб ловилась, как радиоволны!

Я бы залил небесные своды
Жарким золотом летнего полдня.

Тут уж в миг испарится простуда
И немедленно жизнь прояснится,
Я вскочу, как взлечу – а покуда (ох!)
Правый бок... голова... поясница...

1 июня 1982. Погорелка

ИСТОРИЯ

В неверном свете тонет сцена.
Сквозь две стены тысячелетий
Я вижу профиль Демосфена
И слышу речь его в Совете.

Густая заварилась каша.
В соседях не заметно лада.
А на весах, на разных чашах
Лежат Афины и Эллада.

Беда со скоростью полипа
Растёт, и он ища спасенья,
В ответ на львиный рык Филиппа
Спешит народ призвать к сплоченью.

Обречены его усилья,
И с Фивами союз не сможет
Укоротить орлёнку крылья,
А льва и вовсе не встревожит.

С мечом в руке оратор будет
Сражаться с полководцем новым.

Он рок безжалостный осудит
Над павшими прощальным словом.

А царства будут рассыпаться.
Путь длинен. Кто и в чём повинен?
Лишь именам дано остаться.
Но безнадежно жаль афинян!

Шли к цели гордые предтечи
Всех, кто пойдёт с эпохой в ногу...
Беда, что ни мечи ни речи
С прогрессом совладать не могут.

1 июня 1982. Погорелка

Только града мне и не хватало!
Славно шутит ветер-забулдыга!
Шутка всю малину измотала,
А в погоде незаметно сдвига.

То притихнет, то опять наскочит –
Неуютный, северный, колючий.
Не понять никак, чего он хочет,
Досадить кому он ищет случай.

Тучи схлынут – солнце на престоле
И опять заволокло окрестность,
И опять продрогший флюгер стонет,
Повергая местность в неизвестность.

А ведь лето – правда в новом стиле,
И пора б черёмухе погреться.
Слишком долго тучи тут гостили,
Пусть-ка погуляют по соседству.

А с теплом сойдёт вода в Ветлуге
И пойдут плотва, подлещик, щука...
Свищет ветер, ласточки в испуге
Мечутся и колосится сжука.

2 июня 1982. Погорелка

ПУТЬ

Шла убыль с перекосом,
Умильно лебезя,
И было под вопросом
Местечко для «нельзя».

Несла обмолвки слога
Сквозь лабиринт казны
Побочная дорога
Небесной крутизны.

Усмешливо скользила
Вдоль шума тишина,
Была былая сила
Усилий лишена.

Но время преломлялось
В пространстве бытия,
Где явно выявлялась
Стилистика моя.

19 августа 1982. Погорелка

Лишь вечное от века злободневно,
И это не снобистский парадокс,
Который скептик отвергает гневно,
И яростно бичует ортодокс.

Разглаживая жёсткие морщины,
Смещая свет, холодный и чужой,
Лишь вечное влечёт нас на вершины
Овладевая телом и душой.

Всё прочее не стоит снисхожденья,
Уж слишком ценность прочего низка,
А власть его – пустое наважденье,
Что просто не рассеялось пока.

6 сентября 1982. Москва

У ПОРОГА

День к Лете отлетел на лёгких крыльях дыма
Бесплотно потеснив уклончивую даль,
Промчался сквозь тебя и в то же время мимо.
И радости не дал, а всё чего-то жаль.

Тут, у порога сна, прощанье с ним печалит.
Он что-то всё же дал, хоть больше, верно, взял.
Ведь каждый новый день нам дарит свет вначале,
Без этого и жить, наверное, нельзя.

А после, в тишину свою добычу пряча,
Уходит он во тьму пылающим путём,
Уходит от речей, от смеха и от плача
Туда, где и золы не отыскать потом.

Свернулась у печи притихшая морока,
Шлифуют гладь Луны потоки ясных вод.
Нанизывает сны на ели Наволока¹,
Надежды и мечты ночь переходит вброд.

13 октября 1982. Москва

¹ Местное название луга и леса, где пасутся коровы в Погорелке.

Блаженственности нежные черты
Явила мне державная Природа,
И я, в судьбе не отыскавший брода,
Удачливей, читатель мой, чем ты.

Но не завидуй счастью моему.
Оно такой неумолимой пробы,
Что гибнут в нём условностей микробы
И выкладки, подвластные уму.

Оно успехам спешным не сродни,
Нет места в нём для позы и гордыни,
Нет фальши в нём, что смазав резкость линий,
Нам дарит встреч бенгальские огни.

Кто время не дробит на времена,
Тот высшего терзанья удостоен.
Провидец, он в борьбе страстей не воин,
Мечта его Звезде своей верна.

11 ноября 1982. Москва

Ежу (Володе Копалину)

Ты нёс по жизни тяжкий груз даров,
Которым нет объёма и цены
И, совлекая с истины покров,
Искал на мелководье глубины.

Ты подставлял потокам встречным грудь,
Во времени свой облик растворял,
А после ускользящую суть
За нрав её нездешний укорял.

Как далеко ещё тебе идти?
Не знаю. Мне известно лишь одно:

Ты обретёшь не истину в пути,
А искорки, остывшие давно.

И ты увидишь вылущенный свет,
И будет память небылью полна;
И ты оставишь на песке свой след,
Который в море унесёт волна.

22 ноября 1982. Москва

Пустоты прислужники прилежные,
Как зеркальна ваша седина!
Увлекают силы центробежные
Заблуждений цепких семена.

Тщетно тупость в прозорливость рядится.
В будущее двери приоткрыв,
Обнажает жизни неурядица
Воли безответственный порыв.

Гордые познаниями скудными,
Жаждущие сочных новостей,
В обнажённом небе рыщут спутники
Жадных человеческих страстей.

Слепота спесивая питается
Пылью мертворожденных дорог,
Но упрямо выпрямить пытается
Горизонта тонкий ободок.

Тишины способности изрядные
Обескрылил злобный чародей.
И блуждают души неприглядные
В мире неопознанных идей.

1 декабря 1982. Москва

ДАРЫ БОГОВ

Как часто людям боги жить мешали.
Нет не был бог в манерах эталоном.
Фригийский царь ослиными ушами
Был одарён всплывшим Апполоном.

А ведь скорей он похвалы достоин,
Поскольку искренен и прямодушен
И на свирель душой при том настроен,
Имея очень правильные уши.

Но Апполон, бряцавший на кифаре,
Слыл слишком выдающимся артистом.
Разгневался светлейший, ну и вдарил,
Хоть не был даже, в сущности, освистан.

Пан изменить не мог того решенья
(Ох, сколь опасны сладостные трели!)
И только иногда для утешенья
Играл царю Мидасу на свирели.

Так простота, порой, приносит горе
И наши стоны тонут в общем гаме.
А что о вкусах умные не спорят
Бесспорно, особенно же с богами.

27 декабря 1982. Москва

ПРИМЕТА

Ты пытаешься день разглядеть на бегу,
Чтобы сбросить идей беспросветных бразды.
А на дне февраля в непролазном снегу
Зарождается свет путеводной звезды.

Терпеливо сошьёт этот праведный свет
Рваной жизни твоей непутёвой края,
Указуя душе тот невидимый след,
Что вслепую искала надежда твоя.

Только помни, что свет воссиял – для тебя,
Только верь, что звезда неразрывна с тобой,
И тогда даже тучи, победно трубя,
Возвестят всеприродно, что выигран бой.

Я дорогу тебе указать не могу,
Но приметы надёжней воистину нет.
В неприступно пустынном февральском снегу
Путеводной звезды раскрывается свет.

14 февраля 1983. Москва

Рите Шкловской

Соцветье разочарований,
Облюбок беглых вождедений,
Варьируя свой опыт ранний,
Ты проникала в суть явлений.

И билась бабочкой пленённой,
И пылкую пыльцу теряла,
И в густоте тоски бездонной
Кого-то вяло укоряла.

Тускнели шутки и капризы
Во мгле безрадостной мороки,
И стала ожиданьем визы
Жизнь, перепутавшая сроки.

6 марта 1983. Москва

Мороз грызёт сосульки озорно,
Смеясь над расписанием календарным,
И сонное озимое зерно
Ещё не стало контуром радарным

И почки на деревьях не спешат
Очнуться и прильнуть к пьянящей влаге.
На белый снег пролив лучей ушат,
Весна пока кружит лишь на бумаге.

Но слишком поздно вспомнила зима
Про власть свою и царственную силу.
Она, конечно, знает и сама,
Что время для победы упустила.

Март чистым светом полон до краёв,
И хоть снега ещё прильнули к свету,
Сквозь все заставы временных слоёв
Румяный взгляд спешит пробиться к лету.

7 марта 1983. Москва

МОНОЛОГ ШУТА

По праву таланта,
По нраву Атланта
Беру на поруки
Вселенную Данта.

Беру на поруки
Все краски и звуки,
Иллюзию счастья,
Прозренья и муки.

Иллюзию счастья
Постичь в одночасье...
Не здесь ли таится
Загадка причастья?

Не здесь ли таится
Та Синяя птица,
Что бросила блики
На серые лица?

Что бросила блики
На горные пики,
На рыла ракет
И листок земляники.

17 марта 1983. Москва

ВЕСЕННЯЯ РАСПУТИЦА

Всё чаще мысль уносится
Игрой воображения
В поток разноголосицы
Природного брожения.

Туда, где к солнцу тянется
Земля ошеломлённая –
Счастливая избранница
В транзитный дождь влюблённая.

Где, безнадёжно окая,
Гремят словами бодрими
Пейзанки волоокие
С расклёшенными бёдрами.

Туда, где овцы грудятся
В тени седого тополя,
Где выбегает курица
С порога прямо во поле.

По выгону росистому
Пройду, зарёй обласканный;
Мир засияет чистыми,
Свящимися красками.

И станут вдруг неважными
Дела, что к дням цепляются.
Тимьяном да ромашками
Тут взгляды исцеляются.

11 апреля 1983. Москва

ВОПРОС

Над Вселенной издеваясь всей,
Наяву отчасти, но во сне,
На пересечении осей
Невозможный, как боксёр в пенсне,

Сам возник естественный вопрос,
Замерцал в разверстой чистоте,
А когда раскрылся и подрос,
Стал ответы отгонять – все те,

Что шурша, к нему со всех сторон
Устремлялись, словно мотыльки...
Быль или небыль? Сон или не сон?
Я спрошу об этом у реки.

26 апреля 1983. Москва

ПОИСК

С трудом прослеживаю путь, взметнувший прах,
Ищу вовне спиральную беспечность
По теньям, брошенным в минувших городах,
По звукословью, канувшему в млечность.

Ах, жажда-блажь! Куда ты память завела?!
Включаясь в сотворенье новой саги,
Дают охотно показанья зеркала,
Сомненьем приведённые к присяге.

И чьи-то взгляды, наследившие в душе,
И чьи-то песни, оградившие от мрака,
И чья-то нежность, позабытая уже,
И чья-то вера, ожидающая знака –

Всё это здесь, и в животворный этот сплав
Ещё пока вливаются потоки
Того, что тянется к покою, отплыав,
Того, что лавой опаляет строки.

А время здешнее густеет между тем.
Как в янтаре, в нём жизни застывают.
Бесцельны поиски. Ведь это ясно всем.
И всё же ищем. Всякое бывает...

Апрель 1983. Москва

Как трудно души обживают плоть,
Которая досталась им в удел!
А время тщится сны перемолоть
В бесценный концентрат полезных дел.

Ведь жаждет бесполезности не зря
(Толковые толкутся там и тут),

Развоплощенья робкая заря,
Впитавшая в себя нектар минут...

Дух тело оголтелое влачит
Туда, где все решения просты.
И пусть заблудших солнце отлучит
От хрупкого блаженства пустоты.

8 мая 1983. Москва

Чёрту, явно всё казалось: мало.
Стужею сменялся лютый зной...
Если жизнь меня не доконала,
Смерти ли управиться со мной?!

В тишину ампирную вмурован,
Укрощая дикую муру,
Я лечу с лучом слепящим вровень;
Так живу, так, верно, и умру.

И не то, чтоб как-то отрешённо
Сторонился пёстрой суеты –
Просто, чувства жадности лишённый,
Я коврам предпочитал цветы.

Просто всех лукавых благ дороже
Мне в просторном небе облака.
Знаю я, что осчастливить может
Своего избранника река.

Оттого-то, может, и доволен
Хрупким равновесием миров.
Говорят, наш век серьёзно болен.
Я ему желаю: – Будь здоров! –

15 мая 1983. Погорелка

ИДЕЙНОЕ

Спасаясь от жара высоких идей
И ласк развитого туфтизма,
Отравленный чадом чудес чародей,
Я тайну алхимии вызнал.

Проник в ускользящий отблеск мечты
Бесчисленных рыцарей жажды.
У огненной бескомпромиссной черты
Я не задержался однажды.

Не знаю, какого расклада звезда
Над кельей моей загорелась,
Но только я тут же постиг навсегда
Плода сокровенного зрелость.

С тех пор я в иных измерениях живу,
В толпе неприметный на диво,
Вторгаюсь в свободный простор наяву,
Молву обходя терпеливо.

Но век наш настолько идейно богат,
Что нет от настырных спасенья.
Они не пускают возлюбленных чад
Спасаться под благодной сенью.

И, как ни печально о том говорить,
Во мне угнездилась идея
Бездумно иллюзию счастья творить,
Немыслимой тайной владея.

24 июня 1983. Погорелка

РЫБАЦКАЯ ТРОПА

Сквозь стройный строй бесспорного хвоща
Иду на свет сорожки и леща.
Осока, пижма, шпиль коровяка...
С небес ко мне спускается река.

То шествует степенно, то бежит,
Встречает, привечает, ворожит.
И радость мне несёт она и грусть.
Её извивы знаю наизусть.

Гляжу насколько прибыло воды,
Грозы вчерашней узнаю следы.
На корни сосен, павших с крутизны,
Легли тумана тающие сны.

А из тумана, тут же над рекой,
(Не зря он сходен с пеною морской)
Выходит день, божественный, как та,
Чья людям просияла красота.

И лёгкую печаль (всему свой срок)
Уносит в переплавку ветерок.
Две утки низко над водой летят.
Им не до нас: мир ждёт от них утят.

3 августа 1983. Погорелка

АНТИБАСНЯ

Тарантул как-то раз,
Танцуя тарантеллу,
Увидел Эллу.
(Бог его не спас!)
И мне рассказывал Пегас...

Нет, лучше сразу ближе к делу:
Танцор тот навсегда пропал для нас,
Мораль сей басни столь непостижима,
Что лучше уж пройти тихонько мимо.

24 августа 1983. Погорелка

МУДРОСТЬ

Э.

Не для того ли нам сознание служит,
Хоть опыт наш почти универсам,
Чтоб мудрости убийственная стужа
Вернула равновесие весам.

Душевные порывы укрощая,
Приветствуя игру наверняка,
То усложняя всё, то упрощая
Кивала мудрость нам издалека.

Прельщала, а души не иссушила,
Не приглушила горькие слова.
Я знаю, что она непогрешима.
Но я не верю, что она права.

10 октября 1983. Москва

Юнне Мориц

Она волхвует, шепчет, ворожит
Порой до ослепленья неумело.
Пусть. Пустяки. Ну разве в этом дело?
За ней Анубис по снегам бежит.

И сфинкс во сне в глаза её глядит
(Что видит в них? Что угадать боится?).

И Феникс, неошипанная птица,
В огонь её беспамятства летит.

Свершений и утрат водоворот,
Обвал обид и разочарований...
И тучный пепел от сожжённой дряни,
Окутавший созревший небосвод.

Она заклятье силится сложить
Из тех осколков, что застряли в теле,
И вспомнить песни, что русалки пели,
Когда по-бабьи им случалось жить.

А время словно пена за кормой
Плывущего в нейтральных водах века
Клубится и доносит голос грека
Беспутного: – Вернись, вернись домой! –

20 октября 1983. Москва

В голове сумятица,
На душе распутица.
Дел колёса катятся,
Вал желаний крутится.

Словно в невесомости
Нынче вольной волею
«Низкое», «высокое»
Лишь слова, не более.

Небо над Россиею
Расколола молния.
Позади – бессилие,
Впереди – безмолвие.

20 октября 1983. Москва

ИГРА ПРИРОДЫ

Эрота карта бита:
Сатирам в назиданье
Гермес и Афродита
Слились в одном созданыи.

Такому обороту
Дивятся простофили.
Им ясности охота,
Чтоб чётко – или... или...

Но в глубине уродства
Гермафродита личность
При мелких неудобствах
Ужасно гармонична.

7 ноября 1983. Москва

НЕБЫЛИЦА

Не скажу, что век наш мною понят
(И ему ведь не понять меня!),
Но нередко, тишиной приподнят,
Созерцал я свет бывшего дня.

Пусть порой он отстранялся даже –
Возвращался взглядом и строкой
Совершенно летнего пейзажа
Двуедино-выпуклый покой.

Пусть терялся он в слепой мороке,
Уходил за тридевять тревог,
Но лишь только набухали кроки,
Вновь земной переступал порог;

Заполнял пространство обретенья,
Размывал огранку бытия,

И легко скользят за сонной тенью,
Исчезал, как, может быть, и я.

Я ли в нём, во мне ли он гнездится,
Только этот сплав нерасторжим.
Прошлое, возможно, небылица,
Но оно не может стать чужим.

16 декабря 1983. Москва

ЗИМА

Слегка припушила конец декабря,
Припудрила, припорошила.
Покой незаслуженный душам даря,
Быть щедрой на диво решила.

Прикрыла сияющим пухом рубцы,
Огрехи, просчёты, улики;
Изгнала из памяти строчек столбцы
И планов зловещие блики.

Навевала силой своей колдовской
Блаженное преображенье,
Слизнула разлад и разброд городской,
Внесла просветлённость в движенье.

Пусть нас обволакивает белизна
Безгрешною ложью иллюзий.
В природе и ложь (даже ложь!) не грязна
И с высшею правдой в союзе.

29 декабря 1983. Москва

МУЗА

Я думаю, что мне она верна,
Хоть верности я, право, не достоин:
И в принципах есть несколько пробоин,
И речь моя порой была темна.

Конечно, я любил её всегда,
Был неизменно рад её приходу,
Однажды посвятил ей даже оду
(Конец забыл, но это не беда).

Нет, бескорыстно я привязан к ней,
Точнее, не вполне эгоистично,
(К чему лукавить? Это неприлично,
Притом в признаньях фальшь всего видней).

Она на помощь приходила мне,
Баюкала меня и исцеляла,
У изголовья моего стояла,
Плясала саламандрою в огне.

Я с нею напрочь забывал беду,
И начисто утрачивал бессилье,
И мне она протягивала крылья,
И зажигала надо мной звезду.

Она шептала: – Ты избранник мой.
Не уклоняйся от предназначенья,
Не постигая слов моих значенья,
Ты всё же следуй радостно за мной. –

И я бросался в солнечный полёт,
Я знал ещё у самого истока:
Она меня любовно и жестоко
Над собственным сомненьем вознесёт.

29 декабря 1983. Москва

НЕ В БРОВЬ, А... В ЛОБ

Б. Окуджаве

Давайте в жизни покорять
Одни лишь горные вершины.
Ведь мы же всё-таки мужчины,
Обидно это повторять.

Давайте верить в красоту
И в чистоту, и в силу света
Ведь нам для счастья нужно это.
Не предавайте высоту!

Давайте вспомним те слова,
Что выпали из обихода.
Ведь не прощает жизнь отхода
От веры и она права.

Давайте резко разделять,
Что в жизни высоко, что низко.
Ведь надо не бояться риска,
Чтобы себя не потерять.

30 декабря 1983. Москва

НАЧАЛО

Я января в себе не ощутил.
Муть. Неопределённости доука.
Глухая слякоть. Рахитичность звука.
Разлад с круговращением светил.

Расслабленность. Забыты хруст и звон.
Нет стужи, что рождает напряженье.
И нет ещё весеннего броженья,
В котором накапливается озон.

А между тем, проказник Новый год
Уже шныряет по окрестным душам,
Слегка омытым беззаконным душем,
Открывшим безалаберность погод.

А ну, зима, яви-ка норов свой,
Вплетая нас в морозные узоры!
Пусть зрелый иней зажигает взоры,
И в путь зовёт свирепой вьюги вой.

2 января 1984. Москва

Мне сегодня чужое всё здешнее.
Даже тьма ничего не напомнила.
Голова, как гнездо опустевшее,
Тишиной безответной наполнена.

Уползла за экран телевизора
Злободневности хваткой сумятица.
В тишину, словно в колбу провизора,
Капли сока целебного катятся.

То ли звёздный настой, то ли вытяжка
Из густого сияния лунного,
То ли горькая смесь из небывшего
И чего-то надёжно-чугунного.

Ночь дотошного света сторонится,
Но во тьме ворошит всё, что минуло.
Хорошо, что колдунья-бессонница
На меня ещё сеть не накинула.

5 января 1984. Москва

НОЧЬ

Опять Луна отчалила от пристани,
В глухую ночь с товаром поплыла.
И тают звёзды золотыми искрами
Над сонной гладью, что белым бела.

Струится время дуновеньем облачным,
Земля глядится в зеркало Луны.
А где-то за околицею полночи
Немеют обретений валуны.

Ночной покой смягчает очертания,
Формует сны из маяты дневной,
Подписывая акты сочетания,
Итожа все победы до одной.

Плывёт Луна по звёздам, обозначенным,
Определяя бесконечный путь
И пишутся людские судьбы начерно,
Чтоб гулким прошлым стать когда-нибудь.

7 января 1984. Москва

НОЧЬ

Э.

Распушилась полночь веточкой вербной,
Вниз Луна глядит принцессой наследною.
Для кого-то эта ночь будет первой,
Для кого-то она станет последнею.

А для нас двоих тиха и приветлива
Задушевного покоя разносчица.
И Луна, что так на лица приметлива,
На добро всегда щедра, полуночица.

Ночь от неба до земли мир заполнила
И надежды и мечты в сны закутала.
Очень мало она сказок запомнила.
Что запомнила, и то перепутала.

И поэтому снега замуравлены,
И в квартире назревает распутица,
И туманы прошлых лет стали равными
Тем цветам, что только в мае распустятся.

8 января 1984. Москва

Бес силён, а я бессилен.
Одолей врага попробуй!
Я его – добром и стилем,
Он меня – рублём и злобой.

Прицепился окаянный,
Славной тешится добычей.
Хвалит стих мой покаянный
(Уж таков у них обычай!).

Дразнит россыпью сомнений,
Манит сладостью обманной,
Ты, мурлычет, – здешний гений.
В том клянусь небесной манной. –

Мне бы этого балбеса
Гнать до самой преисподней.
Нет в словах бесовских веса,
Сходен чёрт с бесстыжей сводней.

Разбавляет понемножку
Кровь (а кровь была густа ведь!),
Норовит подставить ножку,
На пути капкан поставить.

Отгоняю прочь прохвоста,
Да уж больно ненадолго.
Сохранить в себе непросто
Всё своё плюс чувство долга.

9 января 1984. Москва

ЯСНОСТЬ

Все грани года отражают свет,
Накопленный природой-чаровницей,
И всё-таки поры прелестней нет
Весны, животворящей наши лица.

Она не прячет взгляда своего,
Что жаром ожидания окрашен.
Чудесно предвкушенье и того,
Что может обмануть надежды наши.

Преображенья знамя развернуть
Доверили ей звезды и планеты,
Пунктиром намечая светлый путь
И расставляя зыбкие приметы.

Гляжу на абрис воздуха в цвету,
Сам словно отстранён от увяданья,
И душу поражает на лету
Пронзительная ясность мирозданья.

9 января 1984. Москва

Оглянусь на двадцатый век –
Всё родное и всё чужое.
Захмелевших идей разбег...
Веских планов замах тяжёлый...

Зла державная пустота
В пёстрых перьях плакатной прозы,
Осенившая неспроста
Наши штили и наши грозы.

В гипнотическом полусне
Мы проходим свой путь по кругу,
Скачем тенями на стене,
Несущественные друг другу.

Всё за нас решено без нас,
Впрочем, даже не в этом дело.
Мир творится на этот раз
Слишком смело и неумело.

16 января 1984. Москва

Вон звёзды выцвели и стали грустными.
Никак печалются в земном служении,
Что Русь припрятали скиты да пустыни,
А сами сгнули в стальном кружении.

Кукушка отдана в обмен за ястреба,
Пути распаханы, концы обрублены.
То град просыплется к нам с неба ясного,
То нелюдь вымерший вдруг щёлкнет зубьями.

Но это в сущности сплошные мелочи.
Ритм современности – мандат столетия.
И души вертятся в глуши по-беличьи
И натываются на междометия.

Не жизнь, а малая энциклопедия.
Где был родник, теперь – источник знания.
А что мне формулы? Горяч в беседе я.
Положь мне истину в фундамент здания.

Но наши верхние – народ подкованный.
Уж им-то ведомо, куда вырुливать,
Хотя, конечно, ход вполне рискованный
Ракету шустрюю подкарауливать.

23 января 1984. Москва

Мы теснимся в мясорубке соцпрогресса,
Утешаемся тишком словесным блюдом.
В нашей речи много шума, мало веса,
И – соборное мычание под спудом.

Наши песни головёшками пожараиц
Догорают по лещинам и оврагам.
Ой ты гей еси, ответственный товарищ,
Отвечай нам, для чего ты машешь флагом.

Нам такая фанаберия некстати.
Ты – иная статья: ты в чине и в законе.
Но кому судьба домой вернуться с рати,
Не узнать и у самой судьбы-тихони.

В небе спутники безмолвия толпятся,
На земле вальжно зреют злые злаки.
Вникли граждане в газеты, словно в святцы,
По стене ползут магические знаки.

23 января 1984. Москва

Вселенная при всём размахе
Непритязательно проста,
Хоть мы глядим порою в страхе
На взмах кометного хвоста.

Заносчивые чрезвычайно,
Плодов познания рабы,
Мы силится проникнуть в тайну
Её рожденья и судьбы.
В сетях космических загадок
Всегда внушителен улов,
А отблеск истины так сладок,
Что в нём увязли корни слов.
Вселенная, являя чудо
Гармонии простейших сил,
Не допускает нас покуда
В сообщество Больших Светил.
Но и красот своих не прячет
От полонённых глубиной глаз.
Вселенная ясна для зрячих
И силой возвышает нас.
Глядим, блаженствуем, гадаем,
Своей причастностью горды;
Решить пытаемся годами,
Нужны ли истине горбы.
Всё выглядит умно и мило,
Лишь, недоступные пока,
Номенклатурные светила
Глядят на землю свысока.

24 января 1984. Москва

Чудесные явления –
Залог оздоровления
Духовного, телесного,
Глобального и местного.

Но наши достижения –
Рассадники брожения

С трясиной непролазною
И тлѣй многообразною.

Вот стали мы крылатыми,
А заблудились в атоме,
Ища пути надёжного
В границах невозможного.

Какое было б счастье
Не принимать участия!
Мол, без меня, почтенные,
Дела творите тленные.

Ох, трудно приспособиться,
Чтоб напрочь обособиться!
И все же хоть отчасти я
Без общего причастия

Живу в своём заказнике,
Свои справляю праздники.
И погрязая в лени я
На грани просветления.

28 января 1984. Москва

Да нет, не так уж рыбы молчаливы.
Я различаю рыбы голоса,
Я слышу в них приливы и отливы,
В них ветер свищет и шумят леса.

Мне обе всѣм рассказывают рыбы,
Лишь о себе упорно ни гу-гу.
А ведь поведать многое могли бы,
Пока я здесь стою на берегу.

Но вот не доверяют мне: опасна
Болтливость – я ведь как-никак рыбак.
Хранят секреты рыбы. Им же ясно:
С другими можно, а со мной никак!

28 января 1984. Москва

Вдали от мимолётности сплошной,
Которая за суетность расплата,
Объятая бескрылой тишиной,
Душа порой становится крылата.

Она взлететь пытается туда,
Где неподсудны души власти тела,
Где дел земных слепая ерунда
Обнажена восторгом до предела.

Но эта высь пока не для неё,
Ещё крепки пленительные связи.
И, чувствуя бессилие своё,
Она опять в трясине тела вязнет.

3 февраля 1984. Москва

Не следует винить вино
Во всех житейских катаклизмах,
Поскольку в наших организмах
Преступно не одно оно.

Наносит многое урон
Здоровью тела (духа тоже!),
И наблюдать нельзя без дрожи,
Как зло ползёт со всех сторон.

По сути, ничего нельзя,
А если что-нибудь и можно,
То чрезвычайно осторожно
По краю пропасти скользя.

Куда ни глянь – кругом враги:
Соль, сахар, мясо, воздух, взгляды...
Везде, куда ни сунься, яды –
Спасти? И думать не моги!

Нам остаётся лишь занять...
Нет, нет не денег, их не трону,
А круговую оборону,
Ну, и желанья поунять.

8 февраля 1984. Москва

Иссушали меня труды,
Искушала меня заря.
Были в жизни моей пруды,
Были в жизни моей моря.

Сколько мне и лесов, и рек
Заготовлено было впрок!
Я храню прошлогодний снег
В узких бороздах между строк.

Всё, к чему прикасался взгляд,
Оставляло алмазный след.
Ясен праздников тихих ряд,
Ярок сказочных будней свет.

Я ещё не совсем устал,
Я ещё не вполне остыл.
Может, сдержанней просто стал,
Но и жар сохранил, и пыл.

Пусть мешается с явью сон,
Быль и небыль в себя вобрав.
Я улыбкой встречаю звон
Переполненных ветром трав.

8 февраля 1984. Москва

Заблудиться среди облаков,
Затеряться в пустынях созвездий;
Вдруг увидеть, что мир не таков,
Как его отражение в бездне.

Стать понятливым, жизнь постигать
В нерасчётливых прикосновеньях,
Неприкаянный свет настигать,
Проникая в глубины мгновенья.

Окунуться в студёный поток
Молодых несмышлёных созвучий
И не думать о том, что итог
Подведёт безответственный случай.

Вот и звёзды мне стали близки
В потаённости их соловьиной,
Как сухого цветка лепестки,
Сбережённые книгой старинной.

10 февраля 1984. Москва

Дрейфую у Вселенной на виду,
В удачу попадаю и в беду,
Охочусь безуспешно на деньгу,
Которую настигнуть не могу,
Поскольку за несчётный ряд годов

Не распродал плодов своих трудов.
Однако, несмотря на сей просчёт,
Ручьём журчливым жизнь моя течёт,
Да не в болото – в море-океан,
Что светом всех созвездий осяян.
Переживаю войны и вождей,
Спасаясь от призывов и дождей,
И утоляю жажду иногда
Постигших, что удача, что беда.
Кто говорит, мол, это нищета,
Тот в ценностях не смыслит ни черта.

10 февраля 1984. Москва

Ничто не исчезает,
Поскольку всё в пути,
Что высший смысл дерзает
В движеньи обрести.

Зачем тоска-морока –
Приспешница беды
Спешит сорвать до срока
Незрелые плоды?

Не жди по крайней мере
От истины гонца:
Окружность не имеет
Начала и конца.

22 февраля 1984. Москва

Презрев стриптиз и твист,
И равнодушен к висту,
Что скажет пан теист
Геноссе атеисту?

Какой нажмёт рычаг,
Взрастит какое слово,
Чтоб импульс, что зачах,
Смог возродиться снова?

Двадцатый век зубаст
И тварью перегружен.
Он даром не отдаст
Покой, что душам нужен.

И топчет всё и вся
Он именем прогресса,
Заряд во всё внося,
Что не имеет веса.

Природу возмутив
Прогнозами науки,
Он раздробил мотив
На жалящие звуки.

22 февраля 1984. Москва

НАМЁК

Вопрос – ответ, вопрос – ответ...
Мир упоительно понятен.
А между тем, решений нет,
Есть лишь мерцанье белых пятен.

Земля, вращаясь на оси,
Летит сквозь время и пространство,
Чтоб тёлки или караси
Могли приметить постоянство.

Из года в год, из мрака в мрак,
Под видимостью суть скрывая,
Миры определяет в брак
Непостижимая кривая.

И властно ластится заря
К произвольному томленью,
Обыденность благодаря
За то, что обернулось тенью.

Согреет жизни уголёк
Порывы новых поколений.
Ах жизнь – божественный намёк
На подоплёку всех явлений!

25 февраля 1984. Москва

ДЕНЬ ПОЭЗИИ 83 **(общее впечатление)**

В руки возьмёшь этот праздничный том
Руки опустишь в тоске.
Ну, не чаруют стихи и при том
Грамотность – на волоске.

Внутренний мир нищетою богат,
Внешний – воинственно гол.
Может помог бы ловкач-адвокат,
Да неподкупен глагол.

Ты над строкою, дружок, попотей!
Но – глухари на току –

Тащат творцы стихотворных лаптей
Всякое лыко в строку.

Даром священным не отягощён,
Строчит милочек на авось.
В общем, я бесповоротно смущён
Тем, что прочесть мне пришлось.

27 февраля 1984. Москва

Разбежался по листу и стал в тупик –
Никакого вдохновенного паренья!
Словно выдала колода даму пик,
Одурачивая психику и зреньё.

Ожиданью и рассудку вопреки
Проявилась неподдельная подмена,
И рассыпалась конструкция строки,
И бесплодная вернулась в море пена.

Для печали нет заслуженных причин.
Я на тропке этой просто крест поставил.
В мире символов и мнимых величин
Нет ни божьих, ни людских дорожных правил.

1 марта 1984. Москва

НА ДНЕ

Лежу на дне своей квартиры
Во временные рамки втиснут,
Лежу ядром в стволе мортиры
И с ней веду бессрочный диспут.

Приносят пену волны быта,
Уносят отзвуков отходы,

А что сбылось, то позабыто,
Забито в канувшие годы.

Звезда над крышей колосится,
Луна пылит заёмным светом;
Толкует что-то мне Жар-птица,
А Синей птицы нет при этом...

И горизонт не разомкнётся,
Не распрямится в путь-дорогу,
Чтоб дотянуться до болотца,
Где прячут птицу недотрогу.

Синичек спор, воронья драка –
Всё это в мир волною смыто.
Лежу на дне чужого мрака,
Просеивая свет сквозь сито.

14 марта 1984. Москва

ВСЁ ВПЕРЕДИ

Когда весна ведёт борьбу за мир,
Любимый город может спать спокойно.
Жизнь из-под снега тропкою окольной
Выводит Солнце на Вселенский пир.

Распахивает землю луч сквозной,
Опустошая кладовые марта;
Чудес грядущих контурная карта
Пророчит календарь июльский зной.

Всё впереди: простора разворот,
Разливы гроз, чреватые цветами,
Небесный свод, повитертый местами,
Но души поднимающий в полёт.

И соловьиной трели семена
Взойдут ростками радостной тревоги,
А час придёт – возьмут своё дороги,
Запомнившие наши имена.

14 марта 1984. Москва

Всё это было. Не впервые,
Алмазной россыпью сверкая,
На землю капли дождевые
По солнечным лучам стекают.

Опята луговые бродят
По берегу в хмельном угаре;
По стебелькам, без дела, вроде,
Снуют приземистые твари.

Глядят озимые на полдень,
Топорща рыжие усища.
День сочной свежестью наполнен,
Мир пряной ясностью насыщен.

Остывший сплав души и тела,
Стою, счастливый и смущённый,
И чудится, что нет предела
Гармонии раскрепощённой.

18 марта 1984. Москва

На три измерения ветер деля,
Сквозь дней суету-маяту
Навстречу апрелю несётся Земля,
Оттаивая на лету.

Куда б ты ни шёл, наяву иль во сне,
Грядущего не обойти.
Ведут все дороги сегодня к весне,
И сходятся в ней все пути.

Страдаешь, тоскуешь, успехи горьки,
Надежд иллюзорность ясна...
И вдруг ощутишь, как всему вопреки,
В тебе шевельнулась весна.

21 марта 1984. Москва

Снег уходит во вчера.
К пробуждению мир готов.
Начинается пора
Белокурых облаков.

Начинается разбег
Смутных дум и вешних вод.
Не унёс из будней снег
Ни печалей, ни забот.

Начинается страда
Сотворенья благ земных,
Грязи щедрая руда
Претворится в сладость их.

Начинается пора,
Преломляющая мысль;
Продолжается игра
В жизнь, развёрнутую ввысь.

21 марта 1984. Москва

Не смогу я сообщить вам точной даты,
Но рассказывали мне, что раз, когда-то
Появились неизвестные солдаты
У могилы Неизвестного солдата,

Трое было их. Один уйти из плена
Не сумел живым и сгинул на чужбине –
Тусклый взгляд... седых волос густая пена...
Он пришёл сюда дорогами кружными.

А второй совсем юнец, румян и строен,
Тот, что за невыполнение задачи
Был торжественно расстрелян перед строем,
Потому что на войне нельзя иначе.

Ну а третий, выходя из окруженья,
Окунулся в магаданские просторы,
В край особого на свете положенья,
Где мороз и голод на расправу скоры.

Было тихо как в пустыне или в храме.
Трое в скорбном одиночестве застыли,
Поглядели на негаснущее пламя
И безмолвно растворились в той могиле.

25 марта 1984. Москва

Назло безликому злодею
Веду жестокую игру:
Пропагандирую идею
Непротивления добру.

За истину стою горою
Без всяких шансов на успех;
Зане, лишь только рот открою,
Как у сограждан (враз у всех!)

Шерсть на загривке дыбом встанет,
Потом усмешка рот скривит –
И даже мне тут ясно станет,
Что у меня нездешний вид.

И выдаст нам, в конечном счёте,
Любая ЭВМ ответ:
– Престиж в цене, комфорт в почёте,
На истину же спроса нет.

30 марта 1984. Москва

Вот так из года в год, из жизни в жизнь
Бессмертья эхо катится по душам.
Что ж на посулы тени положишь
И воле провиденья будь послушен.

Вдруг самого себя перехитришь
И обретёшь чего-нибудь такое...
Не зря ж свисают, как сосульки с крыш,
Лучи с высот небесного покоя.

Стремленье звёздный ребус разгадать
Никчемная доука и морока.
Неведенье... Какая благодать
Не ведать неизбежного до срока!

Но как бы ни был горизонт далёк,
Надежда осязаемо трёхмерна.
На тёплом камне замер мотылёк,
О вечности задумался, наверно.

4 апреля 1984. Москва

Закончился подспудный отдых.
В свои права вступили воды.
Я вновь присутствую при родах
Раскрепощения природы.

Торжественно и вдохновенно
Творится таинство творенья,
И свежесть столь проникновенна,
Что уясняет настроенье.

Страхнувши оторопь заснежья,
Земля уже годится в дело
И грязь её как шерсть медвежья,
Оберегающая тело.

Уже над прошлогодней прелью
Травинки кое-где живые
Игриво ластятся к апрелю
И всё для них сейчас впервые.

7 апреля 1984. Москва

Всё-таки весной происходит
Нечто, неподвластное уму,
И на души благодать нисходит,
Утаив зачем и почему.

Вдруг осознаёшь себя частицей
Сочной поднебесной красоты.
Хочется в пространстве раствориться,
Влиться в солнце, травы и цветы.

Отступает в тень наставник-разум,
Посрамлённый воздухом хмельным,
Словно бы смахнул куда-то разом
Свежий ветер и туман, и дым.

Пусть подобно миражу в пустыне
Иллюзорна эта благодать,
Жизнь с её уловками простыми
Нам спешит урок бесценный дать.

Я-то воспринял его и скоро,
Окрылённый пухом тополей,
Брошусь в обрусевшие просторы
Непутёвой Родины моей.

8 апреля 1984. Москва

Вожди, когда завождеуют
К высоким атрибутам власти,
Ни средств, ни целей не жалеют
На освящение напасти.

Они преследуют к тому же
Насквозь возвышенные цели,
Клянясь, что нам не будет хуже,
Чем было, в сущности, доселе.

Мы в воду, не спросивши броду,
Суёмся, что никак не гоже:
Вожди обходятся народу
Простых царей куда дороже!

25 апреля 1984. Москва

Животные двуногие умнее, чем двурогие.
Поэтому двуногие двурогими питаются.
Хоть это не этично, однако лишь немногие
Ведут себя прилично, живут, как полагается.

Когда-инбудь устроится всё в мире этом к лучшему
И люди будут радостно пастись в лугах с коровами
Без всякого стремления к питанью злополучному,
И сразу станут люди не злыми и здоровыми.

Все козы и бараны, коровы и олени,
Наверно, поумнеют, не захотят бодаться...
Одно меня смущает при этой перемене:
А вдруг начнут двурогие двуногими питаться?!

27 мая 1984

Тают где-то за кромкою дня
Монотонно бетонные тени.
Что-то ладно кроит из меня
Чудотворная сила сирени.

А черёмухи светлый привет
Завораживает и возносит
И, конечно, при этом в ответ
Ничего, как обычно, не просит.

И, чтоб вник в потаённую суть,
(Равнодушный природе несносен!)
Озаряют открывшийся путь
Канделябры возвышенных сосен.

29 мая 1984. Погорелка

Норд-Ост. Понятно, рыба не клюёт,
Согласно всем инструкциям известным.
С чего бы это славным рыбам местным
Всё делать вопреки, наоборот?!

Итак, притихла рыба, ни гу-гу.
Не суйся ни с червями, ни с горохом.
И это до того морально плохо,
Что выразить рельефно не могу.

Хандрит листва, в природе неуют.
Да и дары её пока – для глаза.
Лишь провода гудят, как струны саза,
Да, подключаясь, ласточки поют.

Поют... А, может, это только мы
Воспринимаем столь тенденциозно
Их голоса. Однако слишком поздно
По-птичьи перестраивать умы.

Депрессия. Печаль. Остывший взгляд.
Отгалкивание под знаком «ретро»...
А вся проблема – перемена ветра.
Пустяк. Но пустяки-то нас и злят.

3 июня 1984. Погорелка

Когда укомплектована душа
Непостижимым сочетаньем соков,
И тело, встречным временем дыша,
Парит в душе, как в поднебесье сокол,

Не думаешь о том, что прах и тлен
Всё то, к чему привязан и прикован.
С надеждой ожидаешь перемен.
Забыв о том, что этот ход рискован.

Пусть струйка, что журчит, едва сочась,
На час, на миг вскипит нетерпеливо.
Потом отлив настанет, а сейчас
Отдай всего себя волне прилива.

3 июня 1984. Погорелка

Дорог в мире много.
Кто знает, какая верней?
Чем шире дорога,
Тем больше обманного в ней.

Идут по приметам,
Востря напряжённую мысль,
Искатели Света,
Чей путь устремляется ввысь.

По плоскости полдня
Пунктиром легла на века
Тропа, что проходит
Под радугой сквозь облака.

4 июня 1984. Погорелка

О КОМАРАХ

Не помню уж с какой поры,
Но мне враждебны комары.
Зверею я от мошкары
И прочей гнусной твари.
Лужком спешишь к реке чуть свет,
А уж от них проходу нет.
На всё идут во цвете лет
В бесчувственном угаре.

Их истреблял я сколько мог,
Но был их жертвой – видит Бог!
Они мне ухудшали слог,
В отчаянье вгоняя.
Впивались в уши, в нос и в лоб...
Я б маму их упрятал в гроб!
Да ведь земля без них давно б
Имела статус Рая!

6 июня 1984. Погорелка

Спой мне песню, сирень, о проказах весёлого Пана,
Спой мне песни его: ты-то знаешь их, верно, не мало.
Я пришёл к тебе так, не имея ни цели, ни плана.
Я гляжу на тебя простодушно, светло и устало.

Мне печали свои поверяла слезливая ива,
Знаю песни берёз, мне и сосны о многом пропели.
Но со мною сирень неизменно была молчалива,
Я в руках никогда не держал из сирени свирели.

Мифы – вымерший мир. В нём давно не шумят новосёлы.
Не уносится взгляд в златорунные дни то и дело.
Под окном у меня суетятся соседские пчёлы.
А сирень отцвела и ни песни о прошлом не спела.

6 июня 1984. Погорелка

Э.

Лазутчик вездесущих перемен
Скользит по эмпиреям ожидания.
Хотел бы я узнать, чего взамен
Подносится мне ясность мироздания.

Живёт река. Лаская слух и взгляд,
Торопится вода к размытой цели.
И так ей впору солнечный наряд,
Который чайки на неё надели!

Движение – природа бытия.
В нём смысл и цель всего хитросплетенья.
В его потоке бьётся жизнь моя,
Клеймёная стигматами смятенья.

А луч пронзает времени волну
Навылет и нанизывает блики.
Все тени он сольёт сейчас в одну,
И станут все миры равновелики.

Однако я ищу в пространстве след
Мгновенья, словно в этом суть разлада.
Рожь колосится, а тебя всё нет.
Ты есть, конечно, но не там, где надо.

7 июня 1984. Погорелка

Мой карандаш стал ревновать бумагу,
Стал с ней до неприличья неразлучен.
Мне сей расклад, как ревизор завмагу,
Но я привык довольствоваться лучшим.

Терплю. Лишь избегаю вдохновенья
(Вдохнёшь, пожалуй не того эфира!),
Пытаю мимолётное мгновенье
О тем, о сём да о недугах мира.

А карандаш с бумагой в ритме странном
Вальсируют, спеша навстречу стрессам,
И я слежу за пылким их романом
С испуганным, но жадным интересом.

8 июня 1984. Погорелка

ДЕРЕВНЯ

От магистральной славы вдалеке,
Не существующая для кого-то,
Она живёт в пространстве и во мне,
Увязшая в земных своих заботах.

У нас в деревне солнечный костёр
Горит над речкой, и до дальней дали
Легко распространяется простор
По вертикали и горизонтали.

Деревня... искушение моё,
Мой Новый свет, награда и отрада.
А я-то жил полвека без неё,
За годом год, как будто, так и надо!

8 июня 1984. Погорелка

Не знаю, что зовётся нынче счастьем,
Но словом измеряя свой надел,
Я в небо, отягчённое ненастьем,
Спокойно и доверчиво глядел.

Превозмогал обиду на Фемиду,
Воспринимал реальность изнутри
И никогда не упускал из виду,
Что дважды два бывает где-то три.

Не знаю, где мой край приткнётся к Раю
И не спешу границу пересечь.
А счастлив лично я, когда играю
Да на излом испытываю речь.

9 июня 1984. Погорелка

Ласточки, откуда вы, из детства
Моего? Из юности земной?
Я гляжу, не в силах наглядеться,
Сам не понимая, что со мной.

Как же вы стремительно упруги,
Как предельно лёгок ваш полёт!
Он сродни раскрепощённой фуге,
Что забыть о вечном не даёт.

Для чего явились вы? Откуда?
Что вы: образец или каприз?
Ласточки, летающее чудо,
Совершенства зримого эскиз.

13 июня 1984. Погорелка

Э

Живу я в полусне,
Виденьями согрет.
Влюбляюсь по весне
В животворящий свет.

Доверился судьбе,
Сук под собой рубя,
Всё лучшее – тебе,
Включая и себя.

Какой уж тут расчёт! –
Сплошной безумный риск,
Что на глазах растёт,
Готовя встречный иск.

Попробуй приголубь
Всё то, что не в чести!
Но свет уходит вглубь,
Чтоб верой прорасти.

Но свет уносит взгляд
За тридевять слоёв,
Где вспышки молний длят
Мерцание твоё.

15 июня 1984. Погорелка

Томленье духа, прозябанье тела...
Тоскливое мычанье лезет в окна.
Небесность воссиять не захотела,
И лета репутация подмокла.

Июню бы к лицу побольше блеска
(И мне бы рикошетом перепало!).
О чём-то с ветром спорит занавеска,
Но этого для воспаренья мало.

А всё-таки покой и щебет птичий,
И мир при том на части не дробится,
И день-то сам не столь косноязычен,
Как там, в экс-белокаменной, в столице.

Пусть на душе безрыбно и уныло,
Чай заварю водою из колодца...
А лето что ж, оно лишь входит в силу,
Которая и в нас ещё вольётся.

17 июня 1984. Погорелка

КУДА НИ КИНЬ...

Страх гнетёт весь мир огромный:
Там война, тут мир не прочен...
Мой комар единокровный
Тоже страшно озабочен.

Звон его тоскливо-тонкий
Полчаса сверлит мне душу.
Верно, чувствует печёнкой,
Что я жизнь его порушу.

Видно, демон беспокойства
Угнезвился в нём незримо
И привил злодею свойство
Пролетать с опаской мимо.

Дождается тревожно,
Чтоб во сне в меня вцепиться.
Но заснуть и невозможно,
А засну – кошмар приснится.

Так прохвост, во тьме летая,
Нервы исподволь мотает.
Ситуация такая
Напряжённость нагнетает.

Я казнил его за дерзость.
Подстерёг. Не в этом дело.
Но какая ж микро мерзость
Бросить вызов мне посмела!

Лихорадит мир от стрессов.
Терроризм превысил меру.
Столкновение интересов
Отравляет атмосферу.

19 июня 1984. Погорелка

На лес гляжу и древопись читаю,
И внятны мне монументальный слог.
И мысль сосны доступна мне литая,
И строгость ели осознать я смог.

Мне суть ясна берёзы и осины,
Я повесть ивы знаю наизусть.
И даже в печке голос древесины
То радость оживит во мне, то грусть.

Вот мы живём всё лето по соседству.
Один, без них не провожу ни дня.
И от вопроса никуда не деться:
А что они-то знают про меня?

21 июня 1984. Погорелка

Не то чтобы тоска, а всё же тянет выть.
Чего-то для восторга не хватает.
То туча не уходит и не тает,
То застилает свет воронья пруть.

Не то чтобы пробел, а всё же недобор.
За что-то не словчилось зацепиться.
Ворона что ж, ворона только птица,
Ей лишь бы взгромоздиться на забор.

Не то чтобы года, а всё же счёт велик.
О чём-то шелестят сомнений тени.
А туча что ж, ей входа нет и в сени,
Знать, злой микроб в сознание проник.

21 июня 1984. Погорелка

Когда бросая бодрый клич
(А между тем готова вычет),
Безграмотный вельможный хрыч
Невразумительно талдычит

О славной серии побед
И достижений эпохальных,
При всех намереньях похвальных
Напастей новых жди и бед.

Народ весьма смущён, зане
Он по уши увяз в успехах.
О гордых размышляя веках,
Скорблю. А что Гекуба мне?!

22 июня 1984. Погорелка

Среди прагматической чуши,
Чья сила пуста и мгновенна,
Горят ещё певчие души,
Живущие самозабвенно.

Я, зная удел свой, сегодня
Тону в недовольстве собою,
Но ими над миром приподнят,
В который вштампован судьбою.

Порою бессмыслица дразнит,
Отрезав пути для спасенья,
Но встречей даруется праздник,
Прозрения и воскресенья.

Я душу, открытую свету,
Чья щедрость всегда бескорыстна,
Давно ощутил как примету
Какого-то высшего смысла.

Мирскому суду не подсудна
Она, окрылённая песней,
В ней истина зреет подспудно.
Не быть ей ни тёмной, ни тесной.

Её ль обезличить, живую?!
(Такие и в пекле спасли бы!).
За то, что ещё существую,
Вам, певчие души, спасибо!

22 июня 1984. Погорелка

А воды в реке опять знатно прибыло.
То-то рыба не клюёт, привередница.
Ох, беда и срамота с этой рыбою:
На погоду, как и я, верно, сердится.

Разболтали Космос – вот и последствия.
Рыба тоже ведь по-рыбьему умная.
У неё своё во всём соответствие,
Рыба тоже не хвостом думу думает!

Вот июнь уже к закату направился,
А в проблеме не видать просветления.
Только, может, нынче так полагается –
У природы есть на всё свои мнения.

Вообще же все мне симпатизируют.
Рыбки нету – перебьюсь кашей рисовой.
Вон в окне деревья сигнализируют,
Мол, сиди пока в доме и пописывай.

24 июня 1984. Погорелка

Эти тучи, ливнем полные,
И не вычерпать до дна.
Даль, надломленная молнией,
Ты срастёшься ль до темна?

Небеса к земле приблизились,
Видно, слиться с ней хотят,
И вникает в эту ливнепись
Неприкаянный мой взгляд.

Взгляда ливни не изранили.
Будет высь, всему свой срок.
В рыхлой памяти застрянет ли
Острой молнии кусок?

26 июня 1984

Старик Харон на личность не глядит.
Причалит, примет груз и оттолкнётся
От берега, где живность остается,
Довольно неприглядная на вид.

Харон давно к молчанию привык.
Он любопытством не грешил от века.
Он попросту глядит сквозь человека,
Сквозь траченный тоской душевный лик.

Из века в век удел его таков,
И кругозор его предельно узок.
Меж двух несовместимых берегов
Скользит бесшумно лодка с лёгким грузом.

1 июля 1984

Привычной тропой иду не спеша.
До Спасского долго ль идти налегке?
Развёрнута в полный разлёт душа,
И близится длящееся вдалеке.

Я свежести рад, и безмолвию рад.
Природа густеет со всех сторон.
Шиповника розовый аромат
Меня безотказно берёт в полон.

Сквозь рожь да в овраг и опять сквозь рожь.
А слева дорога, а справа река.
Вот кажется так по тропе и взойдёшь
На непостижимые облака.

Уже от земли отделился совсем...
Но тут приземляет меня двойник:
– Очнись, облака существуют затем,
Чтоб мы бескорыстно глядели на них.

11 июля 1984. Погорелка

Вчера я том стихов открыл...
Листай его хоть до утра ты –
Пейзаж строфический уныл,
Находок нет, одни утраты.

И материал стиха размяк,
И мысли весом не богаты,
сплошной словесный порожняк:
Ни для души, ни для цитаты!

Что говорить о чудесах!
Ни мастерства, ни вдохновенья.
Творец – колёсико в часах,
Функциональное явление.

Закрыл я этот важный том
Не без безжалостного вздоха.
Однако же при всём при том,
И в нём отражена эпоха.

14 июля 1984. Погорелка

Стою я посредине лета,
Взгляд запускаю ввысь как змея,
А мысли заблудились где-то,
Ориентиров не имея.

И неосмысленное время
В немыслимом разноголосье
Струится над путями всеми,
Ведущими из «прежде» в «после».

Поток его впадает в реку,
Что, души наши омывая,
Спешит, как правоверный в Мекку,
Туда, где зреет явь живая.

От мяты, дягиля и тмина
Возносится Земли дыханье,
В котором серебрятся дивно
Мелодии благоуханья.

Мир, что в одном вместился слоге –
Сплав умноженья и сложенья,
Где скрыть пытаются дороги
Абсурдность всякого движенья.

Июль 1984. Погорелка

КРЕСТОНОСЦЫ

Как много их, несущих тяжкий крест,
Согнувшихся под бременем невзгод;
Вею жизнь их давит прогрессивный пресс,
Наращивая мощь из года в год.

Сквозь брань и смех и пересудов суд,
Покуда мрак свечи не погасил,
Они свой крест безропотно несут –
Хватило б только человеческих сил.

Господь их терпеливых награди
Не в этой жизни, в светозарной, той...
Ну, и тебя, конечно, на груди
Носящую свой крестик золотой.

12 октября 1984. Москва

ДВА ГРАДА

Привычный облик мил и дорог,
Но радости мгновенья кратки.

Мне чужд глухой бетонный город:
Мой гулкий мир – кирпичной кладки.
В нём бродят медленные тени
Тех вех, что канули в бессмертье,
В дожди, в дыхание растений
(С бетоном это соразмерьте!).
Здесь прошлое, кристаллизуясь,
На бренном фоне проступает.
Футляры площадей и улиц
Хранят в своих глубинах память
О людях, что оделись в мрамор,
Наряды сбросив и оковы,
О рыцарях тюремных камер,
Презревших бытия основы,
О страстотерпцах и героях,
О фантазёрах и пророках,
Чей жар мы ощутим порою
В отлитых из надежды строках.
Мой век не лучше и не хуже
Иных, но не о том ли вздохи,
Что, наши города утюжа,
Бетон стал символом эпохи?

11 ноября 1984. Москва

Пыльных лет не итожу –
На дорогу гляжу.
Севших в лужу и в ложу
Стороной обхожу.

Я для времени труден,
Так как, слава Труду,
Трибунально подсуден
Своему лишь суду!

Цену зная расценкам
На дела и слова,
Вижу ценное в цельном –
знать, звезда такова.

Вник и в радость и в грусть я
Досконально, кажись...
От истоков до устья
Расстояние – жизнь.

14 ноября 1984. Москва

УТРО В ДЕКАБРЕ

Суетится под рябиною синица.
Всё вокруг в сиянье матовое слито.
Мягкий снег на утро тихое ложится,
Словно облако просеивает сито.

Сквозь оконное стекло мне ясно видно,
Как у градусника на исходе года
Потеплело на душе, но разве дивно,
Что расслабилась декабрьская погода?

И в расхлябанности тающего снега,
И во влажности наземного простора
Есть какая-то раздумчивая нега,
Что надежде, тем не менее, опора.

Пусть нелепость белизну растопчет в луже,
Невесомы поражения и победы.
То распустит узел жизнь, то стянет туже...
Белый свет клюют синички непоседы.

25 декабря 1984. Москва

Э.

Жить... Что может быть ясней и проще
В мире, окольцованном веками?
Ветер перелистывает рощи,
В летопись зелёную вникая.

Солнце улучшает атмосферу,
Землю нянчит и зерно лелеет.
Хоть царит, а соблюдает меру.
От чего и жизнь ещё милее.

Нет, не мудрецы в покоях мрачных
Гнили, над ретортами колдуя.
Вечно тень безумия маячит
В их глазах, и вижу в том беду я.

Цельность... Все иные ложны цели.
Ценность Мирозданья непреложна.
Жить... Ах, что за чудо эти ели!
Видишь, их рукой коснуться можно!

25 января 1985. Братцево

Э.

Не ищи созвучий в зимах прежних.
Ясно ведь уже и без того,
Что сама земля сейчас подснежник,
Чутко ждущий часа своего.

Впереди февральские метели,
Кружево слепящей белизны;
Фениксы ещё не прилетели,
Не пылает звонко ствол сосны.

Солнце до поры скрывает чары.
Подожди, на вираже крутом.
В нас весна пробьёт ледок сначала,
А ручьи погонит вскачь потом.

27 января 1985. Братцево

Из холла доносятся всплески Шопена
И логики детской стремительный лепет.
Летят эти звуки сквозь двери и стены
В сознание и в нём замирают, как в склепе.

И вновь тишина предлагает на выбор
Любые коллизии, темы и сметы,
И век утверждает, что всё тебе выдал,
Чтоб ты разобрался и кто ты, и где ты.

Твори, пробирайся к вершинам на ощупь,
Отыскивай то, что само тебя метит,
Другим оставляя задачи попроще,
Рискуй, как рискуют поэты и дети.

И если жестоких даров ты достоин,
Замешивай круто словесное тесто.
Пусть справа ты циник, а слева ты стоик,
Поэзии в школьной риторике тесно.

Озоном дыши, упивайся простором.
Мгновенья цветок лепестки раскрывает.
Ты миром по праву владеешь, в котором
Свет выведет к цели любая кривая.

Гляди на него с изумленьем во взоре,
Готовый всему удивляться на свете.
Забудь о докучливом будничном соре,
Но помни, что ты перед Словом в ответе.

27 января 1985. Братцево

ЗАЩИТА МИРА

Вы надежд моих под корень не рубите,
Проповедники воинствующих сект.
Мне наемдни повстречался на орбите
Неопознанный Летающий субъект.

Мы ему казались, верно, жидким прахом,
Так мелки – не подберёшь цензурных слов.
Ну, а сам-то он крылом играл с размахом
От Курильских до Антильских островов.

Подмигнул он мне ужасно светлым глазом –
Это явно был привет из глубины,
Мол, не бойся и на наш надейся разум,
Не допустим всеобъемлющей войны!

Мы, мол, видим эти ваши шуры-муры,
Дескать, нас вокруг идей не обведёшь,
Мы такую наведём вам политику,
Что подхватит нашу песню молодёжь.

Я проснулся, прямо скажем, на подъёме.
Страх куда-то безвозмездно отлетел.
Я отныне никому не верю, кроме
Защищающих наш мир небесных тел.

5 февраля 1985. Москва

К ПАРИЖСКОМУ ФОТОПОРТРЕТУ
М. ЦВЕТАЕВОЙ

Неустрасимый взор.
Неукротимый дар.
Судьба – сплошной укор,
Поэзия – удар.

Всей радостью – за Ад,
Всей жизнью – за игру.
Со всеми – невпопад,
Везде – не ко двору.

От пламени смугла.
От нежности бела.
Как мало взять смогла!
Как много отдала!

10 февраля 1985. Москва

СОН

Ночь стряхивала звёзды в чёрный пруд,
Печь пряла животворное начало.
Но нечто, оформлявшееся тут,
Совсем не то, что надо, означало.
Увидел я, как рухнула свеча,
Крича безгласно о лихом несчастье,
И властный блеск раскосого луча
Рассёк единство мира на две части.
В пустыне мрака новый день возник,
Осуществился на тревожной ноте;
Не детской вашей робости двойник
И всё же тот, которого вы ждёте.

25 марта 1985. Москва

Доброта и мудрость – сёстры сводные.
Жизнь свела и смерть не развела.
Блекнут в свете их идеи модные
И мельчают крупные дела.

Остальное всё не настоящее –
Мельтешенье мнимых величин.
Превосходством над пещерным пращуром
Мы, порой, гордимся без причин.

Тычемся в гнилые топи сослепу,
За звезду хватаемся не ту,
И самих себя сживаем со свету,
Мудрость растоптав и доброту.

26 мая 1985. Погорелка

НА ВЕСЕННЕМ ПЕРЕКРЁСТКЕ

Чтоб не одуреть от скуки,
Карандаш беру я в руки
И записываю звуки,
Их осмыслив кое-как.

Получается неплохо,
Различается эпоха,
Отсвет взгляда, оттиск вдоха,
Путевой лукавый знак.

Я лежу на перекрёстке,
Где скрестились отголоски
И стремительные блёстки
(Вот Мичурин был бы рад!).

Время сжато до предела?
Ну, а мне какое дело!

Мне звезда в глаза глядела
Не затем, чтоб ввергнуть в Ад.

Вот весна опять мурлычет
(А ведь что весна, то вычет!).
Сердце снова радость кличет,
А ведь знает, что к чему!

Возрожденчества морока...
Впрочем, кто остыл до срока,
Тот несёт клеймо порока,
Супротивного уму.

Ожиданье... предвкушенье,
Безоглядное решенье,
Плодотворное крушенье
Планов, схем и теорем.

Но законы жизни строги –
В Рим приводят все дороги,
Где взимают с нас налоги
С Ромулом совместно Рем.

Май 1985. Погорелка

СОНЕТ

Э.

Когда опять мы встретимся с тобой
В каком-нибудь невероятном веке,
В какой-то, может быть, всесветной Мекке
Иль просто на обочине любой,

Тебя узнаю я, в каком обличье
Ни поднесла б мне этот дар судьба,

Хотя бы щебетала ты по—птичьи
Или гремел твой голос, как труба.

Я тотчас отыщу такое средство,
Чтоб память окропить живой водой,
Чтоб ты принять минувшее наследство
Смогла, не посчитав того бедой.

Ты так и знай, всегда имей в виду:
Я и во мраке мимо не пройду!

Июнь 1985, Погорелка

Когда над речкой радуга повисла
До обалденья сказочным мостом,
Я в чуде этом буднично-простом
Сперва не встретил истинного смысла.

Я любовался зыбкой красотой
Развёрнутого в небе умиленья,
Что наполняло каждое мгновенье
Незамутнённой свежестью густой.

Дуга из раскалённого металла
Остыла – одолела сказку быль.
Осталась только радужная пыль,
И та теперь лишь в памяти мерцала.

Но вот открыта чистая страница,
И возвещает весь простор земной,
Что радуга явилась предо мной,
Чтоб отраженьем в этих строках длиться.

8 июня 1985. Погорелка

Ёмкость даже будничного дня
Не дано измерить мерой строгой.
Ну, а дни проходят сквозь меня
И уходят вдаль своей дорогой.

Поглядишь прощальным взглядом вслед,
А заря уже за лесом зреет.
Пустоты в потоке жизни нет,
Свет всё ярче, зренье всё острее.

И непостижимый феномен
Времени, творимого пространством,
Видится сквозь призму перемен
Самым непреложным постоянством.

13 июня 1985. Погорелка

Бушует жизни океан,
И на пути к себе
Всё дальше я от точки «А»,
Всё ближе к точке «Б».

Не озаряют этот путь
Прожектора побед,
Но, может быть, когда-нибудь
Засветится мой след.

Петлист он. Всюду и везде
Мы кружево плетём.
Но я иду к своей звезде,
Хоть и кружным путём.

17 июня 1985. Погорелка

Ночь напролёт и день навывает...
Как мысль пронзительно жестока,
Когда тоска верёвку мылит,
И пустота грядёт с востока!

Но горечь преодолевая,
И усмирив тоску при этом,
Преобразится мысль живая
И пустоту наполнит светом.

Ни распорядка, ни режима,
Ни оптимизма исподлобья.
То, что вовек непостижимо,
Являет образ и подобье.

26 июля 1985. Погорелка

Так время движется и свет сочится так,
Что исподволь рисуется тревога.
Нет, времени хватает, света много,
Но... впрочем, объяснять я не мастак.

Так чувства сдавлены и мысли так темны,
Что в памяти растёт недоуменье.
Тень на века отбросило мгновенье,
И мифами они оплетены.

Воскресным пламенем согреты облака,
Деревне снятся дальние покосы:
Гнезятся в сене вечные вопросы,
Ещё не упразднённые пока.

С куста смородины вспорхнул невольный взгляд
И в Трое на ступеньке храма замер.
Так чьими ж я гляжу на мир глазами
И что за звёзды надо мной горят?

28 июля 1985. Погорелка

Подковой дверь избы моей
Помечена судьбой.
Не талисман она, скорей
Намёк на вечный бой.

Тот конь, что вихрил ею снег,
Утюжил пыль дорог,
Давным-давно прервал свой бег,
Глаза закрыл в свой срок.

И не его ль, на брань скача,
Откинув пылкий лик,
Георгий вздыбил сгоряча
Над Змием в звёздный миг?

Тому свидетелей, ворон
Уж нет в живых давно,
В земле преображённой он
Весь растворился, но

У всей округи на виду
От зла хранит меня
И не впускает в дом беду
Душа того коня.

29 июля 1985. Погорелка

Ну и лето, что за лето!
Заплутало солнце где-то.
Ветер, тучи, дождь, морока...
Божья кара? Козни рока?
Ни ответа, ни привета,
Много мрака, мало света.
Нет грибца, гнусна рыбалка,
Горизонт – волнений свалка
И надежд, и ожиданий,

И прогнозов, и гаданий.
В землянике маловато
Вкуса да и аромата.
Лето щурится лукаво –
Продолжается облава.
Свет в осаде. Мрак в засаде
К общей жалостной досаде.
Вот и август. Гулким басом
Приглашает в ливни нас он.
Чётко слышно в этом басы:
Есть, мол, кое-что в запасе!
Оттого ли, потому ли,
Все надежды потонули.
А чтоб не было соблазна,
И дорога непролазна.
В общем, хмуро, сыро, скудно,
Иногда совсем паскудно.
Но, заметьте, это лето
Плодотворно для поэта.

1 августа 1985. Погорелка

МОШКОДРОМ

Природа тщетно учит нас,
Что мошкара вредна для глаз,
Что ей потворствовать нельзя,
В непотворствованность скользя.
Крылатой мерзости полёт
Душе воскреснуть не даёт.
Ну, нет у них иных забот,
Как проникать в глаза и в рот!
Что за нелепая напасть!
Как мелко жертвой гнуса пасть!

Но, верно, жребий наш таков,
Страдать всю жизнь от пустяков.
Спасти глаза от мошкары
Не в нашей власти до поры.

2 августа 1985. Погорелка

Ю. Редькину

Завтра отменяется рыбалка:
Клюквой зарумянилось болото.
Рыба что... самой рыбалки жалко.
Задумана рыбная охота!

Клёв сейчас, достигши апогея,
Радует обилием улова,
Но на день, о будущем радея,
Отключиться стоит, право слово.

Это лето скудостью чревато.
Ни грибов, ни ягод. Так, ошмётки.
И за клюквой нынче рановато,
Ну, да в честь подорожанья водки!

Я сегодня лягу спать не поздно:
Завтра топать – не парить в полёте,
И приснятся мне большие звёзды,
Сочные, как клюква на болоте.

27 августа 1985. Погорелка

СОТВОРЕНИЕ МИРА

У идей свои заботы,
У людей свои проблемы.

Но при этом зреют соты
И упрямо звёзды немые.

Меру ценностей разрушив,
Жрут идеи всё, что ценно.
Из поломанных игрушек
Цельный мир творю бесцельно.

В этом нет, конечно, мощи
Титанических порывов,
Всё же, верно, много проще
Ждать явления терпеливо.

Диспропорция развитий
Удручающе наглядна.
По одной летит орбите
Всё, что дьявольски всеядно.

И хоть это тоже свинство,
Я творю, смущая души,
Тридесятих царств единство
Из поломанных игрушек.

24 октября 1985. Москва

Нет сейчас ни горечи, ни злобы,
Нет в душе устойчивой моей.
Просто я пишу об этом, чтобы
Справедливость улыбнулась ей.

Пусть и впрямь никто забыт не будет,
Не исчезнут пусть в воде концы.
В адском вихре сгинувшие люди –
Это наши деды и отцы.

Лишь они судить эпоху вправе,
Им одним держать в руках весы;

Им лишь, цену знающим Державе,
Взглядом останавливать часы.

Не ясны грядущих судей лики.
Многое не ясно впереди.
Только все миры равновелики,
Все порывы глушат боль в груди.

Смелых Революция сманила
В Рай для сувенирных медвежат.
В безымянных потайных могилах
Вмёрзши в грунт свидетели лежат.

14 ноября 1985. Москва

НОВОСЕЛЬЕ

Вновь лишаюсь крова я.
Канет в даль
Четырёхметровая
Вертикаль.

Память блёстки прошлого
Нанесла.
Что сулит хорошего
Новизна?

Измеренья смежные...
Смена вех.
Силы центробежные
Душат смех.

Сколько непролазного
В шири той,
Что аскетом названа
Суетой!

17 ноября 1985. Москва

ДОБРОДУШНЫЙ НОСОРОГ

Вам встречался как и мне
На путях земных дорог
Тип, приметливый вполне, –
Добродушный носорог.

Так и прёт (всё нипочём,
Ни звезды, ни рубежа!),
Прошлым не отягощён,
Будущим не дорожа.

Не коварен, не свиреп,
С чувством юмора в крови,
Всюду в мёд макает хлеб,
Напевая: C'est la vie.

Уточнить не премину,
Что, терзаниям назло,
Отражает глубину
Жизни ясное чело.

Вот характер, вот судьба! –
Позавидует иной,
Отирая пот со лба
После диспута с женой.

Зависть не съедобный плод.
В жизни каждому – своё.
Кто нектар лениво пьёт,
Кто вкушает мумиё.

19 ноября 1985. Москва

Одна лишь иерархия светил
В бесспорности своей непроизвольна.
А что там кто решил и возомнил,
Сомнительно и не краеугольно.

Молвою вознесённый до небес,
Обычно небесам не сопричастен.
Искусственной звезды заёмный блеск
Не наполняет взгляд пьянящим счастьем.

Все ранги – порожденье суеты,
Гнездящейся в регалиях парадных.
Ну разве же внушают нам цветы
Понятие о титулах и рангах?!

Но как не в силах «нечто» впасть в «ничто»,
Так и «ничто» не обратится в «нечто».
Враждует вожделение с мечтой,
Неуязвимо то, что безупречно!

25 ноября 1985. Москва

Ирония Петрония на ощупь жестковата,
К тому же фрагментарностью грешит она давно.
В петрониевском Риме растерялся б Гайавата,
А Тибр ему понравился б, наверно, всё равно.

В подобных размышлениях есть привкус прагматизма,
Но на пути познания отсутствует ГАИ.
Не сразу раскрывается, поскольку мысль капризна,
Но всё ж яснее прошлое, кто что ни говори.

Ведь в прошлом обретаются проекты типовые
Безумия и мудрости, коварства и любви;
И эти все, что числятся в реестрах как живые,
Лишь смутные подобию под сенью c'est la vie!

И если бы я сбросил с плеч два-три тысячелетья,
Проснувшись завтра где-нибудь на острове Родос,
Забросил бы в окрестности пытливого мысли сеть я
И времени приметам мгновенно бы оброс.

26 ноября 1985. Москва

*Поэт – это нищий, обладающий неотъемлемым
правом чеканить собственную монету.*

А. Ф. Из «Книги эпитафий»

Свои виденья запечатлевая
В невероятных словосочетаниях,
Поёт поэт, когда душа живая
Изранена средою обитания.

Кружась пылинкой в бездне диспропорций,
Он со-вмещает разом всю Вселенную.
А нежить шепчет: – Сколько не упорствуй,
Не пустишь в небо тело душу пленную! –

Суёт Закон Поэта в мясорубку,
Чтоб стал скорее фаршем обезличенным,
Чтоб не тянулся к золотому кубку,
Свободный от идей до неприличия.

Убожествлён неродовитой свитой,
Ловящей на лету прогресса веянья,
На подданных глядит с усмешкой сытой
Властительный Закон приспособления.

Поэты же не маршируют в ногу,
Хоть на подъём легки и непоседливы.
У них свои пути и, славу Богу,
Они богов законные наследники.

29 ноября 1985. Москва

Феномен среди бойких и быстрых,
На фиксированном перекрёстке
Высекаю на памяти искры,
Извлекаю из замяти блёстки.

Но, вернувшись из долгих отлучек,
Явно не обозначенных в смете,
Как прогресса невольный попутчик,
Я за все его взлёты в ответе.

Я в ответе не перед потомком
И, конечно же не перед предком,
А в понятии зыбком и тонком
Перед собственным разумом едким.

Тем не менее, в сих рассужденьях
Казуистики нет и в помине,
И встречаю пока каждый день я
Тихой радостью, редкою ныне.

Груз трагических противоречий
Неспроста мне достался в наследство.
Может, он, как явленье Предтечи,
Очищенья жестокое средство.

7 декабря 1985. Москва

ВЕСНА

Сквозь оторопь земного тяготенья,
Сквозь утренников зоркие дозоры
Наощупь пробиваются растенья,
Вплетая в свет зелёные узоры,

К лучам горящим и животворящим,
В которых скрыта сладостная сила,

И, утверждаясь в зыбком настоящем,
Звучит над миром песня хлорофилла.

Субстанция, не видимая глазу,
В просторе просветлённом закружилась.
И укрупнила чувства как-то сразу
Освобождённых соков одержимость.

В едином торжествующем потоке
Всё движется к непостижимой цели,
И тонущие в бурной пене строки –
Частица бесшабашной карусели.

20 декабря 1985. Москва

ОСЕНЬ ОСИЯННАЯ

Посреди необозримой осени
Так, порой, закаты хороши!
Солнце луч, как удочку забросило
В глубину души.

Холодок окрашен снизу пламенем.
Тишина простёрлась над рекой.
Верится, что мир задумал правильным,
Если он такой.

Сквозь тебя проходит жизни просека.
В этом суть. Здесь истины родник.
Ясно всё. Ни одного вопроса.
Светел тайны лик.

29 декабря 1985. Москва

Исчезли дни, остались даты,
И вот неведомо куда

Уходит восемьдесят пятый,
От нас уходит. Навсегда.

Уносит грозы и туманы,
И радуг зов, и посвист вьюг,
И незалеченные раны,
И радость встреч, и боль разлук.

Всё остаётся за чертою,
Всё остаётся где-то в нас.
И над задачей простою
Ещё нам биться столько раз!

А снег из милых детских сказок
Сияет вечной белизной,
В которой различимы глазом
И стужа, и палящий зной.

Ещё не скоро зверь крылатый
О плате нас предупредит
За все восходы и закаты,
Что отпускались нам в кредит.

31 декабря 1985 – 1 января 1986. Москва

Кто ты, вестник и сказитель
Или жалкий искажитель
Той мелодии, что снится
Тем, чей спутник Феникс-птица?
Вот вопрос, который разом,
Приводя к присяге разум,
Наложив на жалость вето,
Властно требует ответа.
Нет спасенья тут в сноровке.
Казуистики уловки
Не помогут утвердиться

В том, что выдумана птица;
Что никчемны все задачи,
Не сулящие удачи
(К ней, мол, путь мечта торила,
И успех – всему мерило.).
Прячься в тень, скрывай до срока
Дар провидца и пророка,
Только, если ты помечен
Знаком скальда и предтечи,
Зададут вопрос тот снова
Свет, мелодия и Слово.
И уж звук ответной ноты
Ясно скажет, что и кто ты.
Ну, и если слишком скудно
Оснастили музы судно,
Гонор свой стяни потуже.
Ничего. Бывает хуже.

3 января 1986. Москва

В снежном замесе свет, чистота и простор.
Воздух пронизан свежестью голубизны.
Россыпь алмазов радует взор,
Славящий звонко щедрость январской казны.
Сквозь беспредельность ясность проносит весть.
Всё отступает: годы, заботы, труды.
В глыбах застывших чешуйчатый блеск слюды
Напоминает, что связи обратные есть.
Замерло время. На миг? На часы? На века?
Как наважденье это продлить без утрат?
Жизнь временная так ли сейчас далека,
Чтобы у Райских души разнежались врат?!

15 января 1986. Москва

ДЕБРИ ДИАМАТА

В лучах благоприятного режима
Сливаются в одну картину пятна.
Непостижимо всё, что достижимо,
Лишь всё недостижимое понятно.

В таком парадоксальном измерении
Чертovski искусительны соблазны,
И смехотворны с высшей точки зренья
Претензии учёной протоплазмы.

Этапы проходя с опереженьем,
Спешат идеи к целям отдалённым,
И время уплотняется движеньем,
Бесмысленным, но целеустремлённым.

1 февраля 1986. Москва

Гене (двоюродной сестре)

Хоть уверяет нас Гамзатов:
– Мои года – моё богатство,
Жизнь столь расчётливый дозатор,
Что глупо блага домогаться.

Беспечность вышла вон из моды,
Всевластная первоначально,
И день рожденья в наши годы –
Коктейль из радости с печалью.

Но мы ещё не впали в старость.
Недуги преодолевая,
Идём вперёд. Ещё осталась
Во фляге та вода живая.

И потому нас не осилит
ни мор, ни немощь, ни невзгоды

И даже смерть пройдёт навывлет,
не свалит с первого захода.

Нам было выстоять непросто.
Всех благ тебе желая,
Я в этот день двоякоострый
Тебя с Победой¹ поздравляю.

И если б я была кукушкой,
То, не колеблясь бы нимало,
Тебе светло и простодушно
Ещё сто лет накуковала.

25 февраля 1986. Москва

Погоды своенравный разворот
Не допускает жалких апелляций.
Тут сникли б и Вергилий и Гораций,
И даже Апулей и Гесиод.

Но если на подобный непригляд
Взглянуть исподтишка с другого боку,
От прелести погодной мало проку,
Хоть нас пленяет царственный наряд.

Ненастье явно творчеству родней.
Нет худа без добра, уж это точно!
С нас требовать природа правомочна,
В такие дни душевной связи с ней.

И я, грустя в бревенчатом Раю,
Настраиваюсь на проникновенье
Во все непостижимые явления
И постигаю в них судьбу свою.

5 июня 1986. Погорелка

¹ Геня в ВОВ работала переводчиком (с румынского и французского языков) в штабе генерала Полуобярова.

Движенье порой нас приводит и к цели,
Что мы эмпирически вызнать успели,
Но там, где стремленье срывается с места
Лучится улыбка на кончике жеста.

И цели, и средства, попавшие в сети,
В ином предстают неожиданно свете.

Не зря происходит, конечно, такое:
Движенье подчас – разновидность покоя.

И, если и дальше сбиваться на прозу,
Скажу, что сродни оно в чём-то гипнозу.

Не там ли нас главные ждут достижения,
Где нет различимого глазом движенья?

16 августа 1986. Погорелка

Среди толкующих о благодати
Кто ныне верит в это благо – дать.
Вокруг берут и кстати и некстати,
Боясь лишь опоздать и прогадать.

Возвышенность души в цене упала,
Всё уже круг, всё расторжимей связь.
Но вечна благодать. Не так уж мало
Искать её, презренья не боясь.

Быть может, речь моя высокопарна,
Но это благо; высоко парить
Над всем, что бездуховно и бездарно,
И людям веру в лучшее дарить.

Август 1986. Погорелка

Порой нам кажется, что Оры
Опять ошибку допустили.
Но вдруг, предупреждая споры,
Встаёт погода в полной силе.

И если лето, так уж лето,
А если осень, так уж осень.
При том на всё своя примета
(Коль подвезёт – с неё и спросим!).

Вот нынче снова солнцем тучи
Самоуправно завладели.
К чему им холодом нас мучить?
Не выкупа ли ждут, злодеи?!

Глядят земля и небо хмуро
На атмосферные капризы.
В миноре душ клавиатура,
И мы, как в цирке, ждём репризы.

Ждём солнечного разворота,
Преображенья, постиженья,
Чтоб к радости вела работа,
Чтоб излучало свет движенье.

Дождёмся. В этом нет сомненья.
Иду на огород с лопатой,
И свет, несовместимый с ленью,
В душе рождается крылатой.

25 мая 1987. Погорелка

УТРО 27 МАЯ

Кто бы мог поверить в это,
Глазом не моргнув к тому же?
За четыре дня до лета
Ветер снег воскресший кружит.

Саранчою белокрылой
Хлопья падают на нивы,
На цветы, что приоткрыли
Лепестки нетерпеливо.

Что за светопреставленье!
Жест безумный? Поиск шанса?
С пеной снежного явления
Цвет черёмухи смешался.

Огород засеян снегом
(Каковы-то будут всходы?!),
Но июнь за маем следом
Выйдет к нам из непогоды,

Бодро глянет с поднебесья,
Подмигнёт поникшим травам
И зальётся дивной песней
По долинам и дубравам.

А пока задача роста –
Выдержать ненастье стойко.
И в природе, знать, не просто
Происходит перестройка.

27 мая 1987. Погорелка

СПИДОЛОГИЯ

При помощи болезни СПИД
мы узнаём довольно точно,
кто, с кем, когда и сколько спит
(не заражаются ж заочно!).

Лют Божий гнев. И смех и грех!
Синдром Содомы и Гоморры
живуч. Он угнезвился в тех,
кто ищет и в игле опоры.

Он человечеству грозит
и ухмыляется при этом –
какой-то вирус, паразит!
А тоже – конкурент ракетам!

1 июня 1987. Погорелка

А. Пугачёвой

Надо же, надо же, надо же было случиться!
Надо бы, надо бы, надо бы мне подлечиться.
Что-то во мне, опочившее было, воскресло,
или залез расшалившийся бес
в мои чресла.
Что надо делать при этом
давно мне известно.
Но не могу, не могу, не могу, не могу
и на фига?!

21 июня 1987. Погорелка

Гнетущая жара, вникая в нас,
стерилизует пылкие порывы.
И тем уж привлекателен Парнас,
что там бы не изныли от жары мы.

А здесь она кружит и ворожит
и нависает над великолепьем.
И день, что под крылом её прожит,
помечен, как тавром, чеканом летним.

Всю душу иссушает зоркий зной.
Земля черствеет, по дождю тоскуя.
Но перенёсся мысленно в Москву я,
в асфальтовый расплав её сплошной.

И тишина окрасилась руладой,
и развернулось небо надо мной,
и зной почти подёрнулся прохладой
в зените быстротечности земной.

23 июня 1987. Погорелка

Жизнь поэзии ветвиста,
полнозвучна и чиста.
Фантазёра и артиста
лик двоится неспроста.

Он лукавит и плутует,
он плутает и юлит.
Благородства стать литую
не всегда являет вид.

В душу вцепится трясина,
сеть над чёрною дырой,
а в конце пути осина
ждёт его, дрожа, порой.

Да, всё так, и всё же, всё же,
преломляя дивный свет,
верит он, что нет дороже
ничего и краше нет.

В мире этом слабым горе.
В нём ведь, Господи прости,
наглецы всегда в фаворе
и халтурщики в чести.

Но, махнув рукой на это,
и ценя лишь высший суд,
неформальные поэты
нить поэзии прядут.

7 июля 1987. Погорелка

Качает головами лес,
а я под ливнем полдня летнего
на мракобесие небес
гляжу сейчас почти приветливо.

Пусть тишь да гладь гроза грызёт,
пусть выжимает губки тучные,
пусть мра косматая ползёт,
чтоб нетерпение озвучивать.

Светло преобразится мир,
дождём из края в край простроченный;
на огороде будет пир,
и зашустрят маслята сочные,

и, может, через полчаса
меж небом и землёй уверенно
взметнётся радуга-краса,
как знак взаимного доверия.

15 июля 1987. Погорелка

Щурёнок погорел на червяке,
а сам-то был почти что на полметра.
И вот я шустряка держу в руке
и радуюсь умильно в стиле ретро.

Живец не тронут, спиннинг не принёс
законно ожидаемой удачи,
а этот не щукабельный заброс
решил проблему так или иначе.

Вопрос был прост и ясен, как скрижаль.
Всё сделано по правилам известным,
и всё же мне щурёнка было жаль
сочувствием каким-то неуместным.

16 июля 1987. Погорелка

Пробуждая дремлющий восторг
(дремлющий в такое время года!),
развернула голубой простор
совершенно летняя погода.

Ясность наблюдается во всём.
Даже дождь приветлив и спокоен.
В душу мы рассаду чувств несём
светлых, как сиянье колоколен.

Меж погодой, чья привычна власть,
и душой людской в моём рассказе
явственно видна прямая связь.
Жаль, что нет пока обратной связи.

28 июля 1987. Погорелка

ОДА ЯЗЫКУ

Я не о том, что состоит из слов,
что древне стар и всё же юн и нов.
Нет, я о том, что мы в себе храним,
чтоб в узкой сфере пользоваться им.
Его никто достойно не воспел
(а может я дознаться не сумел),
и этой правды неприглядный вид
лишить меня покоя норовит.
Итак, язык. Хозяином во рту
стал, схватывая ловко на лету
всё то, что в нас прорваться норовит
вполне пристойный принимая вид.
Он бережёт нас от великих бед,
вникая в завтрак, ужин и обед.
И как бы вкус еды или питья
мог без него познать умильно я?
О, скромный вечный труженик, язык,
ты к славословью явно не привык.
Но ведь и пенье, и всё ту же речь
лишь ты один способен в смысл облечь.
Что ж до свиных и прочих языков,
их вкусовой потенциал таков,
что умолкаю я, коснувшись их,
увы, реальных для времён иных.

14 августа 1987. Погорелка

Я в облако войду,
а выйду из вагона
в немыслимом году
с названьем «время оно»;
в невиданном краю
(Где он, с какого краю?).

Жизнь расстелю свою,
вгляжусь и не узнаю.
Спрошу её: – Ты чья? –
А, впрочем, что мне в этом!
Пусть песенка ручья
вопрос сольёт с ответом.
Пусть в шёпоте сосны
почудится мне чудо
явления весны
неведомо откуда.

17 июля 1988. Погорелка

Прошное старательно просей
и возникнет тут же, как нарочно,
на пересечении осей
истины ухмылка скоморошья.

Отступись, остановись, оставь,
не ищи на жизнь свою ответа.
Пусть в осадок выпавшая явь
утаит навек источник света.

Нераскрытой тайной дорожи,
ощутив её прикосновенье.
В мире этом только миражи
окрыляют каждое мгновенье.

12 августа 1988. Погорелка

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ФАНТАЗИЯ В СТИЛЕ ВЕРЛИБР

Весьма утешительно знать,
что возможно, цивилизация наша

не исчезнет бесследно,
что от неё всё же уцелеет
чёрный ящик,
который будет унесён
в глубины Вселенной
космическим вихрем,
который когда-нибудь
выбросит его
на песчаный берег моря
неведомой нам планеты
и, может быть даже,
некие крабовидные существа
попытаются его вскрыть,
предполагая найти в нём
нечто съедобное;
но всё это случится, если
нам фантастически повезёт.

25 августа 1988. Погорелка

Газетный шум, журнальный бум...
Вот и пробили стену лбом.
Вот и шаманят наобум
Перед растерянным рабом.

Зовут его: – Смелей, вперёд!
Протри глаза, очнись, встряхнись; –
путём дарованных свобод
шагай в космическую высь.

Забудь обиды, плюнь на всё –
усилья нам нужны твои.
Теперь ты можешь то и сё
в пределах данной колеи.

Кумекает земная власть,
зажав гарантии в горсти,
как быть, чтоб порезвиться всласть,
и чтоб невинность соблюсти.

Придя к тому в конце концов,
что плодотворен свет зари,
ведут во тьму толпу слепцов
охрипшие поводыри.

Газетный бум, журнальный звон,
как много дум колышет он.

27 августа 1988. Погорелка

Нет, я не подавал заявки
на благонравный некролог
я в текст судьбы вносил поправки,
смешав с прологом эпилог.

И развлекался, нарушая
порядок следствий и причин,
в котором скрыта роль большая
ничтожно малых величин;

забрасывал в былое сеть я
и, подбирая к небу ключ,
нанизывал десятилетия
на уходящий в млечность луч.

И уходил за два квартала
в инопланетные миры,
когда себя мне не хватало
для продолжения игры.

Август 1988. Погорелка

Диссиденты шестидесятых
островки чистоты и света,
сколько фильмов о вас не снято,
сколько песен о вас не спето.

Люди с важным партийным весом
аргументы искали в силе.
Вас давили державным прессом,
вас «общественным мнением» били.

Отщепенцы, изгои, твари,
агентура чужих разведок...
Как вас только не обзывали,
покуражившись напоследок.

Вас мытарили по этапам,
вас запихивали в «психушки»,
чтоб спокойно спалось сатрапам,
и бодрили народ хлопушки.

Ничего себе не просили,
но в запале нетерпеливом
подтверждали любовь к России
бескорыстным своим порывом.

В честь и совесть поверив свято
были вы до упора стойки,
диссиденты шестидесятых,
буревестники перестройки.

7 сентября 1988. Москва

КВАДРАТ

В мае призрачна печаль,
молода и сладкозвучна;
встрепенёшься невзначай
и вздохнёшь вполне научно.

На печаль июльских дней
краски сочные ложатся.
Синь и зелень дремлют в ней,
не спеша к душе прижаться.

В сентябре печаль густой
золотистой влагой льётся;

пряно и пьяно её настой,
всем испить его придётся.

В декабре печаль бела,
холодна и беспредельна...
В общий ров меня свела
жизнь тропинкою отдельной.

12 декабря 1988. Москва

У ПРИЗРАЧНОЙ МЕЖИ

Не вечности ли снимок моментальный
Явился мне у призрачной межы,
где бабочки полёт орнаментальный
очерчивает чётко рубежи?

Как прелесть воплощенья архаична!
Но, выпадая из реалий дня,
она во всём по-своему логична
и примиряет исподволь меня.

С чем примиряет? С кем? С какой судьбою?
О чём напоминает? Что несёт?
Что знаменует пристально собою
и от чего прикроет и спасёт?

Не находя в реальности ответа,
смирюсь с неизбежностью пути.
И слышу голос из разлива света:
Лети, благая бабочка, лети... –

19 сентября 1995. Москва

БОЖЬЕ ДЕЙСТВО

День остывал, и угасали звуки,
и не хотелось думать ни о чём,
но, вдохновеньем взятый на поруки,
я завладел магическим ключом.

И началось. Не то чтобы, но всё же...
Ко мне слетались вечные слова,
а вслед за ними те, что помоложе,
и те, что лишь озвучились едва.

И каждое стремилось встать на место,
что было Кем-то определено.
И это место им одним известно,
а мне лишь угадать его дано.

Так и происходило это действие
в глуши, в тиши, столь плодотворной тут,
пока творились на земле злодейства,
которые Историей зовут.

1995. Погорелка

К СВАДЬБЕ СВЕТЫ ФИКСЛЕР

1

Будет радость и усталость,
Спуск пологий и подъём крутой.
Впрочем всё, что вам теперь осталось:
Подготовка к свадьбе золотой.

2

В семье улыбка – добрый знак
И смех пускай не прячется.

Коль нужно так, пусть будет брак,
Но брак со знаком качества!

3

На открытке с рогом изобилия

Приносит присутствие этого рога
Богатство и счастье всегда.
Но нужен один, два и то уже много
Два рога в семействе – беда.

4

Налаживая мост Москва – Канада,
Мы все пришли поздравить молодых.
Но, может, увозить невест не надо?
А то, глядишь, самим не хватит их!

5

Конечно, условностям в счастье не место.
Они не волнуют ни вас, ни меня.
И всё же извилистой жизни совместной
Отсчёт начинается с этого дня.

15 марта 1996. Москва

А. М. к 8 марта

Из года в год весны приход
Покой застывший рушит.
Так пусть потоки вешних вод,
Звеня, ворвутся в душу.
И, уводя от суеты и деловой мороки,
Пусть примут Вас в свой круг цветы,
Опережая сроки.
Пусть каждый день в себе несёт
Рассаду обновленья,

И душу свет добра спасёт
От вялости и тленья.
Мы в этот день желаем вам,
(Вздохнув разок с печалью)
Прожитого отбросить хлам
И опьяниться далью.
Сказать себе: всё впереди,
А жизнь всегда прекрасна
И сердцу приказать: Веди
Туда, где небо ясно!
Я многое сказать бы мог
Ещё, пришпорив пышный слог,
Но я приберегу елей
На Ваш грядущий юбилей.

7 марта 1997. Москва

На авансцене жизнь кипит фальшивая.
Там шум и блеск и действия пустота.
Луна царит, чудес не афишируя,
но власть её понятна и проста.

Без солнца стрелки жизни остановятся.
Всем ясно это. Тут и спора нет.
Ведь истина наглядна, как пословица.
Её слепящий неподкупен свет.

С луной же всё размыто в очертаниях.
Настроив души на приём волны,
она парит над лоном мироздания,
и мы её волнением полны.

16 мая 1998. Погорелка

А. М.

Всё неизменно в свой приходит час.
Вслед за вторым спешит на землю третье.
Потомки скажут с завистью о нас:
Им свет дарили два тысячелетья!

И пусть не только свет, порою мрак,
Щедра на диво памяти копилка.
Нам есть, что вспомнить в прошлом как-никак
И к чудесам ведёт нас вдаль тропинка.

Не верьте же морщинам, седине.
То мнительность безбожно Вас морочит,
А зайчик солнечный скользнувший по стене
Вам радости грядущие пророчит.

18 декабря 1999. Москва

Б. Г. Кочману к 50-летию

Полвека, в общем, возраст несерьёзный,
коль человек здоровых полон сил.
Всё впереди и ничего не поздно,
пока огонь в душе не погасил.

Пусть жизнь пьянит Вас буйно вновь и снова,
не позволяя ни чадить, ни тлеть;
пусть помогают музыка и слово
Вам впредь, как прежде, всё преодолеть!

И пусть пребудут с Вами нам во благо,
как воссиявший среди мрака свет,
благословенье доктора Живаго,
Гааза вдохновляющий привет!

26 января 2000. Москва

Не зря прогрессу путь открыт –
решенье дерзкое созрело.
Главобщепит в наш быт внедрит
набор летающих тарелок.

Доставка адресная блюд
решит едальные проблемы,
и не нарушат наш уют
решительные перемены.

Освободившимся от пут,
шагать нам новыми путями.
А плату на себя возьмут,
понятно, инопланетяне.

13 февраля 2000. Москва

ДЕНЬ СВЯТОГО ВАЛЕНТИНА

Что за дивная картина –
в город брошена блесна.
В день святого Валентина
снизошла до нас весна.

В нужный день, а всё же рано:
середина февраля!
Как-то это всё же странно,
откровенно говоря.

Во дворах сугробы дремлют,
зная, что ещё не срок,
а тепло тревожит землю,
сушит месиво дорог.

Я уверен почему-то,
что по вредности своей
Валентин хитро запутал
все приметы зимних дней.

Переставил в песне ноты.
В общем, как тут ни крути,
у него – свои заботы,
у людей – свои пути.

14 февраля 2000. Москва

Так уж это повелось:
всё всерьёз и всё насквозь,
всё всерьёз и навсегда,
но, притом, не без труда,
отражая мнимый свет,
в поле между «да» и «нет»,
я веду неравный бой,
вечный бой
с самим собой.

12 мая 2000. Погорелка

НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Ольге Николаевне

Всё реже Вас требуют краски и кисти
и тянет ко сну.
Ветлужская осень кленовые листья
подносит к окну.

Но силы вернуться, душа вострепелётся
и кровь закипит;

и взгляд загорится, и сердце забьётся,
не помня обид.

Мы верим, что жизнь Вам ещё приготовит
немало счастливых минут.

Так пусть к вам вернётся былое здоровье,
а беды пусть мимо пройдут!

25 июля 2000. Погорелка

ЗОЛОТЫЕ ШАРЫ

Было чудом это, но, отнюдь, не сном.

В середине лета прямо под окном
словно весть явилась, оживляя прах –
солнце растворилось в золотых шарах.

Небо опустело. Свет его погас.

Очень это дело огорчило нас.

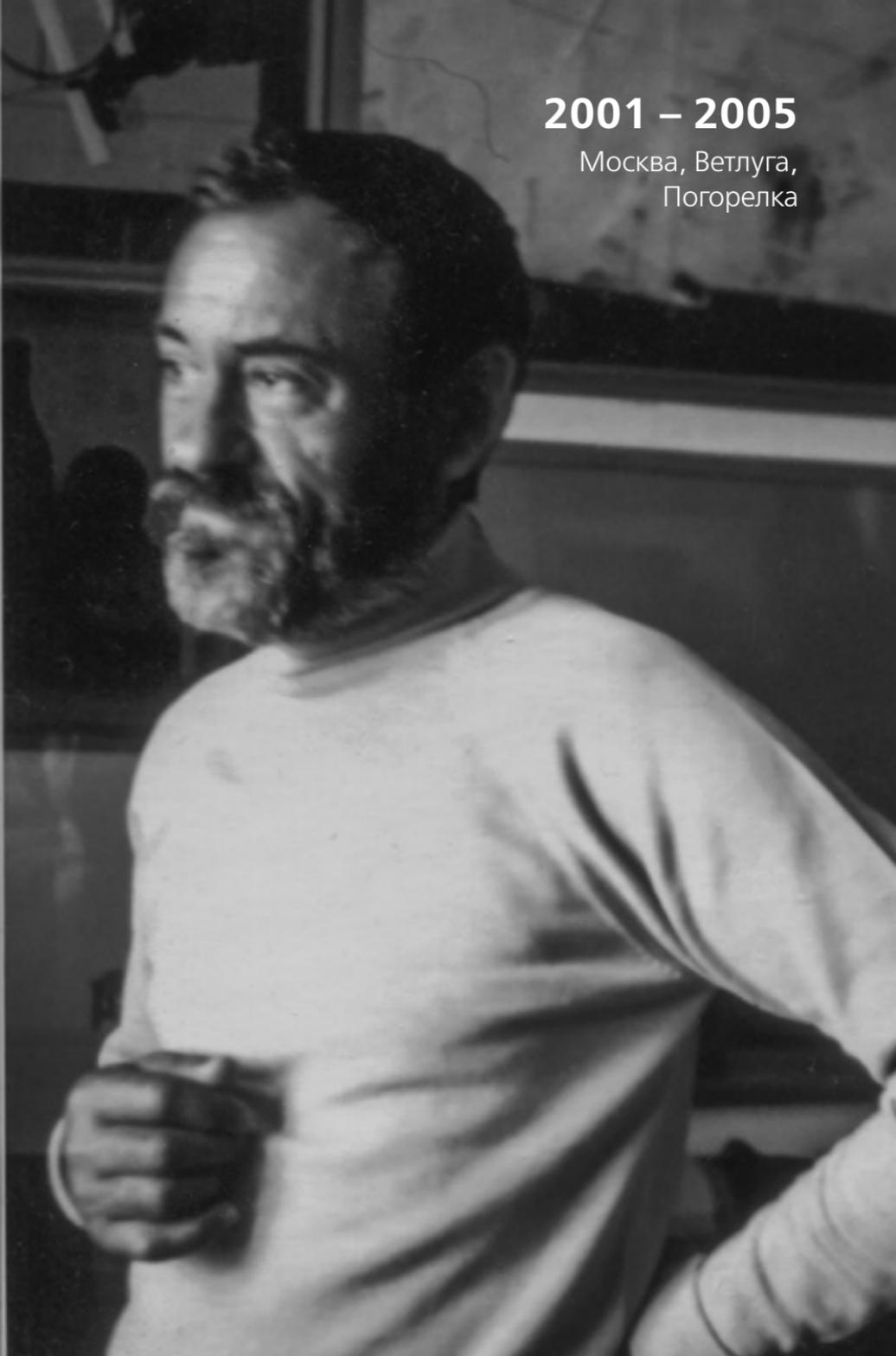
Впрочем, беспокойство позади уже.

Жизнь имеет свойство взмыть на вираже.

Утро возвращает солнце без потерь,
и миры сияют за окном теперь.

31 июля 2000. Погорелка

2001 – 2005

Москва, Ветлуга,
Погорелка

Александр Флешин в мастерской Владимира Немухина. *Вторая половина 1980-х*
Фотография В. Немухина

ТАКАЯ ВОТ ИСТОРИЯ

Они карьеру ценят скорую,
те, кто вдали от шума, где-то
приватизируют историю,
потая в душных кабинетах.

Не то, чтобы совсем незрячие,
не так, чтобы совсем глухие,
когда-то, может и горячие,
теперь – плотина для стихии.

Всё объяснят они доходчиво,
мумифицируют идею
и, граждан – лозунгами потчуют,
Кронштадт задушат и Вандею.

В ней много чёрного, не спорю я,
бликуют факты на бумаге.
На то она и есть История,
чтоб из неё кроились флаги.

17 февраля 2002. Москва

Послезавтра весна – календарь это вам подтвердит.
Он сомнений не знает – порядок превыше всего.
Да и солнце сегодня лучом утверждает вердикт,
хоть оспаривать, в сущности, некому просто его.

Скоро всё оживёт и привычно потянется к ней.
Пусть пышней расцветает колючая роза ветров.
Вот она у порога, пришла за добычей своей.
Встрепенись и встречай, даже если ты к ней не готов.

Будет всё как всегда, впрочем, в чём-то не то и не так;
птицы рыбам о солнце чудесные песни споют.
И печаль отодвинет за кромку весны суету,
чтобы жизнь объявила вселенскую волю свою!

27 февраля 2002. Москва

КОВРЫ

Игра узора иль узор игры?
Метаморфозы линии и цвета...
Мечты и грёзы вплетены в ковры
и музыкой становится всё это.

Она так неназойливо звучит,
волной упругой освежая душу,
в ней словно, всех светил сошлись лучи
но сам узор при этом не нарушен.

И силой совершенства своего
они внушат, конечно, нам однажды,
что созданы они не для того,
чтоб возбуждать в нас обладанья жажду.

2 марта 2002. Москва

Изменяюсь, болею, старею,
на закаты всё чаще смотрю.
Говорю я всё реже: – Скорее! –,
не спеша подрулить к ноябрю¹.

Неприглядна картина такая,
но другой я, конечно, не здесь.
Понемногу к себе привыкаю,
не к тому, а к такому, как есть.

Привыкаю почти без печали,
принимаю мгновений дары,
из того, что пугали в начале,
извлекая икринки игры.

Есть в игре той покой и движенье,
и потери есть, не утаю.

¹ В ноябре у автора день рождения.

Но в зеркальном своём отраженье
я, порою, себя узнаю.

4 марта 2002. Москва

Дразня неуловимым обликом,
весна парит легчайшим облаком,
и даже мне сегодня кажется,
что страх мой пустяком окажется.

Всё понемногу образуется,
мир ошалевший образумится,
от наваждения опомнится
и что-то светлое припомнится

тем, кто во мраке ослепления
считает благом преступление.
Но как это не удивительно,
Звучат слова не убедительно.

Конечно, в разум верить хочется,
но вспоминаются пророчества.
Сияет солнце над планетою.
Гордимся мы планетой этою.

И тешимся надеждой лестною,
что созидаем жизнь чудесную.
Земля в привычном ритме вертится.
По-страусиному не верится,
что мы обречены, наверное,
что сбудется невероятное
и смертоносное содеется.
Неужто не на что надеяться?!

5 марта 2002. Москва

Мне многое хочется помнить,
лишь прошлое увеселяет.
Страну под названием «память»
весёлый народ населяет.

Конечно, и в прошлом гнездится
немало удушливой дряни.
Но эти лишь светлые лица
ложатся на времени грани.

Их явственно вижу сейчас я,
всех тех, с кем выросли когда-то,
чья дружба незримо причастна
к судьбе моей витиеватой.

Они ведь исчезнуть могли бы,
но памяти хрупкие звенья
их, словно ледовые глыбы,
хранят в океане забвенья.

15 апреля 2002. Москва

Душе светил вибрации слышны,
когда в неё с небес покой прольётся.
Целебная структура тишины
влияет на субстанцию эмоций.

Мне мил, порой высокопарный стиль,
что чепуху рядит нередко в тогу;
я не спешу нести его в утиль,
что, кстати, невозможно, слава Богу.

Но если говорить совсем всерьёз,
однако, все же избегая прозы,
не стоит выдавать шипы от роз,
рассудку вопреки, за сами розы.

И, хоть, возможно, покоробят вас
слова, что пародийно прозвучали,
готов я подписаться хоть сейчас
под всем, что было сказано вначале.

18 апреля 2002. Москва

Каждый человек искатель клада,
только ждёт его одно и то же.
Сколько звёзд ему для счастья надо,
человек никак понять не может.

Так и пребывает в ожиданье,
радость выжигая жадным взором,
заманить фортуна на свиданье
норовя, укрывшись за забором.

Он хватает всё, что подвернётся,
то, что видно всем и то, что скрыто;
пить вино мечтает из колодца
и нетерпеливо бьёт копытом.

Он в лихом преуспевая деле,
наглость прикрывает гримом фальши.
Но чем ближе он подходит к цели,
тем от счастья он уходит дальше.

30 апреля 2002. Ветлуга

У меня на всё воззренья очень стойки
и, вникая в смехотворные явления,
я давно открыл, ещё до перестройки,
мастерскую по ремонту настроения.

Может, взялся за сомнительное дельце
и, к тому же, не моя, мол компетенция?

Много в гильдии целителей умельцев,
но меня не беспокоит конкуренция.

Изучая человечество в разрезе,
уравнения я решил не все, но многие,
и пока в мои дела никто не лезет,
мною создана своя фармакология.

Впрочем, издавна методика известна,
а улыбка – единица измерения.
И, наверное, мне было б очень лестно
знать, что радость умножаю на арене я.

Красят будни шутовство и клоунада,
но ведь есть ещё созвездья и соцветия.
Просто их во тьме кромешной видеть надо,
а ведь многие прошли и не заметили.

Так что я вполне заказом обеспечен.
Не грозит мне в мире этом безработица.
Вот боюсь, лечить мне скоро будет нечем,
но об этом говорить пока не хочется.

4 мая 2002. Ветлуга

Колючая осенняя мороза
сгущается снаружи и внутри.
В разрез непререкаемости срока
природа сотворила попури.

Внеся дурной микроб в сознание наше,
весна сплошной устроила облом,
и на прощанье май глумливо машет
недобро нависающим крылом.

При ярком свете дня бесцеремонно
в траву просыпал снежную крупу,

которую за манну, безусловно,
принять нельзя, ну, разве что в строку.

Тепло таится где-то в отдаленье,
а здесь простор прикинулся тюрьмой.
И лишь в порыве пламенном поленья
нас примеряют с этой кутерьмой.

26 мая 2002. Ветлуга

ВЕТЕР

Голос ветра натужный и резкий
то стихает, то вновь нарастает;
бьют наотмашь упрямые всплески,
книгу жизни свирепо листая.

Небо в тучах не радуется синью
и слаба на земле оборона.
Непосильная горечь бессилья
оседает в измотанных кронах.

Он попал не туда почему-то,
заблудился и сбился с дороги,
да и время, видать, перепутал
и совсем обозлился в итоге.

Никакого с неистовым слада –
дефицит укротителей ветра
угнетает, но может не надо
пытаться, коли всё это тщетно?

Остаётся терпеть и смириться.
Не стыдить же его и резонить!
Нам, конечно, воздастся сторицей
за страданья в природном раззоре.

27 мая 2002. Ветлуга

Что вдоль, что поперёк – один расклад,
одна и та же оторопь в итоге.
И тот, кто ценит прах минувших дат,
нередко Бога видит в демагоге.

Лишь в дебри вольнодумства удалясь,
находишь в миражах успокоенье,
нащупывая косвенную связь
меж самоутверждением и ленью.

Но слишком иллюзорен этот дом,
воздвигнутый в глуши ассоциаций.
В нём звезды умещаются с трудом
ну, а без них к вершинам не прорваться.

Но и они лишь средство, а не цель,
и жизнь сама лишь времени окраска,
а если существует всё же цель?
Но тут в свои права вступает сказка.

24 июля 2002. Погорелка

ЖИЗНЬ

В жизни, верно, меры нет.
Вспышка? Дуновение?
Не из прожитых ли лет
состоят мгновения?

Тут наука ни к чему,
бесполезны сети.
Неподсудны, знать, уму
дуновенья эти.

Нет ранений, нет ключей.
Все тропинки – мимо.

Видимо, она ни с чем
несопоставима.

19 августа 2002. Погорелка

Всё больше листьев падает с берёз,
и пруд прикрылся ряскою и илом,
и осень поднесла нам столько ос,
что их на десять осеней хватило б.

Ну, что ж, принять не все её дары
нам радостно, и часто сверх заказа
в избытке у природы комары,
строка, слепни, и прочая зараза.

Но ей-то, явно, все они милы,
во всех твореньях спрятана зарница,
не важно, велики или малы –
ей всё в большом хозяйстве пригодится.

В ней всё разумно, чётко, в самый раз.
Ей ни к чему проклятые вопросы.
Но для чего ей нужно, чтобы нас
сейчас терроризировали осы?!

5 сентября 2002. Ветлуга

ПЕСЕНКА О ...

Меж двух стихий себя деля,
живу, а сердце мается;
ведь где кончается земля,
там небо начинается.

Тропинкой узкою иду –
меж двух миров качается,
и никогда, как на беду,
они не совмещаются.

Мне выбрать верный путь мешал
двухмерный угол зрения.
Не знаю, кто во мне смешал
два эти измерения.

У них основы прочной нет
для действия совместного,
но в миге каждом виден след
земного и небесного.

16 сентября 2002. Ветлуга

ОТБЛЕСК РОМАНТИКИ

Э.

Я безумен и это пока
ограждает от мрака меня
и, хоть ноша моя нелегка,
я держусь на поверхности дня.

Раздуваю из искры строки
огоньки, что во мраке горят,
и, реалиям всем вопреки,
высветляю твой гаснувший взгляд.

Я с надежды срываю покров.
Пусть трубит романтический рог!
Я дарю тебе розу ветров
с лепестками поющих дорог.

26 сентября 2002. Москва

ВЕРЮ

Э.

Я знаю, что мир наш устроен так,
чтоб каждый в нём выжить смог.
Над светом в свой час торжествует мрак,
отмерен всему свой срок.

Прощаясь порою с минувшим днём,
согревшись в его огне,
я знаю, что нечто оставил в нём,
как, впрочем, и он во мне.

Пусть к зорям сгоревшим затоптан след,
но верю, что для меня
цветы лепестками укрыли свет
угасшего к ночи дня.

5 октября 2002. Москва

Ход времени неуловим и страшен
и плодотворен, что ни говори.
Что изменилось бы, когда б из жизни нашей
часы исчезли и календари?!

Не властны над его тончайшей тканью
людская воля и могучий рок,
и ощущаю я его дыхание
в душевной смуте и в движенье строк.

Невидимо и несоизмеримо
оно ни с чем, и лишь его следы
видны, когда оно проходит мимо,
топча ростки удачи и беды.

И в нас оно переставляет вехи
небрежно, равнодушно, на ходу,

тасуя огорченья и успехи,
выстраивая будней череду.

Но иногда в прозреньё безрассудном,
как ни парадоксален этот вид,
мне видится мгновение сосудом,
что в глубине Вселенную хранит.

17 декабря 2002. Москва

В кольце невзгод и бедствий
мрачнеют краски,
но хочется по-детски
поверить в сказки,

где чёрт не так уж страшен,
и мрак не вечен,
и оттиск жизни нашей
очеловечен.

Летят все стрелы мимо,
и даль открыта,
пока Земля хранима
своей орбитой.

Какой простор на трассе!
Все слухи лживы.
Мир должен быть прекрасен,
пока мы живы.

25 января 2003. Москва

МИКРОБ

Февраль завалы снежные разгрёб,
и сразу же, замешкавшись на миг,

какой-то безответственный микроб
легко в душехранилище проник.

И начал проявлять свой гнусный нрав,
температурный расшатав режим,
по-своему он был, возможно, прав,
но в этом доме всё же был чужим.

Он получил решительный отпор.
Надеюсь, что пойдёт бродяге впрок,
хоть козни нам он строит с давних пор,
полученный заслуженно урок.

А мы от марта добрых ждём вестей,
но числиться во веки будет он
среди возможных как-никак гостей
в разряде нежелательных персон.

22 февраля 2003. Москва

Порой, я к чистой тишине прильну
и, вырвавшись из будничного плена,
какую-то заблудшую волну
уловит напряжённая антенна.

И зазвучат призывно голоса,
и образы так зримо зароятся,
и освежит иных времён роса
ростки, которым нечего бояться.

Подобное случается со мной
не слишком часто и не слишком редко,
но воздух сам тогда звенит струной,
и оживает вдруг сухая ветка.

Бодрящий ветерок подул с реки.
Со всех сторон раскрылась даль сквозная.
Всем силам зла назло и вопреки
я жив ещё, я это точно знаю.

27 февраля 2003. Москва

Вот и скрылся куда-то
день с привычной добычей,
с молчаливым закатом,
с бойким щебетом птичьим.

Ночь на землю пролила
грусть по лунному склону;
что-то шепчет калина
задремавшему клёну.

Власть покоя бесспорна
в отрешённости поздней.
Только мыслям просторно
в тишине этой звёздной.

28 февраля 2003. Москва

ВЕТЛУГА

До чего ж она хороша
ширь, не тронутая бедой!
В речку сонную не спеша
оседает туман седой.

Травы солнечный ловят взгляд,
тишину голубую пьют.
Это жизнь мою феи делят,
для души создают уют.

Дня минувшего стёрся след.
Дня грядущего нет примет.
Только этот горячий свет.
Только этот немой привет...

3 марта 2003. Москва

Человечество вязнет в трясине.
Чья тут воля и кто виноват?
Ну кого, в самом деле, просили
на земле обустроить Ад?!

Впрочем, всё может кончиться разом,
завершая неистовство бурь,
и не сможет оплётанный разум
одолеть беспросветную дурь.

И возносится звон колокольный,
подменивший невнятную речь,
чтобы к нашей судьбе малахольной
всё же чьё-то вниманье привлечь.

17 марта 2003. Москва

ВЕТЛУГА

Стою на берегу моей реки,
пришедший к ней из глубины разлуки,
где были бесконечно далеки
её водовороты и излуки.

Зима в копилку унесла мой след,
и вот река ревниво утверждает,
что до меня ей вовсе дела нет,
что у неё своих забот хватает.

Но я-то вижу: всё это каприз,
скрывающий понятную обиду;
я по тропе легко сбегаю вниз,
принявши виноватый вид для виду.

И кружится от счастья голова,
отяжелевшая в столичном гаме,
и тихо прозвучавшие слова
расходятся по времени кругами.

21 марта 2003. Москва

А если бы Пушкин Дантеса убил
(могло ведь случиться такое?!)
тут каждый, кто славу его невзлюбил
лишился б навеки покоя.

Всеобщий бы вызвал к себе интерес
в крутом повороте сюжета
герой романтический, рыцарь Дантес,
супружеской ревности жертва.

Но в судьбах нельзя изменить ничего
и тем поучительна пьеса,
что целился Пушкин в себя самого,
принявшего облик Дантеса.

Ах, если б не Пушкин, а кто-то другой!
Всё было бы просто на диво...
В ночи колокольчик звенит под дугой.
Зачем он звенит так тоскливо!

6 мая 2003. Ветлуга

За частоколом одноцветных дел
скрывается надсадная обида,

хоть часто мы не подаём и вида,
что удручает нас такой удел.

И неба глубина зовёт в полёт,
сулит свободу щедрого простора,
в котором рабство ты забудешь скоро
и мудрость на тебя свой свет прольёт.

Но слишком крепко держит колея,
творящая привычную рутину,
и вряд ли я словами камень сдвину,
заложённый в основу Бытия.

29 августа 2003. Москва

Стараюсь я теперь не как в начале,
в овечьи́е холо́дом года,
не попадаться на крючок печали
ну, разве, для контраста, иногда.

Она сама найдёт свою добычу.
Ей в нашей жизни для атак простор,
поэтому я сам её не кличу,
поддерживая солнечный костёр.

В лучах закатных душу согревая,
печали терпкой холо́док гоню.
Неси надежду сила зарева,
не дай подольше омрачиться дню.

30 августа 2003. Москва

Когда я вечность коротал в Эдеме,
не помышляя о коварстве Змея,
ещё не разбираясь в этой теме,
природу зла осмыслить не умея,

я не был человеком, да и Ева
была примером недоовощенья,
плодом почти безжизненного дерева,
что, впрочем, не могло иметь значенья.

А Змей, великим планом одержимый,
он знал, что делал, всё, как есть, предвидел.
Он сразу стал истории пружинной,
так почему ж мы на него в обиде?

Добро и зло... бессмертия утрата...
за всё мы платим в жизни, как известно.
Но если б меньшей оказалась плата,
то жизнь была б совсем не интересна.

2 октября 2003. Москва

ЦВЕТОК

Э.

Сколько слов мне нужно, чтобы выразить
то, что без того как будто, ясно,
чтоб цветок на голем камне вырастить,
веря, что трудился не напрасно.

Я его дарю не для гадания.
Лепестки тебе срывать не надо.
Но мои, надеюсь, ожидания
оправдать сейчас ты будешь рада.

Улыбнись же, глядя снисходительно
на его неброскую окраску.
Может он, что мне не удивительно,
старую тебе расскажет сказку.

2 октября 2003. Москва

Как говорится,
курица не птица.
Однако же
её происхождение
не требует
людского снисхождения,
и птичья суть её ясна,
поверьте мне,
когда она
поджарена на вертеле.

6 октября 2003. Москва

НАВАЖДЕНЬЕ

Лето в январе вполне реально.
Снег всего лишь светомаскировка.
Это мне известно досконально,
хоть оно и затаилось ловко.

С нами сила лета неразлучна,
просто, надо жить в контакте с летом.
Вот смеётся солнце в небе тучном,
и трава звенит зелёным цветом.

Верно, мы не те очки надели,
что не отличаем дня от ночи;
а морозы, вьюги и метели
нас опять злокозненно морочат.

9 января 2004. Москва

Вот опять по мостовым позёмка стелется.
Город ёжится, продрогший до костей.
Впрочем, это преходящая безделица,
время – зал для ожидания вестей.

Но оно и символ вечного движения,
так что двойственна бесформенность его.
Остановок нет, а есть лишь продолжения.
Те, кто ждут вестей, дождутся своего.

Поражая непроявленностью облика
в зыбком свете воплотившегося сна,
перепархивая с облака на облако,
к чутким душам приближается весна.

9 января 2004. Москва

Три четверти века брожу по земле.
Что было до этого просто не помню,
хотя я нередко и роюсь в золе
и взгляд устремляю к сгоревшему корню.

Сияет таинственно лунный опал,
не дремлет в дозоре небесная стража;
но как я на эту планету попал
мне, видно, и звёзды уже не расскажут.

Прекрасен сей мир, обречённый на слом,
транзитный простор так обманчиво светел!
Каким меня ветром сюда занесло?
Смогу ли сейчас отыскать я тот ветер?

12 января 2004. Москва

Хоть я всю горечь получил сполна,
и даже налицо¹ её избыток,
меня бросает радиоволна
на рифы окружающего быта.

Расслабиться ментальность не даёт.
Вибрации назойливо тревожат,

¹ Вариант – на лице.

спеша прервать фантазии полёт,
что, вопреки всему, возможен всё же.

Но перелёт пускает жизнь вразнос,
а недолёт сугубо огорчает.
Как этот мир проблемами оброс,
мир, якобы стоящий на причале!

12 января 2004. Москва

В чаду бесформенного шума,
что напал со всех сторон,
неотвратно и угрюмо,
как будто был всемогущ он,
я сам не постигал сначала,
хоть роль её была ясна,
какая музыка звучала
под сводами благого сна.

И пусть, проснувшись, я не в силах
был звуки эти воссоздать,
меня вела и возносила
неслышанная благодать!

16 января 2004. Москва

МОСТЫ

Жизнь справедлива в некотором роде.
Она кладёт на прошлое запрет,
когда нас память в мир его уводит,
которого на самом деле нет.

Закон одностороннего движенья
незыблем в легитимности своей.

В минувшее мосты лишь наважденье –
над пропастью незримой нет путей.

Их навсегда уничтожает пламя.
Не уцелеть в борьбе неравной им.
Но те мосты сжигаются не нами,
а беспощадным временем самим.

24 января 2004. Москва

Итак, пошёл мне семьдесят шестой.
Всё главное давно уж впереди.
Но времени я пью густой настой,
не чувствуя стеснения в груди.

Что время... Дело в общем-то не в нём,
да и темна субстанция его,
хоть Мир и сотворён его огнём,
не знающем об этом ничего.

Конечно, протяжённость лишь сосуд,
что полон может быть, а чаще пуст,
но невозможно вырваться из пут:
природа не подвластна силе чувств.

Пусть так. Пусть всё минувшее мираж.
Обратной перспективы в жизни нет.
Иллюзия – надежды верный страж,
который тьму преобразует в свет.

31 января 2004. Москва

От будничного шума устаю,
как, впрочем, и от праздничного шума.
Но я в осаде этой устою,
не стану на зарю глядеть угрюмо.

Действительность сегодня такова,
что тишину в ней отыскать непросто,
и явно тяжелеет голова
от каждого безумного норд-оста.

Однако же, быть может, неспроста
я втиснут в это месиво крутое...
Читаю ход истории с листа,
при том надеюсь не дожить до ста,
ну, а надежда дорогого стоит!

8 февраля 2004. Москва

Мы все изрядно рады,
когда, как на парад,
на смену листопаду
приходит снегопад.

Искрящаяся свежесть,
сияющий простор,
снежинок мягких нежность
окутывает взор.

Получим, что хотели –
зима не подведёт
и вьюги, и метели –
всё щедро пустит в ход!

Не раз уж мы встречали
надежд остывший след.
Сквозь кружево печали
струится хрупкий свет.

16 февраля 2004. Москва

До сих пор всё ясно было мне,
жизни ткань вполне казалась прочною.
Логика царила в каждом дне
и питала знание заочное.

Только мир наш вовсе не таков,
как считал ещё и в эту зиму я:
вдруг явилось из-за облаков
нечто явно не вообразимое.

Глядь, до горизонта расплылось
и сгустилось с помощью вращения,
а затем пронзило мозг насквозь,
вызвав неземные ощущения.

17 февраля 2004. Москва

Счастье я видал в гробу,
только раз, скосив глаза,
– Выбирай себе судьбу –
мне с усмешкой Бог сказал.

Та усмешка не даёт
мне покоя ни на миг.
То ли яд в ней, то ли мёд
не подскажут горы книг.

Шанс неожиданный берегу
и, боясь попасть в беду,
разобраться не могу,
что же Он имел в виду.

На развилке я стою
сразу всех земных дорог.
Угадать судьбу свою
я не в силах, видит Бог.

18 февраля 2004. Москва

СТРЕКОЗКА

Нет, мне настырных комаров не жалко,
хоть я, наверно, их понять могу.
Но я ж не приглашал их на рыбалку
и не искал их здесь, на берегу!

Желаю искусительным сиренам
податься в параллельные края.
На помощь мне приходит неизменно
весёлая союзница моя.

Не спорю я, душевно вы поёте,
напоминая дружно о былом...
Но вот она на бреющем полёте
моей щеки касается крылом.

29 февраля 2004. Москва

Что искренность опасна, это ясно.
Она приводит прямым к пожарам.
То факты подтверждают ежечасно,
вновь адресуясь к молодым и старым.

Но так уж странно человек устроен,
что для него бессмыслица привычна,
ведь он передвигаться любит строем,
а за просчёты отвечает лично.

К тому же, Homo sapiens'a часто
огня стихия властно привлекает,
хоть каждому из нас должно быть ясно,
сколь неразумна и огнеопасна
для смертных ситуация такая.

1 марта 2004. Москва

Без лишних споров календарная зима
из нашей жизни навсегда исчезла,
не то что бы по мановенью жезла,
но снежная утихла кутерьма.

Примет особых не водилось у неё,
но вязкий мрак она припорошила
и, хоть в мешке не утаила шила,
взбодрила нетерпение моё.

Мосточком в лето перекинется весна
над половодьем жизненного сора.
Она всё по местам расставит скоро,
внеся в реальность перепутья сна.

2 марта 2004. Москва

На крыльях саранчи летят года,
опустошая души повсеместно
и, как неутешительно известно,
летят они неведомо куда.

Я думаю, что их нигде не ждут.
Им вслед глядят с тоской вполне понятной
и поневоле, но исправно жгут
мосты, что исключает путь обратный.

Быть может, в этом смысл весомый есть,
хоть обречённость с ним не совместима.
Вот если б время пролетало мимо,
в пути роняя лакомую весть!

12 марта 2004. Москва

Давило небо массою огромной
на крыши обесцвеченных домов,
и дождь внушал докучливо-подробно,
что о зиме пора забыть давно.

Тоскливо тусклым было дня начало,
и перспективы были не ясны;
да, утро ничего не обещало,
не признавая векселя весны,

которая накапливала силы,
готовя выход к нам из-за кулис.
Она свой манифест провозгласила,
а эта муть не больше, чем каприз.

22 марта 2004. Москва

Всё смутно, непонятно, вкривь и вкось,
а ключевое слово – осторожность,
и всё же, как-никак мне удалось
преодолеть хитросплетений сложность.

И вот наперекор и вопреки
я скорлупу упрямо разбиваю,
услышав зов проснувшейся реки,
в котором рвётся ввысь душа живая.

Грядущее всегда во тьме грядёт.
Его примерка на себя – химера.
Но в небе для чего-то тает лёд,
не новая ли возникает эра?

29 апреля 2004. Ветлуга

С какой-то вестью на волне прохлады,
пройдя навывлет встречные века,
откуда-то, быть может, из Эллады,
ко мне прорвались эти облака.

Они устало надо мной повисли –
закончен их инопланетный путь.
Теперь они должны проникнуть в мысли
мои и что-то в них перевернуть.

А, может, чувств они должны коснуться,
и миссия их в этом состоит?
Одно я знаю: им нельзя вернуться,
не передав мне знания свои.

И потому они в огне заката,
с действительностью споря, не горят.
Я их пойму. Жизнь сказками богата,
но облака так тихо говорят!

1 мая 2004. Ветлуга

Задать вопрос легко, а дать ответ...
нередко кажется, его и вовсе нет,
или, глядишь, совсем наоборот,
любой равно возможен оборот.

Как просто тут в отчаянье прийти
и сбиться с однозначного пути!
Рассудок властно манит в тупики,
а мрак глубок и звёзды далеки.

Не лучше ли, накрывшись с головой,
на время отключить рассудок свой?
Но жизнь всегда вперёд устремлена,
поскольку непоседлива она.

И каждая сверкнувшая заря
мгновенно входит в роль поводыря.
Надежда от рождения слепа,
ведёт в туманность звёздная тропа.

Что обретёт сознание моё,
из быта перейдя в небытиё?

4 мая 2004. Ветлуга

СЛОВОПАС

Всё возникало как всегда
из тьмы закономерности,
что принесла ещё сюда
часы для большей верности.

Жизнь, поглощая тишину,
пугала грубым обликом;
взгляд устремлялся в вышину
за мимолётным облаком.

Петух вопил: – кукареку! –
грач плавал в небе мутненьком...
А он сгонял слова в строку,
пощёлкивая кнутиком.

9 мая 2004. Ветлуга

Как видно, впали мы в немилость,
хотя, скорей, не мы, наверно.
На землю небо навалилось
всей тяжестью своей безмерной.

Дороги все смешало с грязью,
тепло упрятало надёжно

и проторило путь ненастью,
закономерному, возможно.

Конечно, мало в этом смысла,
в чём согласитесь вы со мною,
но, может быть, оно нависло,
чтоб лучше разглядеть земное?

14 мая 2004. Ветлуга

На тишину накладывался свет
и создавал иллюзию покоя.
Всегда, когда случается такое,
яснеет, что покоя в жизни нет.

Жизнь и покой нигде не ищут встреч,
у них природа в глубине различна,
но жизнь, пожалуй, всё-таки вторична,
что может разум в тупики завлечь.

Сбивает с толку только диалог,
изменчивая истина морочит,
и путь окольный кажется короче,
и пустота выравнивает слог.

Вся эта умозрительная чушь
не стоит мимолётного мерцанья,
возникшего в процессе созерцанья
покинувших координаты душ.

21 мая 2004. Ветлуга

На первый взгляд, всё на своих местах,
и, вроде, нет причин для беспокойства,
но ты лукавишь, просто ты мастак
преображать явления и свойства.

Ты ничего не в силах изменить,
сместить орбиту, задержать паденье,
соединить оборванную нить,
найти взаимопониманье с тенью.

Ну да, нам было многое дано,
и всё произошло не потому ли,
что из упрямства раз давным-давно
мы просто где-то не туда свернули.

29 мая 2004. Ветлуга

Есть элементы редкие,
их отыскать так сложно!
Хранят места заветные
сокровища надёжно.

Обычно тут случается
годами потрудиться,
при том нельзя отчаяться,
лениться не годится.

Но вот при всём старании,
что в сущности важнее,
взаимопонимание
найти труднее¹.

Май 2004. Ветлуга

В движении не видя смысла,
покой насыщенный ценю,
в котором забываю числа
и жертвы приношу огню.

¹ Вариант: сложнее.

Но некий код реализую,
запрограммирован извне,
в неведомую даль ползу я,
не приглянувшуюся мне.

Чужие отметаю мненья,
но не считаю за беду,
что я в другое измеренье
для изучения попаду.

4 июня 2004. Ветлуга

Печальна жизнь, тем более
на этом вязком дне.
В стране Безалкоголии
сейчас пожить бы мне!

Какой волшебной сказкою
всё станет. И тогда
мир засияет красками
и скроется беда!

Такой пустяк, а горя я
не знал бы в той стране...
Страна Безалкоголия
во сне явилась мне.

7 июня 2004. Ветлуга

Хотел бы я всю жизнь писать портрет
того, что совершенством называем.
Но этот образ не передаваем,
его в природе не было и нет.

А то, что есть – лишь отблеск и мираж,
узоры из игры воображения,

в процессе ритуального движенья
слагается причудливый коллаж.

Всё это так, а может, и не так,
и совершенство есть сама Природа.
Для каждого в делах такого рода
есть свой особый путеводный знак.

И счастлив тот, кто прелестью земной
способен в жизни этой обольщаться
и, мерзость отстраняя, восхищаться
всем, что сейчас лежит передо мной.

22 июня 2004. Ветлуга

СЕНТИМЕНТАЛЬНОСТЬ

Жизнь раскрыть не спешит свои тайны.
Часто призрачны признаки знака.
Мы безжалостно сентиментальны
несмотря, вопреки, но однако
Не понять, для чего это нужно.
В мире нашем она бесполезна,
но для тех, кому сила любезна
и кому «бесполезное» чуждо.
Жизнь – успехом прикрытая бездна.

24 июня 2004. Ветлуга

Э.

Да, тьма вокруг стущается
и заползает в каждый дом.
В земной простор вмещается
она теперь с большим трудом.

Земля, как прежде вертится,
но мрак гнездится в каждом дне,
и всё же что-то светится
в бездонной этой глубине.

Грозится тьма трёхмерная,
но свет извечный не погас...
То светятся, наверное,
слова, что вызревают в нас.

4 июля 2004. Ветлуга

Я живу хорошо,
у меня даже есть одеяло.
Много в жизни нашёл¹
я того, чего в жизни так мало.

Продолжаю искать
(я имею такую возможность).
Жизнь и дальше ласкать
обещает мою осторожность.

Впрочем, есть у меня
на палящее солнце обида.
Никого не виня,
я ещё улыбаюсь для вида.

Унывать нет причин –
благосклонна среда обитанья
к тем, кто не различим
в мельтешенье частиц Мирозданья.

25 декабря 2004. Москва

¹ Вариант: познал.

В среде огромных величин
для пессимизма нет причин,
тем более, что иногда
свет проникает и сюда.
Земля вращается не зря.
Приносит каждая заря
надежду чуть не в каждый дом,
хоть в это верится с трудом.
Технологический прогресс
усердно набирает вес.
Но в мире, где всё прах и тлен,
почти не видно перемен.
Уходят годы и века,
и сквозь туман издалека
с усмешкою глядит на нас
Эразма заострённый глаз.
В ответ на приговор уму
мне нечего сказать ему.

28 декабря 2004. Москва

Мне хочется сосредоточиться,
да всё идёт не тот расклад.
Я жду, когда же это кончится,
разбрасываясь невпопад.

Ориентируясь на дальнейшее,
подспудно манит высота.
Быть может, искра ожидания
не гаснет всё же неспроста.

Пусть рвенье суетой размолото,
и глушит веру трын-трава,
но я не разменял на золото
свои священные права.

Кто знает, что кому завещано.
Всё, верно, в свой приходит срок.
Нередко и судьбы затрещину
свет заготовливает впрок.

16 января 2005. Москва

Весь мир утратил облик светлый,
стал ржавчиною на железе,
когда я сквозь прицел газетный
увидел истину в разрезе.

Я знаю, самым ярким светом
мы жизнь от скверны не очистим.
Да и его затмит при этом
густая тьма газетных истин.

И всё же, как это ни странно,
тоска по истине живуча.
Она нежданна и незванна,
но животворна, словно туча.

17 января 2005. Москва

Жизнь лишь в пустых мечтах безбедна,
но, в сущности, не в этом дело.
Сегодня думать очень вредно,
опасно для души и тела.

Не думать ни о чём спокойней,
тут явно некий шанс таится.
Над оскудением и бойней
красуйся в небе вольной птицей!

Эх, кабы было всё так просто!
Взглянул презрительно – и мимо...

Лихого времени короста
от наших душ неотделима.

18 января 2005. Москва

Обычно нет на этом свете
занятия бесплодной спора.
Но, хоть не новы мысли эти,
признают их всерьёз не скоро.

У каждого свои оценки.
Все в заблуждениях упорны.
Мы часто наблюдаем сценки,
где спорящих идеи спорны.

Тем, кто живёт несуетливо
и пустословить не пристало.
О чём бы спорить всем на диво
Синица с Гусеницей стала?!

18 января 2005. Москва

Не туда страна идёт.
Всюду суматоха,
кто не вовсе идиот,
тем глобально плохо.

Ну, а прочие жуют,
что кому досталось,
жалуясь на неуют,
хвори и усталость.

Высота небесных сфер
просветляет лица
тех, кто вовремя успел
к Богу притулиться.

19 января 2005. Москва

Нынче игры стали очень сложными.
Огонёк в них дьявольский горит.
Манит вариантами возможными
электронной мысли лабиринт.

Торжествует компьютеризация
нашего земного бытия.
Правда, вырождаться стала нация,
в чём, наверно, правда есть своя,

впрочем, связь прямая тут сомнительна
по причине множества причин.
Истина уж очень относительна
в мире абсолютных величин.

20 января 2005. Москва

Не то, чтобы чего-то было жалко.
Нет, я весь мир не заполнял собой.
Закономерностей нелепых свалка
открылась мне наследством и судьбой.

Сокровища свои перебирая,
которым на базаре нет цены,
я в антураж убогого сарая
могу дворец вписать, украсив сны.

В игре ума реальность растворима.
Воображение – дар иных планет.
А злобу дня пронесит ветер мимо,
туда, где места для печали нет.

22 января 2005. Москва

Мы голову себе морочим
тем, что мертво давным-давно.
Жизнь коротка, что между прочим,
понять пока не всем дано.

И даже тем, кто это знает,
понять привычней, чем принять.
В душе нетающая наледь,
как угнетающая кладь.

Печаль не затуманит взора,
хоть горечь в нём видна, порой,
но лишь бы не было зазора
между рутинной и игрой.

Задача явно непростая,
но и альтернативы нет.
Сквозь тьму сомнений прорастая¹,
мерцает отражённый свет.

24 января 2005. Москва

Давит всплески депрессивный пресс,
не даёт веселью расцвести.
Тучи пыли гасят интерес
к выбору бесспорного пути.

То ли вниз податься, то ли ввысь,
то ли вправо, то ли полевей?
Явно заболоченная мысль
дремлет в затемнённой голове.

¹ Вариант: Из тьмы сомнений вырастая.

Тихий свет в самом себе найди,
жизнь, даже корявую, любя.
Что-то все же будет впереди, –
если сможет отыскать тебя.

25 января 2005. Москва

Да, было всё: просчёты и потери,
бессилия сгустившегося мрак,
случалось, что беда ломилась в двери,
законностью прикрывшись кое-как.

Сопротивленья преодолевая,
я двигался неведомо куда,
и пронесла меня волна живая
сквозь неблагоприятные года.

И находясь вблизи бесплодной Леты,
познав жажду недоутолив,
гляжу с несуществующей планеты
на жизни недоволенный миф.

9 февраля 2005. Москва

НАПАСТИ

Нас атакуют вирусы, микробы
и прочая воинственная нечисть,
тела и души изъязвляя, чтобы
мы жили в страхе, мучаясь и мечась.

Не становясь ни крепче, ни моложе,
мы варимся в котлах земного Ада.
Мир с ними, к сожаленью, невозможен
победа тоже, но сражаться надо.

Конечно, утешает нас отчасти,
хоть исцелит живительно едва ли,
что, улизнув от всяческих напастей,
мы воспарим в неведомые дали.

21 февраля 2005. Москва

МАРТ

Итак, весна... Зима слиняет вскоре.
Взирает солнце с жадностью на лёд.
Но Март с календарём, как видно, в ссоре
и власть его в упор не признаёт.

Грозит земле заснеженным простором,
вцепившись в стужу из последних сил,
чтоб задержать движение, в котором
его каприз порыв не погасил.

Да и зачем сдвигать упрямо сроки,
что возвестит морозная заря?
Мы ждём весенней, праздничной мороки,
ждём, полагаю, всё-таки не зря.

Зима надолго уползёт в берлогу,
чтоб в Лете не исчезнуть навсегда.
Сквозь календарь, глядящий на дорогу,
уже сочтется талая вода.

5 марта 2005. Москва

Кто знает, где граница неизбежности,
куда приводит одинокий путь.
В потоке невостребованной нежности
не так уж трудно душам утонуть...

И тонут без надежды на спасение,
и ничего не обещает ночь,
и даже солнце, доброе, весеннее
уже не может им ничем помочь.

Такое, к сожалению случается
в отдельно взятом лучшем из миров,
и всё-таки не следует печалиться
тому, кто в меру счастлив и здоров.

4 апреля 2005. Москва

Дальние слова, поступки, лица
проступают иногда неброско.
В настоящем прошлое гнездится
теньями бесплотных отголосков.

Для других они не существуют,
да и я теперь не так уж часто
окунаюсь в жизнь совсем иную,
призрачную. Стоит ли встречаться
с тем, что за пределами осталось,
скрылось за непроходимой гранью?
Тщетно в пепле роется усталость,
слишком беспредельно расстоянье.

11 апреля 2005. Москва

Процесс преображенья нескончаем,
возможно, тут замешаны светила,
мы не всегда детали замечаем,
нам общего познания хватило.

А, между тем, детали многомерны
и снабжены энергией сакральной.
В них нечто зашифровано, наверно,
многострадальной картою игральной,
плюс к этому игра воображенья
раскручивает прочие процессы,
вздремнувшие за гранью достиженья,
людские отменяя интересы.

28 апреля 2005. Ветлуга

Ну, наконец, всё изменилось разом –
произошёл переворот в природе.
И в полном соответствии с наказом
озелененье жизни происходит.

Вот, глядя на траву, уже и почки
пустились в путь, как испокон ведётся,
чтоб не порвались звенья у цепочки,
в которой пульс преображенья бьётся.

А май уже хлопочет у порога.
Он полон до краёв упругой силой.
Чудес не жду, а всё-таки подмога –
весна на радость тесто замесила.

30 апреля 2005. Ветлуга

Косматая, разлапистая туча,
насквозь промокнув, на ветвях повисла.
Ей пролететь бы мимо было лучше,
здесь оставаться не имеет смысла.

По ней тоскуют сохнувшие дали,
достойные вниманья и награды,
а тут, у нас её совсем не ждали
и встрече с ней, естественно не рады.

Но туча смотрит свысока на это,
ей наплевать. Вникать её ли дело?!
И на упрёк она не даст ответа,
но ведь она зачем-то прилетела!

11 мая 2005. Ветлуга

Лето прячется за рощами вдали,
облака легли на землю зыбкой тенью;
вот и бабочки на ветках расцвели,
торопя заторможенное цветенье.

Скоро трав неповторимый аромат
воздух сказочный наполнит до краёв
и черёмухе поющей будет рад
клён, глядящий с нетерпеньем на неё.

Будет всё: и грозовой переполох,
будут солнечные звонкие лучи...
Кто сказал, что этот мир для жизни плох?
Просто мы-то в нём занозой торчим.

Может быть, природа наша такова,
ну, а может, мы в безумстве преуспели.
Только, видно покаянные слова
не смогли пока ещё дойти до цели.

14 мая 2005. Ветлуга

Не вписываюсь в нынешний пейзаж
и в этом нет снобизма и гордыни,
в бесплодных спорах не впадаю в раж,
как это судьбоносно стало ныне.

Лицо эпохи в шрамах и рубцах,
с чем, как ни странно, трудно примириться,
поскольку это порождает страх,
что искажает остальные лица.

А шустрым всё, похоже, нипочём.
Им суета Содома и Гоморры
внушает мысль, что золотым ключом
любые отпираются запоры.

И норовят урвать и захватить,
и окунуться в сладкий омут власти,
и всё, что непонятно, запретить,
во имя овладевшей ими страсти.

Ну, что ж, всё верно, каждому – своё.
Не претендую и не проклинаяю.
Жизнь такова. Чем заменить её?
Хотя, возможно, где-то есть иная.

16 мая 2005. Ветлуга

Как часто повторял в экстазе я
любуюсь дивными узорами,
что утверждает жизнь фантазия
своими выкладками спорными.

Её движенье бесконечное
преобразует невозможное,
к себе притягивая встречное,
попутно упрощая сложное.

Мне иноходь воображения
всегда внушала уважение.

Май 2005. Ветлуга

Мне братьев меньших тоже жаль порой,
но, всё же, мазохизм за мной не числится
и я, к примеру, дружбу с мошкаррой
считаю запредельною бессмыслицей.

Готов я уважать её права,
но у проблемы этой нет решения.
Найти тут проще добрые слова,
чем тёплые наладить отношения

и легче в положение войти
малюток жизнерадостных с рождения,
чем радоваться, встретив их в пути,
немедленно идущих на сближение.

3 июня 2005. Ветлуга

Ко мне приходят в гости иногда
те, чей на веки стёрся жизни след,
кого я ждал в ушедшие года,
кого давно на этом свете нет.

Но иногда, являются и те,
кто мне определённо не знаком.
Они обосновавшись в пустоте,
как будто и не ведают о том,

откуда появляются они,
что означает этот их приход?
Они безмолвным призракам сродни,
внедрившимся в обычный обиход.

Я понял, кто тревожит мой покой
и почему мне незнаком их вид.
Средь прочих те являются порой,
с кем встретиться мне только предстоит.

14 июня 2005. Ветлуга

Проходит путь, порой, у самой кромки.
Взрывают страсти призрачный уют.
Любовных треугольников обломки
завалы в лабиринтах создают.

Удел немногих избежать напасти,
гарантий, впрочем, нет ни у кого,
и до костей обглаживают страсти
нередко господина своего.

Придавлены безумствами чужими,
проблемами своими заняты,
живём в катастрофическом режиме
бесплодной и бескрылой суеты.

Кто строит хрупкий дом, кто тонет в пьянстве,
не то находит каждый, что искал,
когда в несостоявшемся пасьянсе
Судьбы приоткрывается оскал.

23 июля 2005. Ветлуга

Вне времени, вне места, вне судьбы,
в пространстве, где, рассудку вопреки,
роются терпеливые рабы,
что от самопознания далеки.

В седом тумане тонут берега
эпох не совместимых никогда,
и грозных молний вольтова дуга
в тумане этом тонет без следа.

И мысль, что отвергает колею
дерзает бесконечность обживать,
и подтверждая подлинность мою
касается абсурда благодать.

27 июля 2005. Ветлуга

Распушился полевой осот,
белый пух парит над головой;
лёгкий ветер бережно несёт
в вечности порыв его живой.

В поле он незванный гость всегда,
враг народа, говоря точней,
впрочем, верно, прибыл он сюда,
потому, что этот мир ничей.

Здесь во всём равны сорняк и злак, –
фаворитов у природы нет.
Может, это людям некий знак,
но сияет в нём нездешний свет.

8 августа 2005. Ветлуга

Расходы духа не вмещает смета,
хоть очень трудно осознать такое:
открытая давно весомость света,
мне почему-то не даёт покоя.

Мне лично это всё же непонятно,
хоть, видимо, полезно для науки,

и. взвешивая солнечные пятна,
она синицу получает в руки.

А свет, преобразуя всё на свете,
свободно проникает в хаос мрака,
и радуют меня приметы эти,
не обещая журавля, однако.

Вот для меня сияет хромосома,
сиянье это высветляет лица,
но радость эта так же невесома,
как свет, что в этот стих спешит пролиться.

14 августа 2005. Ветлуга

Нам в прошлое вернуться не дано,
при том, там слишком вязким стало дно,
да и поверхность ряской заросла,
чтоб тормозить стремительность весла.

Того, что ищем, в прошлом не найти,
и много чудищ встретится в пути,
с которыми себя от этих встреч,
конечно же разумно уберечь.

По глади настоящего скользья,
внедряться и в грядущее нельзя,
поскольку всё же, в случае чего,
не ускользнуть обратно из него.

Ведь занесло нас именно сюда,
где жизнь сама сплошная ерунда,
что в ней слились и, видимо, давно,
три измеренья времени в одно.

25 августа 2005. Ветлуга

Когда-нибудь, покинув этот край,
чертям грехолюбивым на беду,
я по пути в первопрестольный Рай,
надеюсь всё же побывать в Аду.

В привычной обстановке находясь,
всё схватывая взглядом на лету,
я в эту неземную вонь и грязь
сквозь адскую проникну суету.

Здесь на последнем вираже судьбы,
Где души обрели последний дом,
где черти, словно жалкие рабы,
бесперспективным заняты трудом,

я наконец-то, может быть, пойму,
хотя и буду этому не рад,
пойму, на самом деле, почему
необходимы людям Рай и Ад.

27 августа 2005. Ветлуга

В эпохах тьма разительных отличий,
но не скудеет прошлого рука.
Я часто отправляюсь за добычей
в различные нездешние века.

Не то, чтобы я был повсюду дома,
нет, я везде скорее гостем был,
однако жизнь казалась мне знакома,
куда бы не занёс меня мой пыл.

Теперь я отправляюсь в путь всё чаще.
Сияет отгоревшее, маня.
И даже тут в мертвящем настоящем
находки терпеливо ждут меня.

28 августа 2005. Ветлуга

В слепом порыве годы мчатся
сквозь жизни радости и бедствия,
но удручают слишком часто
досадные несоответствия,

несовпадение направлений
непроизвольного движения,
несовместимость настроений
при невозможности сближения.

Наш мир, как будто так устроен,
чтоб в нём жилось легко и весело,
но сор снимаем слой за слоем
для достижения равновесия.

Август 2005. Ветлуга

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Ефимович Флешин (16 ноября 1928 – 2 сентября 2005)	5
От составителя	6
1957–АВГУСТ 1974. МОСКВА, ТАРУСА	9
Роза	11
Что-то некогда означавшее... ..	12
Солнце, облачные горы раздвинь... ..	12
Сегодня вновь обрёл я душу... ..	13
Мы не ищем ни чинов, ни наград... ..	14
Летняя эллегия	14
В лавке антиквара-армянина... ..	15
На опустевших мостовых... ..	16
Червь сомненья	17
Из цикла «Весна 1964»	17
Обречённый	19
Золу этих лет сквозь стихи просеяв... ..	19
Ты меня не ругай сурово... ..	20
Скоро всё кончится... ..	21
От души до души – не тайга, – камыши... ..	22
Несущая нагрузку	23
Зёрна	24
Шутка	24
Время, ты в бесплотности своей... ..	25
Просто так	26
Поиск	27
В полёте (Москва – Сухуми)	28
Во мне горит неяркий огонёк... ..	28
Однажды летом	30
Письменный стол	30
Зима	32
Не спешите давать имена!	32
Всё проще, всё банальней и мудрей... ..	33
Мир – зеркало, в которое века... ..	34
Шахматная фантазия	34
Корабль непоправимо болен... ..	35
Над протяжённостью бесполох притяжений... ..	36
Москва – Тбилиси	36
Прости меня весна... ..	37
Песенка	38
Весне на память	39
Город	40
Как далека теперь пора... ..	40
Истекают сроки. Вечность на исходе... ..	41
Стихи о «счастье»	42
Смерть	42
1. Крутой... ..	42
2. У смерти лёгкий шаг... ..	42
3. Безумец лишь её... ..	43
Январь попахивал весной... ..	43
Мир грозились спасти не мы ли... ..	44
Раздумье	45
На отдыхе	45

Грядущего бесплодный прах...	46
Дороги? Да, были дороги...	47
Отсвет	47
Весенняя песня	48
В мире смеха очень много...	49
Не то, чтоб камера...	49
Бросаюсь в бурную лавину...	50
В метро	51
Я срываюсь,гибаюсь...	52
Новогоднее	52
Пути-Дороги	53
Нет истины надёжнее цветов...	53
Мазок	54
Когда деревья бьёт озноб...	54
НОЯБРЬ 1974 – ДЕКАБРЬ 1977. ЛЕФОРТОВО, ВЕЖАЙКА, МИКУНЬ	55
В белом небе чёрные молнии...	57
В каждой росинке вечности след...	57
Сказка	58
Элегия	58
Дни	59
Хорошо!	60
Посреди России, над Окой	61
Песенка о колесе	63
Так жизнь проходит по чужим дорогам...	64
В бездомный мир заброшен...	64
Точка зрения	65
Кончается весна	66
Солнечная фантазия	67
Душевный стих	67
Солнце	68
Сюр	69
Автомобили	69
Встреча	70
Зеркальная фантазия	71
Изошутка	71
Без знака качества	72
Монолог авантюриста	73
Монолог Чаадаева	73
Забить себя... и всё начать с нуля...	74
Катехизис	75
Эпос	75
Ретроспективное	76
Десятый месяц не видать ни зги...	77
Ситуация!	78
Мифо-логическое	79
Горизонтальные размышления	79
Ремесло	80
Монолог шизофреника из трагедии «Дун Фан Хун»	81
Я будущего контуры крою...	83
Родезия	84
Сюр реализм	85
Песенка о китайцах	85

Гармония	86
1. Охапку цветов...	86
2. Младенческий лепет акаций...	87
3. Когда, остановившись у предела...	87
Не удержать лучей в горсти...	88
Зарок добра молодца	89
Свет	90
Перевод с китайского на гитарный	90
Историософское	91
Прогресс	92
Метаморфозы	93
Бродячая песенка	94
Филокинез	94
Из цикла «Русь»	95
Дни	96
Мыслята	96
Реминисценция	98
Соцреализм	98
Когда я ощущаю груз оков...	100
Камертон	100
Идейность	101
Песенка о физиках и лириках	101
Разнодумье	102
Мяу!	103
Напутствие Р. Р. начинающему	104
Пророчество	105
Руки	105
Точка зрения	106
Воспринимаемая жизнь как увяданье...	107
Свет	108
Разлука	108
Глаза	109
Из цикла «Камертон»	110
Сорокоуст	110
Новогоднее	111
Кто многогранник жизни изучил...	111
Воспоминание о юге	112
Густеют миражи былого...	112
Новогоднее	113
Луна	114
Когда гляжу я на созвездье тараканов...	114
Ты говоришь о том, что жизни нет...	115
Живущий в мире без дорог...	116
Изучая жизни свойства...	116
Не выжечь этого названьем...	117
Гаснет свет и мир теряет краски...	117
Чудеса	118
Памяти Марины	119
Плоды	120
«Земля» Крофта	121
Шутки – прибаутки	121
Да, жизнь весьма удачливая сводня...	122
Москва – Вежайка, Вежайка – Москва	123

Закономерности	123
Так уж повелось оно исстари... ..	124
К чему в пути печалиться?.. ..	125
Мы теперь встречаемся с тобой... ..	125
Когда Вселенная выплонет человечество... ..	126
Подснежник	126
На дне искрится снежное руно... ..	127
У входа в ночь	127
Информация	128
Кольбельная	129
Я закаляюсь, чуть глаза протру... ..	130
Мы во многом не схожи. Ну, что же... ..	130
Ожиданье	131
Февраль	132
Летучие мыши	132
Везенье	133
Предвестье	134
Весна	135
Путь безмерный	135
Бессмертье	136
Парадоксальные стихи	137
Два начала	137
Потустороннее	138
Безумье	139
Остриженный ветер... ..	140
Слова	140
Кем это придумано?.. ..	141
Каждый день сокращает срок... ..	142
Косноязыча поначалу... ..	142
Мы с Гамлетом встречаемся не часто... ..	143
Скорей бы дойти до безлюдья... ..	144
В покосившейся глуши	144
Драма	145
Ситуация	146
Март	146
Мы – в центре мира	147
Прошлое не насыщает... ..	148
Перепутье	148
Овсейчуковина	149
Сердечность	149
Высота	150
НевзнаЧАЙ	150
Музейное	151
Светопреставление	152
Голубая звезда	153
Заблужденье	153
Не заданность, а просто данность... ..	154
Солнце яркое к снегу ластится... ..	154
Не смотрю уже пристально	155
Растормошил апрель сердца... ..	156
По жизненным тропам... ..	156
Плоды эпохи	157
Вчерашний день теряет очертанья... ..	158

Мы замкнуты в беспрецедентный век...	158
Монолог Ганса Фаллады	159
Патриотическое	159
Притяженье	160
Смерть мёрзла в карауле...	161
Песенка про идиота	162
Ещё задач своих не зная...	163
Вчера я встретил индюка...	163
Подлог	164
Посещение атома	165
Какая разница?	165
Висячие сады	166
Святоблудие	167
Бдения	167
Пропади всё пропадом!..	168
Путь исправления	169
Храм	170
Неонудизм	171
Суд правый	172
Как ведётся	172
Высокогорье	173
Всё во благо	174
Мне повезло	175
Между строк	175
Слова	176
Что – соловьи!	177
Протопчу тропинку в синеве...	177
Осадки	178
Слово	179
Не дух божественной идейности...	179
Комяцкое лето	180
Там	181
На границе хлеба и неба	182
Гляжу на Юг	183
Напутствие	183
От выжженных полей, от обмелевших рек...	184
Время	185
Леса	185
Соответствие	186
Ранний свет	186
Любили предки...	187
Как на экране	188
Можно	188
Не слепилось, не случилось...	189
Обломки	190
Элле	191
1. Мы не найдём своих следов...	191
2. Мы крыльями устало машем...	191
3. Нарцисс	192
4. Август	192
5. Двуединство	193
6. Ещё смола не стала янтарём...	193
7. Закат	194

Теперь	194
Лесная песня	195
Кантианское	196
Прежде и теперь	196
Сентябрь	197
Макет	198
Песенка про то и про это	199
Новостройка	199
1. Ухрюкав день до ты-оглядь-не-ты... ..	199
2. Набрюхали похлёбчатый завар... ..	200
3. За люблики червонно не заплач... ..	200
4. В углядку хрясть и волокнуть торопь... ..	201
5. Утрач	201
6. Протараканил день гитары бряк... ..	201
I. Опустели глаза, обезлюдели мысли... ..	203
II. На закате	203
Там, где в сумраке лесов... ..	204
Лунка	205
Разлад	205
Когда в лесу поёт пила... ..	206
Ночь	206
И номер мой, и серия... ..	207
Мне старость противопоказана... ..	207
След рыбы	208
Детерминизм	209
Ожидание	210
Нить	211
Импрессионизм	211
Жизнь – стихийное бедствие... ..	212
Осадок	213
Раздвоение	213
Мы примелькались в мире этом... ..	214
Не надо вспоминать: воспоминанья – ложь... ..	215
Элшутка	215
Теплица	216
Блёстки	217
Я остаюсь	218
Пружина	219
Свет прошлого	220
После встречи	221
Откуда что берётся	222
Перебирая падежи... ..	223
Радость	223
Был будний день. Обычный. Тленный... ..	224
А мы росли на буйном пустыре... ..	225
Гносеология	225
Чайки над Вычегдой	226
Песенка Тили Уленшпигеля	227
Исподволь, укромно, неторопко... ..	227
Линия	228
Слова	229
На грани невозможности	229
Августейшее	231

Кончились белые ночи	231
Всех чудес хмельных слияние... ..	232
Голоса	233
1. Фимиама и ладана.. ..	233
2. Мир не базис, но база.. ..	233
Августейший трилистник	234
1. И под солнцем, яростно палящим.. ..	234
2. На днях я повстречал себя.. ..	234
3. Что такое, конец пути.. ..	234
Когда б не знал	235
Творчество	235
Прощание с Августом	236
В наш век подешевели чудеса.. ..	236
...А где-то там, за тридесять снегов.. ..	237
Вера	238
Ничто	238
Да, море наглядно, не то, что река.. ..	239
Усилим воли.. ..	240
Возвращение	240
Пока	241
Незримо	242
Ответ	243
Пантероид	244
Сюрсолипсизм	245
Безвозмездное	246
Формалин	246
О!	247
В том краю...	248
СЕНТЯБРЬ 1978 – 2000	249
Живому особая сила дана.. ..	251
Песня алкоголика	251
Пантомима	252
Всю жизнь	253
Сегодня Музу лишь в музее.. ..	253
Любовь зла	254
В какой-то миг на долгий срок.. ..	254
Пустяки	255
Я полон далями недавними.. ..	256
Иноходь	256
Давайте вдруг сообразим.. ..	257
Отречение	258
Масонник	258
Возвращение в настоящее	259
Обретение	260
Сгустки памяти, фрагменты оскудения.. ..	260
Новогодний сонет	261
Звёзды	261
Взгляд и нечто	262
Ода Р. Рождественскому	263
Поиски	263
Светлое паренье в тёмной раме.. ..	264
Просцениум	264

Веснопенье	265
Провесень	266
Болеть не страшно и стареть не больно...	267
Рисую жизнь прерывистой чертой...	267
Весну опередив	268
Ни ненависти, ни презрения...	268
Была погода неприветлива...	269
Какой скандал!..	269
Песенка для гитары с голосом	270
Куда ты теперь, Лепорелло?!	271
Сонет	271
Каждый счастье на свой обмеряет аршин...	272
Основа	273
Ты слышишь, я с тобою говорю...	273
Мне будущим глаза запырило...	274
Зрю в корень сквозь бесцветные очки...	274
Есть мир (кому тот мир не ведом?!)..	275
То воспаришь, то воздымишь!..	276
Укротитель	276
Бессилен бессилия вирус...	277
По дороге в Цхинвали	277
Мтацминда	278
Паук	278
Если вы с несбывшимся порвёте...	279
Стоит взгляд направить в давнюю даль...	280
Под мерный гул, под выбормот колёс...	280
Класть хризантемы к изголовью...	281
Русалка – присказка Руси...	281
Такая ясность в небе, что стоишь...	282
Зной	282
В мире, я вас уверяю...	283
Самгори	283
На улице Чонкадзе	284
Павший ангел	285
Творчество	285
Благословение	286
Портрет	287
Лестница	287
Утро	288
Вот годы, говорят, берут своё...	288
Раз в год ты надеваешь ордена...	289
Слово	290
Я ко всему готов, да, ко всему...	290
31 мая	291
Непогодь	291
История	292
Только града мне и не хватало!..	293
Путь	294
Лишь вечное от века злободневно...	294
У порога	295
Блаженственности нежные черты...	296
Ты нёс по жизни тяжкий груз даров...	296
Пустоты прислужники прилежные...	297

Дары богов	298
Примета	298
Соцветье разочарований... ..	299
Мороз грызёт сосульки озорно... ..	300
Монолог шута	300
Весенняя распутица	301
Вопрос	302
Поиск	302
Как трудно души обживают плоть... ..	303
Чёрту, явно всё казалось: мало... ..	304
Идейное	305
Рыбацкая тропа	306
Антибасня	306
Мудрость	307
Она волхвует, шепчет, ворожит... ..	307
В голове сумятица... ..	308
Игра природы	309
Небылица	309
Зима	310
Муза	311
Не в бровь, а... в лоб	312
Начало	312
Мне сегодня чужое всё здешнее... ..	313
Ночь	314
Ночь	314
Бес силён, а я бессилён... ..	315
Ясность	316
Оглянусь на двадцатый век... ..	316
Вон звёзды выцвели и стали грустными... ..	317
Мы теснимся в мясорубке соцпрогресса... ..	318
Вселенная при всём размахе... ..	318
Чудесные явления... ..	319
Да нет, не так уж рыбы молчаливы... ..	320
Вдали от мимолётности сплошной... ..	321
Не следует винить вино... ..	321
Иссушали меня труды... ..	322
Заблудиться среди облаков... ..	323
Дрейфую у Вселенной на виду... ..	323
Ничто не исчезает... ..	324
Презрев стриптиз и твист... ..	325
Намёк	325
День поэзии 83 (общее впечатление)	326
Разбежался по листу и стал в тупик... ..	327
На дне	327
Всё впереди	328
Всё это было. Не впервые... ..	329
На три измерения ветер деля... ..	329
Снег уходит во вчера... ..	330
Не смогу я сообщить вам точной даты... ..	331
Назло безликому злодею... ..	331
Вот так из года в год, из жизни в жизнь... ..	332
Закончился подспудный отдых... ..	333
Всё-таки весной происходит... ..	333

Вожди, когда заводелеют...	334
Животные двуногие умнее, чем двуругие...	334
Тают где-то за кромкою дня...	335
Норд-Ост. Понятно, рыба не клюёт...	335
Когда укомплектована душа...	336
Дорог в мире много...	337
О комарах	337
Спой мне песню, сирень, о проказах весёлого Пана...	338
Лазутчик вездесущих перемен...	338
Мой карандаш стал ревновать бумагу...	339
Деревня	339
Не знаю, что зовётся нынче счастьем...	340
Ласточки, откуда вы, из детства...	340
Живу я в полусне...	341
Томленья духа, прозябанье тела...	342
Куда ни кинь	342
На лес гляжу и древопись читаю...	343
Не то чтобы тоска, а всё же тянет выть...	344
Когда бросаю бодрый клич...	344
Среди прагматической чуши...	345
А воды в реке опять знатно прибыло...	346
Эти тучи, ливнем полные...	346
Старик Харон на личность не глядит...	347
Привычной тропой иду не спеша...	347
Вчера я том стихов открыл...	348
Стою я посредине лета...	348
Крестоносцы	349
Два града	349
Пыльных лет не итожу...	350
Утро в декабре	351
Мидастения	352
Ни Веры, ни Надежды...	352
Мы все живём во времени. Свои...	353
Жить... Что может быть ясней и проще...	354
Не ищи созвучий в зимах прежних...	354
Из холла доносятся всплески Шопена...	356
Защита мира	357
К парижскому фотопортрету М. Цветаевой	358
Сон	358
Доброта и мудрость – сёстры сводные...	359
На весеннем перекрёстке	359
Сонет	360
Когда над речкой радуга повисла...	361
Ёмкость даже будничного дня...	362
Бушует жизни океан...	362
Ночь напролёт и день навывает...	363
Так время движется и свет сочится так...	363
Подковой дверь избы моей...	364
Ну и лето, что за лето!	364
Мошкостром	365
Завтра отменяется рыбалка...	366
Сотворение мира	366
Нет сейчас ни горечи, ни злобы...	367

Новоселье	368
Добродушный носорог	369
Одна лишь иерархия светил... ..	370
Ирония Петрония на ощупь жестковата.. ..	370
Свои виденья запечатлевая... ..	371
Феномен среди бойких и быстрых... ..	372
Весна	372
Осень осиянная	373
Исчезли дни, остались даты... ..	373
Кто ты, вестник и сказитель... ..	374
В снежном замесе свет, чистота и простор... ..	375
Дебри диамата	376
Хоть уверяет нас Гамзатов... ..	376
Погоды своенравный разворот... ..	377
Движенье порой нас приводит и к цели... ..	378
Среди толкующих о благодати... ..	378
Порой нам кажется, что Оры... ..	379
Утро 27 мая	380
Спидология	381
Надо же, надо же, надо же было случиться!.. ..	381
Гнетущая жара, вникая в нас... ..	382
Жизнь поэзии ветвиста... ..	382
Качает головами лес... ..	383
Шурёнок погорел на червяке... ..	384
Пробуждая дремлющий восторг... ..	384
Ода языку	385
Я в облако войду... ..	385
Прошлое старательно просей... ..	386
Оптимистическая фантазия в стиле верлибр	386
Газетный шум, журнальный бум... ..	387
Нет, я не подавал заявки... ..	388
Диссиденты шестидесятых... ..	389
Квадрат	390
У призрачной межи	391
Божье действо	392
К свадьбе Светы Фикслер	392
1. Будет радость и усталость... ..	392
2. В семье улыбка – добрый знак... ..	392
3. Приносит присутствие этого рога... ..	393
4. Налаживая мост Москва – Канада... ..	393
5. Конечно, условностям в счастье не место... ..	393
Из года в год весны приход... ..	393
На авансцене жизнь кипит фальшивая... ..	394
Всё неизменно в свой приходит час... ..	395
Полвека, в общем, возраст несерьёзный... ..	395
Не зря прогрессу путь открыт... ..	396
День Святого Валентина	396
Так уж это повелось... ..	397
На день рождения	397
Золотые шары	398
2001 – 2005. МОСКВА, ВЕТЛУГА, ПОГОРЕЛКА	399
Такая вот история	401

Послезавтра весна – календарь это вам подтвердит...	401
Ковры	402
Изменяюсь, болею, старею...	402
Дразня неуловимым обликом...	403
Мне многое хочется помнить...	404
Душе светил вибрации слышны...	404
Каждый человек искатель клада...	405
У меня на всё воззрения очень стойки...	405
Колочая осенняя морока...	406
Ветер	407
Что вдоль, что поперёк – один расклад...	408
Жизнь	408
Всё больше листьев падает с берёз...	409
Песенка о ...	409
Отблеск романтики	410
Верю	411
Ход времени неуловим и страшен...	411
В кольце невзгод и бедствий...	412
Микроб	412
Порой, я к чистой тишине прильну...	413
Вот и скрылся куда-то...	414
Ветлуга	414
Человечество вязнет в трясине...	415
Ветлуга	415
А если бы Пушкин Дантеса убил...	416
За частоколом одноцветных дел...	416
Стараюсь я теперь не как в начале...	417
Когда я вечность коротал в Эдеме...	417
Цветок	418
Как говорится...	419
Наваждение	419
Вот опять по мостовым поэмка стелется...	419
Три четверти века брожу по земле...	420
Хоть я всю горечь получил сполна...	420
В чаду бесформенного шума...	421
Мосты	421
Итак, пошёл мне семьдесят шестой...	422
От будничного шума устаю...	422
Мы все изрядно рады...	423
До сих пор всё ясно было мне...	424
Счастье я видал в гробу...	424
Стрекозка	425
Что искренность опасна, это ясно...	425
Без лишних споров календарная зима...	426
На крыльях саранчи летят года...	426
Давило небо массой огромной...	427
Всё смутно, непонятно, вкривь и вкось...	427
С какой-то вестью на волне прохлады...	428
Задать вопрос легко, а дать ответ...	428
Словопас	429
Как видно, впали мы в немилость...	429
На тишину накладывался свет...	430
На первый взгляд, всё на своих местах...	430

Есть элементы редкие...	431
В движении не видя смысла...	431
Печальна жизнь, тем более...	432
Хотел бы я всю жизнь писать портрет...	432
Сентиментальность	433
Да, тьма вокруг сгущается...	433
Я живу хорошо...	434
В среде огромных величин...	435
Мне хочется сосредоточиться...	435
Весь мир утратил облик светлый...	436
Жизнь лишь в пустых мечтах безбедна...	436
Обычно нет на этом свете...	437
Не туда страна идёт...	437
Нынче игры стали очень сложными...	438
Не то, чтобы чего-то было жалко...	438
Мы голову себе морочим...	439
Давит всплески депрессивный пресс...	439
Да, было всё: просчёты и потери...	440
Напасти	440
Март	441
Кто знает, где граница неизбежности...	441
Дальние слова, поступки, лица...	442
Процесс преображенья нескончаем...	442
Ну, наконец, всё изменилось разом...	443
Косматая, разлапистая туча...	443
Лето прячется за рощами вдаль...	444
Не вписываюсь в нынешний пейзаж...	445
Как часто повторял в экстазе я...	445
Мне братьев меньших тоже жаль порой...	446
Ко мне приходят в гости иногда...	446
Проходит путь, порой, у самой кромки...	447
Вне времени, вне места, вне судьбы...	447
Распушился полевой осот...	448
Расходы духа не вменяет смета...	448
Нам в прошлое вернуться не дано...	449
Когда-нибудь, покинув этот край...	450
В эпохах тьма разительных отличий...	450
В слепом порыве годы мчатся...	451

Издательство «Виртуальная галерея»

parkcultur@gmail.com

Подписано в печать 24.03.2022. Формат 130×200 мм

Бумага офсетная. Тираж 76 экз.

ЭПОС

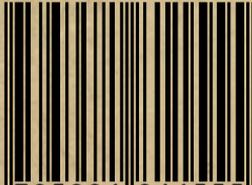
Времени раблезианское обилие...
Лепоты гомеровский разлив!
Мудрости обезображенная лилия
Корчится в тени поникших ив.

Ну, какого чёрта угораздило
Нас вломиться в этот лживый век!
Выбрали кусок земли для праздника,
Где так вольно дышит человек!

Слишком поздно мир переименовать:
Родина не шапка, и не зонтик.
Только тяжело всё то утрачивать,
Что отодвигает горизонт.

27 июня 1975. Лефортово

ISBN 978-5-98181-155-5

9 785981 811555